

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

В.А. МАТВЕЕВ

**КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА:
ДИСКУССИОННЫЕ АСПЕКТЫ
И РЕАЛИИ ЭПОХИ**

Монография

Ростов-на-Дону
2017

ББК 63.3 (235.7) 612

УДК 947.084.2

М333

Рецензенты:

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Института Востоковедения РАН Ф. Бадерхан;

доктор исторических наук, профессор З.Б. Кипкеева

Матвеев, В.А.

М333 Кавказская война дискуссионные аспекты и реалии эпохи / В.А. Матвеев.
Ростов н/Д: ЮФУ, 2017. 167 с.

ISBN 978-5-9275-2629-1

В монографии обобщаются результаты исследований автора, издававшиеся ранее в различных форматах. На протяжении ряда лет они дополнялись источниками, в научный оборот ранее не вводившимися. Вместе с тем проводилась работа и по изучению специальной литературы, наиболее значимые сведения из которой включались в систематизации с необходимым в таких случаях историографическим сопровождением. Выделялись при этом прежде всего дискуссионные аспекты. Полученный результат рассчитан не только на специалистов, интересующихся особенностями формирования государственного единства Кавказа с Россией. Изложенная в проекте концептуальная версия предоставляет дополнительную возможность в осмыслении непростого периода интеграционного процесса и возникающих вследствие распространенности фальсификаций угроз на современном этапе.

В приложении внимание научного сообщества привлекается к ситуации, сложившейся в постсоветскую эпоху в связи с разделением фондов бывшего архива наместничества на Кавказе и передаче части из них на хранение в МВД Республики Грузия. В отрыве от других источников, позволяющих достичь объективной реконструкции, материалы с односторонними негативными сведениями использовались спецслужбами для подрыва геополитических позиций России в регионе. Между тем они являются общим достоянием.

Публикуется в авторской редакции.

ББК 63.3 (235.7) 612

УДК 947.084.2

ISBN 978-5-9275-2629-1

© Матвеев В.А., 2017

© Южный федеральный университет, 2017

ИНТЕГРАЦИОННАЯ ПАРАДИГМА: ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ

(вводное предисловие)

Включение Кавказа в состав российского государственного пространства являлось длительным и противоречивым процессом. В нем сочетались различные тенденции, но в конечном итоге преобладающей оказалась совмещенность в согражданство. Интеграционная составляющая в контексте объединения прослеживалась в том числе и в эпоху Кавказской войны. В советский же период в отечественной исторической науке под воздействием установившейся идеологической конъюнктуры получали отображение лишь негативные ее последствия. Обычными при воспроизведении обстоятельств объединения края с Россией стали положения «о покорении Кавказа, реакционных происках царизма... угнетении горцев» и т.д.¹

На это обращалось внимание в моей статье, посвященной итогам исторического свершения, определившим содержание целой эпохи². Между тем сложившееся в 20–30-е гг. XX в. и в последующие десятилетия состояние исторических знаний о Кавказской войне, не в последнюю очередь, по признанию специалистов, способствовали разрастанию трагедии в регионе в постсоветскую эпоху. Приверженцы сепаратизма не раз заявляли: «Россия нас завоевала!». С такими настроениями мне пришлось сталкиваться в начале 90-х гг. XX в. при чтении лекций от общества «Знание» в селах Ростовской области, где представлены были диаспоры различных народов Кавказа. При общении с представителями молодого поколения часто приходилось сталкиваться с наличием обиды на Россию «как завоевательную державу».

Однако, если брать край в целом в период вхождения в ее состав силовая составляющая отнюдь не являлась преоб-

¹ См. подробнее: Матвеев В.А. Кавказская война: незамеченные итоги // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 1995. № 4. С. 3.

² Там же. С. 3–11.

ладающей. Мои возражения, как правило, не убеждали тех, кто высказывал противоположные суждения. Предшествующее идеологическое воздействие, в том числе через школьные учебники истории, оказывалось сильнее. О том, что такие представления могут привести к трагическим последствиям, вывод я сделал сразу, как только с ними столкнулся. Пришло и осознание того, что противодействие должно основываться на объективных научных результатах.

Отход же от сложившихся представлений наметился еще со второй половины 50-х гг. XX в., когда исследователи получили возможность использовать архивные материалы. Конструктивные достижения в отечественном кавказоведении позволяли усомниться в объективности сложившихся ранее негативных интерпретаций последствий политики на окраинах Российской империи. Систематизацию наиболее перспективных для дальнейших исследований наблюдений ученых предпринял В.Б. Виноградов в двух весьма обстоятельных историографических очерках. В них отмечены заслуги М.М. Блиева, В.Г. Гаджиева, Ж.Ж. Гакаева, Н.П. Гриценко, В.В. Дегоева, В.П. Невской, Ф.П. Тройно, Ю.В. Хоруева, Т.Х. Кумыкова, М.-С.-К. Умаханова и др.³

Объективный взгляд на особенности установления государственного единства Северного Кавказа с Россией стал постепенно восстанавливаться. Усилиями представителей отечественной исторической науки исследованию в 70–80-е гг. XX в. подверглись все важнейшие направления проводившейся в крае политики до наступления революционного кризиса в 1917 г. Освещалось при этом боевое содружество в отражении внешних агрессий, добровольное вхождение в состав империи, сочетание элементов подданства и военного союза в этом процессе, земельное обустройство, развитие промышленности, торговли, и т.д.⁴ Попытки вернуть обсуждение проблемы ненасильственной солидаризации при формировании государственного единства России и Кавказа, предпринятые

³ Виноградов В.Б. Россия и Северный Кавказ (обзор литературы за 1971–1975 гг.) // История СССР. 1977. № 3. С. 158–166; Он же. Россия и Северный Кавказ (обзор литературы за 1976–1985 гг.: итоги и перспективы изучения) // История СССР. 1987. № 3. С. 89–101.

⁴ Там же.

В.Б. Виноградовым, подверглись массированной критике. Начавшаяся в связи с этим в начале 80-х гг. XX в. дискуссия подерживалась в ряде исследований и впоследствии⁵.

Позитивные перемены, происходившие на Северном Кавказе в имперский период, отображались в исследованиях и В.Н. Ратушняка⁶. Под его влиянием так же, как и В.Б. Виноградова, происходило становление двух авторитетных научных школ на Юге России, способствовавших утверждению интеграционной парадигмы в осмыслении особенностей формирования государственного единства северокавказской окраины с Россией⁷. Необходимость оценки Кавказской войны «с научных позиций историзма» обстоятельное обоснование получила в совместном докладе возглавляемым В.Н. Ратушняком коллективом ученых на конференции, проходившей в Кубанском государственном университете 16–18 мая 1994 г.⁸ Посвящалась же она 130 годовщине завершения вооруженного противостояния в северо-западных частях края⁹.

Вырванные из ретроспективного контекста факты, как совершенно справедливо утверждалось в докладе, представляют опасность¹⁰. Указывалось в нем вместе с тем на важность

⁵ Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). М., 2001. С. 132.

⁶ См. подробнее: Ратушняк В.Н. Развитие капиталистического земледелия в Предкавказье в конце XIX – начале XX века. // Вопросы исторической науки / Краснодарский госпединститут. Краснодар, 1969; Он же. Социально-экономическое развитие северокавказских туркмен в конце XIX – начале XX в. // История горских и кочевых народов Северного Кавказа в XIX – начале XX в. (проблемы социально-экономического развития). Ставрополь, 1980. С. 3–14; Он же. Из истории русско-адыгских отношений // Из истории русско-северокавказских связей (К 1000-летию первого упоминания в летописи Тмутаракани): тезисы докладов. Краснодар, 1988. С. 15–17 и др.

⁷ См. подробнее: Матвеев О.В., Матющенко П.П. Историк В.Н. Ратушняк // Библиографический указатель. 70-летию посвящается. Краснодар, 2010. С. 15.

⁸ Авраменко А.М., Матвеев О.В., Матющенко П.П., Ратушняк В.Н. Об оценке Кавказской войны с научных позиций историзма // Кавказская война: уроки истории и современность. Матер. науч. конф. г. Краснодар, 16–18 мая 1994 г. Краснодар, 1995. С. 24–43.

⁹ См. подробнее: Кавказская война: уроки истории и современность. Матер. науч. конф. г. Краснодар, 16–18 мая 1994 г. Краснодар, 1995. С. 3.

¹⁰ Авраменко А.М., Матвеев О.В., Матющенко П.П., Ратушняк В.Н. Об оценке Кавказской войны с научных позиций историзма. С. 24–25.

учета в исследованиях объективных обстоятельств, определявших ход событий и их последствия. При изучении «такого сложного длительного явления» как Кавказская война авторы доклада предложили рассматривать «множество различных факторов». Отвергнуты ими были иные обозначения, сужавшие конфронтационные сценарии до исключающих интеграционную альтернативу противопоставлений¹¹. В тот период распространенность получили наименования «русско-кавказская война» и иные, подменявшие обозначение, появившееся в контексте эпохи. В критических возражениях в докладе обоснованно отмечалось, что «далеко не все народы региона выступали против России»¹². Попытки же воспрепятствовать сближению позволяли достигать лишь временных результатов¹³.

Наиболее верным определением событий, как отмечалось в докладе, служит все же понятие «Кавказская война», так как в ней сочетались различные варианты выбора. В соответствующих обоснованиях указывалось и на необходимость «правильно оценить ее содержание». Оформиив выступление на конференции в статью, авторы и в ней сохранили пояснение, что изложили «свое видение некоторых аспектов рассматриваемой проблемы»¹⁴. Тем не менее оно имело подтвержденность источниками и явилось важнейшей вехой в становлении интеграционной парадигмы в отображении процесса формирования государственного единства Северного Кавказа с Россией. Расширение же границ империи, по уточнению авторов, и в этом случае оказалось вынужденным. Распространение юрисдикции на данную сопредельную территорию вызывалось потребностью предотвратить набеги и тщетность усилий по противодействию им без установления надлежащего государственного контроля¹⁵.

Принимая во внимание обозначившиеся разногласия в среде представителей различных концептуальных направлений в отечественной исторической науке, тогда же, в мае

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 25.

¹³ Там же. С. 26.

¹⁴ Там же. С. 27.

¹⁵ Там же. С. 28.

1994 г., я начал работу над темой «Кавказская война: незамеченные итоги». Ей предшествовал длительный период работы в архивах, при которой мне удалось выявить множество подтверждений правомерности использования интеграционной парадигмы, хотя изначально передо мной ставилась цель на получение совершенно иного результата. При определении темы мне было сказано: «Без В.И. Ленина ты ничего понять не сможешь». Публицистика же его содержала исключительно негативные оценки российской политики на окраинах отечественного Востока, в том числе и на Кавказе. Вынужденные территориальные приращения В.И. Ленин объявил исходя из своих представлений захватом «царей и капиталистов»¹⁶.

На них и происходило становление преобладавшего в советский период направления в отечественной исторической науке. Развитие ее за счет накопления фактов происходило, безусловно, и тогда, а многие из них позволяли делать и иные выводы. Создание проекта «Кавказская война: незамеченные итоги» продолжалось несколько месяцев и являлось сопутствующим продуктом проводившегося мной ранее исследования, связанного с региональными процессами более позднего периода. Тем не менее все имело взаимосвязанность, и отдаленные казалось бы события периода революции 1917 г. в России проясняли устойчивость происходившей интеграции. По ходу кризиса прослеживалась не только ее устойчивость, но и остаточный сепаратизм, в котором, как и в эпоху Кавказской войны, намечались иные варианты самоопределения. В межэтнических же конфликтах находили выражение существовавшие тогда противоречия.

Отдельные фрагменты разраставшейся из-за включения фактов объемной систематизации «Кавказская война: незамеченные итоги» опубликованы были раньше, чем основная часть. Посылалась основанная на одном из выделений статья и в сборник материалов по итогам конференции, проведенной В.Н. Ратушняком в г. Краснодаре. В ней я принял заочное участие, предварительно ознакомившись с программой и содержанием некоторых выступлений. Статья моя была опубли-

¹⁶ Ленин В.И. Есть ли путь к справедливому миру? // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Издание пятое. Т. 32. Май–июль 1917. Издательство политической литературы. М., 1969. С. 305.

кована¹⁷. В ней также с использованием ряда источников, не вводившихся ранее в научный оборот, подтверждались выводы кубанских коллег. Никакие позиции мы не согласовывали, и предварительно я был приглашен только к участию.

В моей статье, помимо изложенных элементов концептуальной новизны, приводились доказательства о том, что Россия при вынужденном утверждении на Кавказе преследовала цель обеспечить защиту соотечественникам, избравшим ее подданство. Поступиться же интересами тех, кто искал защиты и покровительства, она как великая держава не могла. В статье отображались вместе с тем сведения о том, что трагедия переселения горцев в пределы Османской империи обуславливалась во многом не зависевшими от русской администрации в крае причинами. В данной монографии воспроизводится именно такая структура. Опубликованная в 1995 г. по итогам конференции моя статья являлась составной частью проводившегося мной в тот период исследования обстоятельств вхождения Кавказа в состав Российской империи.

С использованием различных источников в нем затрагивались наиболее важные аспекты, являвшиеся дискуссионными. Учитывалось вместе с тем то, что в конце советской эпохи, как прослеживалось по историографическим очеркам В.Б. Виноградова, отход от прежних стереотипов только намечался. Продолжение он получил уже на последующем этапе. В.Б. Виноградов и В.Н. Ратушняк, подвергаясь нередко нападкам, по северокавказской проблематике его обеспечивали первыми. Нарботки же предшественников мной, безусловно, учитывались. Уважительно я относился и к мнению тех, кто придерживался иных взглядов. Более обстоятельно есть необходимость остановиться на иных результатах проводившегося мной в тот период исследования.

В редакцию весьма авторитетного журнала «Известия Высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион» преобладающая их часть, также оформленная в отдельную статью,

¹⁷ См. подробнее: Матвеев В.А. К вопросу о последствиях Кавказской войны и вхождения северокавказских народов в состав России. (Новое концептуальное освещение проблемы) // Кавказская война: уроки истории и современность. Матер. науч. конф. г. Краснодар, 16–18 мая 1994 г. Краснодар, 1995. С. 188–198.

поступила осенью 1994 г. для публикации в серии «Общественные науки». В представленной же систематизации выделялись аспекты государственного совмещения, предусматривавшиеся в российской политике в контексте противостояния и на последующих этапах. Необходимость в проведении исследования с такой направленностью как раз и появилась в связи с отмечавшимся «юбилеем окончания» Кавказской войны. При подготовке к нему распространенность получили, как уже отмечалось, исключительно негативные оценки, опиравшиеся на односторонние подтверждения, чаще всего со ссылками на интерпретации других авторов или источники, содержавшие лишь подтверждающие сведения. Многочисленные факты, имевшие противоположное значение, в таких систематизациях, как правило, игнорировались.

Между тем они позволяли делать и другие выводы. В статье выделялось включение края в состав имперского пространства не только при помощи силового подчинения, но и «нравственного авторитета» России. Впервые в ней обращалось внимание и на выдерживавшийся долговременный компромисс, позволявший при внешних государственных ограничениях сохранять этническую самобытность, и состоявшееся вследствие проводившейся политики «гражданское приобщение» вошедших в состав империи¹⁸. Отмечалось также то, что преодоление сопротивления «приверженцев иных вариантов самоопределения» происходило при его поддержке и непосредственном участии не только христианского, но и мусульманского населения Кавказа. В статье указывалось и на совпадение интересов различных этнических общностей края на том и последующих этапах с русским народом¹⁹.

В качестве подтверждения приводилось, в частности, то, что объединение христианского и мусульманского населения края с Россией определяло в дальнейшем «успешное совместное развитие»²⁰. Важнейшим показателем в этом отношении являлась и позитивная демографическая динамика. Рост численности горского и тюркского населения, как установлено специальными исследованиями, был выше, чем в среднем по

¹⁸ Матвеев В.А. Указ. соч. С. 9.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 10.

стране, а по отдельным этническим группам увеличение произошло даже в 2 раза²¹. Их данные также привлекались к раскрытию темы. В качестве итога интеграционного процесса выделялось и то, что в России, в отличие от ряда других стран, не установилось совпадение «государственного и этнического полей», в пределах ее границ складывалось согражданство²². Консолидированность же его, как проясняли различные события, была неравномерной.

В соответствии с данным заключением обращалось внимание на то, что в России с учетом ее исторически сложившейся государственной специфики нельзя придерживаться принципа «узкого национализма»²³, который так или иначе используется в политике зарубежных стран. При работе над статьей неоднократно возникали сомнения. В таких случаях проверка фактов осуществлялась иногда по несколько месяцев. Противоречий концептуальной их организации при этом я не встречал, хотя готов был к пересмотру формулировок. Когда статья представлена была уже для рассмотрения, через непродолжительное время начались военные действия в Чеченской республике. Содержание ее для понимания перспектив урегулирования конфликтной ситуации предоставляло необходимую ретроспективную информацию.

Но поступавшие отклики убеждали меня в том, что прохождение будет долгим. Возникали небезосновательные опасения и по поводу положительного заключения о публикации. Несмотря на то, что статья была представлена для рассмотрения еще осенью 1994 г., пропущенной она оказалась только 30 июня 1995 г. Содержание ее резко расходилось с концептуальными подходами, сложившимися в отечественной исторической науке в советский период. К выработке решения о прохождении или отказе подключены были многие члены редакционной коллегии. При преобладавших отрицательных оценках по ходу длительного обсуждения решающую роль сыграла поддержка известного ученого и организатора науки

²¹ Тройно Ф.П. Указ. соч. Тройно Ф.П. Кавказская война и судьбы горских народов // Кавказская война: уроки истории и современность: Матер. науч. конф. Краснодар, 16–18 мая 1994 г. Краснодар, 1995. С. 88.

²² Там же. Матвеев В.А. Указ. соч. С. 10.

²³ Там же.

на Юге России Ю.А. Жданова. Пригласив меня уже на завершающей стадии как главный редактор на беседу, он при завершении непродолжительного общения сказал: «Статья мне очень понравилась».

При этом Ю.А. Жданов попросил предварительно давать в дальнейшем непосредственно ему результаты моих исследований до того, как они будут предоставляться для ознакомления другим. На протяжении ряда лет при такой последовательности прохождения предоставлявшихся статей, в том числе и в редакцию ставшего под его руководством весьма востребованным в сообществе исследователей Юга России журнала «Научная мысль Кавказа», никаких препятствий с их публикацией не возникало. Позиция Ю.А. Жданова изменила все. Решающую роль сыграла также поддержка замечательного ученого и руководителя, декана исторического факультета Ростовского государственного университета профессора И.М. Узнардова.

Но у статьи «Кавказская война: незамеченные итоги» было с привязкой к современности того периода и завершающее продолжение. Общий ее объем к моменту завершения работы составлял более 2-х печатных листов и соответственно редакция «Известий Высших учебных заведений» принять ее могла только в предусмотренных параметрах. Рукопись второй части в декабре 1994 г. была направлена обычной почтой в один из центров русской эмиграции, находившийся в Германии. Посылалась она во Франкфурт-на-Майне без всякой надежды на успех. Статья, являвшаяся всего лишь продолжением предшествующей, была опубликована в течение месяца и в конце января 1995 г. я получил авторский экземпляр. Называлась она «Чеченский кризис: о чем говорят свидетельства прошлого»²⁴. В ней анализировался исторический опыт российской политики на Кавказе, востребованность которого многократно возросла в связи с возникшим вооруженным конфликтом.

На основе представленного в данной статье анализа обращалось внимание на соотношение тенденций, которое при выверенных подходах так же, как и в эпоху Кавказской войны,

²⁴ Матвеев В.А. Чеченский кризис: о чем говорят свидетельства прошлого? // Посев. 1995. № 1.

сложится не в пользу сепаратистской альтернативы. Излагалось вместе с тем наблюдение, что преобладающая часть чеченского народа продолжает воспринимать Россию в качестве родины. Такие настроения при определенных подходах возобладают и у воспринявших пропаганду сепаратистов. При устранении же кризисной ситуации предлагалось выдерживать отношение к населению как к соотечественникам. При этом подчеркивалось, что это должно служить главным критерием, который будет способствовать восстановлению российской субъектности. Поскольку статья была опубликована в журнале, издававшемся за рубежом, какой-либо реакции на нее в России не последовало.

Содержание ее высоко оценил Ю.А. Жданов, которому в соответствии с данным ранее обещанием, я передал копию. После знакомства он лишь посетовал, что статья не была предоставлена в только что учрежденный журнал «Научная мысль Кавказа». В его редакции мне впоследствии сотрудники пояснили, что в связи с «чеченским кризисом» не смогли на том этапе дать публикации, хотя обращались к другим уже имевшим известность авторам. Поддержку мне при предоставлении для публикации статей, отображавших позитивный отечественный опыт в формировании государственного единства России с Северным Кавказом, продолжал оказывать и И.М. Узнардов. Последовала она и тогда, когда на статью «Кавказская война: незамеченные итоги» в редакцию стали поступать внешние отрицательные отзывы.

Полемика в них выходила за рамки академической критики, которой предполагается уважительное отношение к оппоненту и доказательность со ссылками на источники, а не на оценочные суждения других авторов. Ситуация вокруг статьи сложилась таким образом, что мне необходимо было опереться и на положительные заключения специалистов, непосредственно занимавшихся кавказской тематикой. В тот период я еще не имел «ученой степени» и мне только предстояло выходить на защиту. Между тем на меня поступали дискредитирующие жалобы, о чем приходилось узнавать в редакции «Известий Высших учебных заведений». Знакомили меня и с содержанием некоторых из них. Нельзя было исключать, что они направлялись и по другим каналам.

Возникла в связи с этим настоятельная потребность обратиться к В.Б. Виноградову, создавшему авторитетную кавказоведческую школу и имевшему высокую научную репутацию. О нем и возглавляемом им коллективе ученых я имел представления по публикациям. В 1996 г., узнав через коллег адрес, я переслал ему копию статьи «Кавказская война: замеченные итоги» с просьбой дать объективное заключение. Через непродолжительное время я получил ответ и вслед за ним в редакцию журнала поступила рецензия, написанная В.Б. Виноградовым в соавторстве с Н.Н. Великой под названием «Замеченные итоги». Ее я сразу же воспринял как самостоятельную оригинальную статью, существенно дополнявшую использовавшуюся мной аргументацию. По поводу излагавшихся в ней составлявших концептуальное целое положений В.Б. Виноградов и Н.Н. Великая отметили, что они «имеют принципиальное значение... находят подтверждение в источниках и новейшей исторической литературе»²⁵.

Такое заключение для меня, тогда еще не известного исследователя, явилось по-настоящему судьбоносным, позволявшим удерживать концептуальные позиции, изложенные в статье. Это давало мне возможность в случае каких-либо дискредитирующих выпадов ссылаться на положительный отзыв заслуженного деятеля науки, руководителя одной из исторических школ на Юге России и его ученицы. В.Б. Виноградов и Н.Н. Великая положительной рецензией на статью открыли по сути для меня перспективу в непростом противостоянии, которое могло при неблагоприятном стечении обстоятельств «обрушить карьеру». В рецензии также констатировалось, что в образовании Российской империи определяющую роль имели «стратегические потребности». Выбор же ее подданства происходил вследствие складывавшихся объективных обстоятельств, и делала его «как правящая элита, так и широкие слои населения»²⁶.

Обращаясь в данном случае к мнению отечественного историка В.Г. Гаджиева, рецензенты дополнили его вместе с тем

²⁵ См. подробнее: Великая Н.Н., Виноградов В.Б. Замеченные итоги // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 1997. № 1. С. 13.

²⁶ Там же.

изложением точки зрения академика Б.А. Рыбакова, согласно которой «на Северном Кавказе произошло беспрецедентное в мировой истории добровольное вхождение в состав Российской империи целого ряда народов»²⁷. В.Б. Виноградов и Н.Н. Великая указали и на получивший распространение в начале 90-х гг. XX в. в специальной литературе вывод о том, что «Россия была своеобразным союзом народов, ничем не похожим на колониальные империи Запада»²⁸. Отображен он был, по уточнению в рецензии, и в учебном пособии для вузов Л.И. Семенниковой, обобщавшим впервые в тот период специфику мировых цивилизаций²⁹.

Появлялись тогда же в исследованиях сравнения и по экономическим показателям. По их результатам прослеживалось, что «Россия вкладывала в развитие окраин больше, чем получала». В ее пределах вследствие проводившейся политики складывалось и «единое экономическое пространство»³⁰. В рецензии отмечалось в дополнение к приводившейся в статье «Кавказская война: незамеченные итоги» аргументации вместе с тем воздействие на интеграционное сближение действовавшего на всей территории Российской империи единого законодательства³¹. Однако и в этом отношении осуществлялись представителями русской власти на окраинах дифференцированные подходы. На Северном Кавказе в соответствии с ними использовались, например, нормы адатов («народные обыкновения») и шариата (мусульманского права). Такое совмещение применялось особенно в тех случаях, когда судебными решениями затрагивались прерогативы этнической специфики.

Наблюдавшаяся практика и по многим другим направлениям, по подтверждению В.Б. Виноградова и Н.Н. Великой, не укладывалась «в схему постоянного жесткого противостояния»³², которое принято было отображать в описаниях исторических обстоятельств утверждения России на Кавказе. Поддержано

²⁷ Цит. по: Там же.

²⁸ Там же. С. 13, 15.

²⁹ См. подробнее: Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. М., 1994.

³⁰ Великая Н.Н., Виноградов В.Б. Замеченные итоги. С. 13.

³¹ Там же.

³² Там же.

было в рецензии и положение о том, что российское присутствие на Кавказе способствовало установлению «стабильности и порядка». Прекратились вследствие этого и грабительские набеги, приносившие всем народам края разорение и невосполнимые потери. В статье «Кавказская война: незамеченные итоги» упоминалось и это обстоятельство.

Указали рецензенты и на «противоречивость тенденций» в объединительном процессе, наличие в нем препятствий и отклонений³³. В этом уточнении прослеживается глубокое знание реалий эпохи Кавказской войны. Между тем В.Б. Виноградову продолжали приписывать существовавшую якобы у него точку зрения «об исключительной добровольности вхождения в состав России». В переписке и при личном общении он мне неоднократно говорил, что нигде и никогда не делал таких утверждений. Оппоненты же, как можно судить по их высказываниям, занимались мифотворчеством, искажая научную позицию, и выстраивали критику по надуманному поводу.

Такие приемы полемики, как известно, недопустимы. Допускается в них и нарушение этики академического общения. У В.Б. Виноградова вполне естественно возникало чувство обиды. Подозрения у него существовали и по отношению к руководству журнала «Известия Высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион». Между тем проходившие беседы с Ю.А. Ждановым убедили меня в том, что он, являясь патриотом России, отношения к предпринимавшейся полемике не имел. На это указывала и поддержка моей статьи, в которой излагалась близкая В.Б. Виноградову и его школе позиция. На протяжении нескольких лет я вел поиск отражавших полемику публикаций. Когда же мне удалось познакомиться с содержанием выдвинутых против В.Б. Виноградова обвинений, убедился в верности предположения: кампания организовывалась и поддерживалась одним из членов редколлегии журнала.

Дискуссии полезны для научного творчества, и Ю.А. Жданов мог не препятствовать обсуждению только, принимая во внимание данное обстоятельство. Дальнейший его ход от него не зависел. Организовывалась и поддерживалась критика другими влиятельными организаторами науки. Но главное

³³ Там же. С. 14.

не в этом. При знакомстве с публикациями я обратил внимание, что все возражения относительно концепции В.Б. Виноградова производились не только по не существовавшему поводу, но и основывались на оценочных суждениях других авторов, в том числе со ссылками на «классиков марксизма-ленинизма». Для придания критике авторитетности привлекались участники из Москвы, которые вообще специалистами по Кавказу не являлись.

По содержанию ответов сложилось впечатление, что все включившиеся в дискуссию ранее длительное время исполняли функции «черных рецензентов» и обрели вследствие этого способность действовать только на подавление инакомыслия. Осуществлять противостояние с В.Б. Виноградовым с опорой на источники они оказались не в состоянии. Мне удалось его убедить в непричастности Ю.А. Жданова к предпринятой в свое время кампании, явившейся попыткой оставить все без изменений в освещении исторической миссии России на Кавказе и сохранить сложившиеся на предшествующем этапе в отечественной исторической науке подходы, содержавшие сугубо негативные ее интерпретации. На то, что они с прекращением прежнего идеологического воздействия могут привести к трагическим последствиям в начале 90-х гг. XX в. обратил внимание, как уже отмечалось, и такой авторитетный кавказовед как В.Н. Ратушняк. Несмотря на подтверждаемость интеграционной концептуальной парадигмы источниками, критика В.Б. Виноградова не прекращалась.

Так, Г.В. Заурбекова, автор статьи «Сепаратизм в Чечне», написанной, что весьма примечательно, с пророссийских позиций, по-прежнему утверждала: «Вред делу взаимного доверия народов, причиненный концепцией добровольного вхождения Чечни в Россию, неоспорим и огромен»³⁴. Объяснение этому она усматривает в том, что «многолетняя эпопея борьбы с царизмом была объявлена антинародной, и что целые поколения гибли в этой борьбе, одурманенные религиозным фанатизмом и невежеством»³⁵. Между тем ошибочность идеализации борьбы горцев в XIX в., необходимость в свете

³⁴ Заурбекова Г.В. Сепаратизм в Чечне // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 135. М., 2000. С. 18.

³⁵ Там же.

имеющихся фактов признания ее бесперспективности и учета различных векторов Кавказской войны заметили и дагестанские ученые Б.Г. Алиев и М.-С.К. Умаханов³⁶.

Несмотря на наработки отечественной исторической науки, учитывавшие с опорой на источники преобладание позитивных последствий в присоединении Северного Кавказа к России, представления о завоевании сохранялись. Об этом, в частности, свидетельствует изданный при финансовой поддержке «фламандского и франкоязычного национальных фондов научных исследований, свободного фламандского Брюссельского университета и НАТО» российско-бельгийский сборник, в котором прослеживаются истоки и современные проявления территориальных споров и этнических конфликтов на Кавказе, тесно связанных с проблемой присоединения.

Вопреки утверждению редактора Бруно-Коппитерса, что «международному коллективу авторов удалось избежать односторонности», все статьи отечественных и зарубежных авторов написаны с уклоном «исторической вины России»³⁷. Проводившиеся многолетние наблюдения при контактах с людьми позволили и известному отечественному этнологу В.А. Тишкову выделить особо идеологическую подпитку возникающих конфликтов на Юге России. В книге, отразившей обобщения связанных с ним настроений в обществе, он пишет: «Фактически вся аргументация чеченского сопротивления (или чеченской революции) была построена на драматической презентации прошлого, Кавказской войны XIX в.»³⁸. По заключению В.А. Тишкова, данная причина вооруженного противостояния проявлялась на разных стадиях его развития.

В изложенных историографических набросках затронуты лишь отдельные аспекты в становлении одного из направлений, ставшего, несмотря на встречавшиеся препятствия, определяющим в исследовательской практике при освещении обстоятельств государственного совмещения Северного

³⁶ Умаханов М.-С.К., Алиев Б.Г. Некоторые вопросы освещения борьбы горцев под руководством Шамиля: подходы и итоги изучения, перспективы // Кавказская война: Спорные вопросы и новые подходы. Тез. докл. Межд. науч. конф. Махачкала, 1998. С. 84–85.

³⁷ Спорные границы на Кавказе / Под. ред. Б. Коппитерса. М., 1996.

³⁸ Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). С. 54.

Кавказа с Россией. Такая формулировка также вводилась в оборот В.Б. Виноградовым и его школой³⁹. Определения объединительного процесса могут, безусловно, использоваться и другие. Замена не подлежат лишь понятия имевшие распространённость в контексте эпохи и выработанные исторически. Восполнить их отсутствие не смогут никакие нововведения, вследствие употребления которых нарушится достоверность реконструкции. Современной методологией ретроспективных исследований признается тем не менее возможность введения категорий, выработанных вследствие их проведения.

Российская совмещённость отображала как раз содержание происходившего на Северном Кавказе интеграционного процесса. Появилось немало разработок, подтверждающих реалии его наличие. Среди них следует выделить результаты исследований Б.В. Виноградова⁴⁰, Д.С. и С.Л. Дударевых⁴¹, М.В. и Ю.Ю. Клычниковых⁴², С.С. Лазаряна⁴³ и др. Проводятся кавказоведческой школой В.Б. Виноградова и ежегодные научные семинары с последующей публикацией выступлений⁴⁴. К участию в сборнике и я регулярно получаю от С.Л. Дударе-

³⁹ См. подробнее: Виноградов В.Б. «Совместничество», т. е. ненасильственная солидаризация – главный нерв российско-кавказского взаимодействия (вводная редактора) // Предисловие к брошюре: Матвеев В.А. Исторические особенности утверждения геополитических позиций России на Северном Кавказе. Армавир; Ростов н/Д, 2002.

⁴⁰ Виноградов Б.В. Интегративные проекты и дезинтегрирующие факторы в российско-северокавказских взаимоотношениях конца XVIII – начала XIX в.: монография. Славянск-на-Кубани, 2009.

⁴¹ Дударев Д.С., Дударев С.Л. Северный Кавказ глазами представителей российского общества первой половины – середины XIX века. Армавир; Ставрополь, 2017.

⁴² Клычкова М.В., Клычников Ю.Ю. Вхождение Северного Кавказа в культурное поле России (1777–1864 гг.): Монография. Пятигорск, 2006; Клычников Ю.Ю. Северный Кавказ: старые проблемы в новом измерении. (Историко-политологические очерки). Пятигорск, 2016.

⁴³ Клычников Ю.Ю., Лазарян С.С. Мозаика северокавказской жизни: события и процессы XIX – начала XX веков. (Исторические очерки). Пятигорск, 2012.

⁴⁴ См. подробнее: Российский Северный Кавказ: социокультурные, экономические и политические аспекты истории XVIII–XXI века, материалы к историко-археологическому изучению региона. Доклады и сообщения 21 межрегионального семинара Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова / под. ред. С.Л. Дударева, Армавир; Ставрополь, 2017.

ва приглашения. В последнем 8 выпуске опубликована моя статья «Русская колонизация окраин в контексте государственной политики (историографические аспекты)», в которой отмечается также вклад В.Б. Виноградова и В.Н. Ратушняка в изучение роли демографического фактора в преодолении препятствий в сближении этнических общностей Северного Кавказа с другими народами Российской империи⁴⁵.

Усилиями представителей двух авторитетных кавказоведческих школ на Юге России поднимается весьма перспективная, на мой взгляд, проблема интеграционного взаимодействия в ареалах, имевших в прошлом цивилизационное разъединение из-за религиозных различий. Между христианским и мусульманским населением на Кавказе, как известно, до утверждения российского государственного присутствия происходили частые столкновения, также приводившие к хозяйственному разорению и человеческим жертвам. Особенности таких состояний разломов нуждаются, безусловно, в целенаправленном изучении. По Северо-Западному Кавказу издана весьма интересная монография воспитанника кавказоведческой школы В.Н. Ратушняка О.В. Матвеева, в которой прослежено постепенное устранение конфронтационных сценариев из регионального контекста и появление в нем устойчивых признаков (черт) «взаимополезного “фронта” – контактного пограничного пространства с большими возможностями общения и восприятия друг друга»⁴⁶.

15 мая 2013 г. в г. Махачкале дагестанские коллеги организовали и провели международную научно-практическую конференцию, программой которой предусматривалось рассмотрение различных аспектов интеграции народов Кавказа и России. В качестве преобладающей темы для обсуждения намечалась «историческая оценка Гюлистанского договора» (1813), являвшемся определенной вехой происходившего

⁴⁵ Матвеев В.А. Русская колонизация окраин в контексте государственной политики (историографические аспекты) // Российский Северный Кавказ: социокультурные, экономические и политические аспекты истории XVIII–XXI века, материалы к историко-археологическому изучению региона. Доклады и сообщения 21 межрегионального семинара Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова / под. ред. С.Л. Дударева, Армавир; Ставрополь, 2017. С. 23–26.

⁴⁶ Матвеев О.В. Кавказская война: от фронта к фронтиру. Историко-антропологические очерки. Краснодар, 2015. С. 5.

сближения⁴⁷. На конференции были представлены различные точки зрения, но специализирующиеся по Северному Кавказу ученые так или иначе в докладах отобразили особенности интеграционного процесса с Россией, а также его позитивные результаты.

Приглашение к участию получили также представители школы В.Б. Виноградова⁴⁸. В сборнике была опубликована и моя статья, посвященная анализу его геополитических составляющих⁴⁹. Преобладание интеграционной тенденции при государственном совмещении подтверждают также такие видные представители отечественной исторической науки, как Ш.А. Гапуров, С.С. Магамадов и В.В. Черноус. По их мнению, многовековая «история российско-кавказских... взаимоотношений не сводится к военным конфликтам и противостоянию»⁵⁰. Представляемая монография учитывает все важнейшие существующие наработки и не преодоленные разногласия, наблюдавшиеся при различных форматах обсуждения. Выделяются при этом наиболее значимые дискуссионные аспекты. Монография является расширенным и обобщающим продолжением предшествующих публикаций

⁴⁷ Интеграция народов Кавказа и России. Материалы международной научно-практической конференции (г. Махачкала, 15 мая 2013 г.). Махачкала, 2013.

⁴⁸ Виноградов Б.В. Еще раз к проблеме оценивания характера и особенностей российско-горского взаимодействия в XVI – начале XIX века // Интеграция народов Кавказа и России. Материалы международной научно-практической конференции (г. Махачкала, 15 мая 2013 г.). Махачкала, 2013. С. 70–80; Великая Н.Н. К вопросу о горском традиционном укладе первой половины XIX в. // Интеграция народов Кавказа и России. Материалы международной научно-практической конференции (г. Махачкала, 15 мая 2013 г.). Махачкала, 2013. С. 65–70; Гарунова Н.Н. Развитие путей сообщения на южных рубежах России в XVIII в.: исторический экскурс по материалам Военно-исторического архива РФ // Интеграция народов Кавказа и России. Материалы международной научно-практической конференции (г. Махачкала, 15 мая 2013 г.). Махачкала, 2013. С. 116–121.

⁴⁹ Матвеев В.А. Исторические особенности интеграционного процесса Северного Кавказа с Россией и его геополитические составляющие // Интеграция народов Кавказа и России. Материалы международной научно-практической конференции (г. Махачкала, 15 мая 2013 г.). Махачкала, 2013. С. 208–216.

⁵⁰ См. подробнее: Гапуров Ш.А., Магамадов С.С., Черноус В.В. Российская политика в Чечне в период наместничества А.П. Тормасова // Научная мысль Кавказа. 2016. № 4. С. 106.

автора⁵¹. Включены в нее и не вводившиеся ранее в систематизации факты из источников.

На мой взгляд, необходимо проводить различия между теориями и концепциями. Первые служат обобщениями, имеющими универсальные свойства. Теоретические положения воспринимают и используют другие. Ими устанавливается своеобразный схематизм, требующий конкретного наполнения. Ни одна из теорий тем не менее не является безупречной. Из них могут отбираться только наиболее перспективные идеи для развития научных направлений и формирования подходов в политике. Заимствование теорий в целом ведет неизбежно к издержкам. Существует прецедент повторения заблуждений создателей. Но наиболее подтверждаемые и конструктивные теоретические сюжеты углубляют научное понимание и позволяют находить верные решения.

Концепции отображают сложившийся при исследовании подход и становятся историографическим фактом. При последующих подтверждениях они обретают свойства теоретических обобщений. Происходит это и с интеграционной парадигмой, которая может служить образцом для других исследователей. Но и в отношении ее должны предприниматься творческие инициативы, выводящие проблему на иные уровни рассмотрения. И это движение в отечественной исторической науке никогда не достигнет завершения. Методологические критерии познания разнообразны⁵². Выбор их каждый вправе осуществлять в соответствии со своим научным опытом и достигнутым результатом при изучении фактов. Такая позиция определена и в данной монографии.

⁵¹ См. подробнее: Матвеев В.А. Переселение горцев в Турцию: неучтенные детали трагедии и подлинные интересы России на Кавказе // Научная мысль Кавказа. 1999. № 4; Он же. «Смотря по желанию...». Российский исторический иллюстрированный журнал «Родина». 2000. № 1–2; Он же. Россия и Северный Кавказ: исторические особенности формирования государственного единства (вторая половина XIX – начало XX в.). (Монография). Ростов н/Д, 2006; Он же. «Черкесский вопрос»: современные интерпретации и реалии эпохи. Российская Академия наук. Институт этнологии и антропологии. Исследование по прикладной и неотложной этнологии. № 226. М., 2011 и др.

⁵² См. подробнее: Лубский А.В. Методология социального исследования: учеб. пособие. М., 2017.

Глава I

НАБЕГИ КАК ВЫЗОВ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Южные направления

Расширение государственных пределов России за счет обретения ее подданства, как установлено специальными исследованиями отечественных ученых еще во второй половине XIX – начале XX в.¹, оказывалось так или иначе преобладающим. Завоевания же вызывались настоятельной потребностью защиты безопасности населения и государства в целом. Но они составляли «ничтожную часть»². В тех случаях, когда присоединение достигалось посредством принуждения, оно чаще всего вызывалось необходимостью обеспечить безопасность тех рубежей, над которыми нависала постоянная угроза нападения. Наиболее беспокойным в этом отношении на протяжении нескольких столетий оставалось южное направление.

Частые и внезапные набеги на Россию «восточных инородцев» (крымских татар, ногайцев, горцев и др.), как правило, сопровождались грабежами, захватом людей, скота, имущества. После вторжений подвергшиеся им области длительное время оставались в запустении, а пленных только в Крым приводили в таком количестве, что при виде их нескончаемых верениц очевидцы спрашивали, остался ли еще кто-нибудь там, откуда их привели³. Невольников массами продавали в Турцию и другие страны Востока⁴.

Для спасения пленных «московское правительство» вынуждено было выкупать их «на казенный счет», ввести для этого даже особый налог, получивший наименование «полоняничные деньги»⁵. В пополнении «общей милостыни» участвовали «и царь и все “православные христиане”, его

¹ См. подробнее: Любавский М.К. Русская колонизация. М., 2014.

² Там же.

³ Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т. 2. Курс русской истории. Ч. 2. М., 1987. С. 196–198.

⁴ Там же.

⁵ Ключевский В.О. Исторические портреты и этюды. Афоризмы. СПб., 2009. С. 20.

подданные». Ставки же неизменно оказывались достаточно высокими. Набеги в тот период рассматривали, по образному выражению В.О. Ключевского, как «самые большие язвы тогдашней русской жизни»⁶. При ведении дел с «магометанским востоком» данную угрозу приходилось постоянно учитывать⁷. Не занимаясь обычной для других народов хозяйственной деятельностью, крымские татары необходимые для жизни ресурсы пополняли преимущественно грабежом, пользуясь и в этом отношении покровительством турецкого султана⁸.

Откупаться от набегов вынуждена была и Польша. Правительство этой страны также посылало «ежегодные подарки» крымскому хану⁹. Для обеспечения безопасности границ и предотвращения разорений южных окраин государства русское правительство неоднократно обращалось к нему за содействием, но положение так и не менялось. Разбойные вторжения продолжались. В передаче В.Д. Сухорукова, «татары всякий раз», осуществив вторжение, «легко могли укрыться в глухой пустыне, где преследование было губительнее самих набегов»¹⁰. Пограничным, а нередко и центральным районам страны, наносился огромный ущерб, и они подвергались систематическому опустошению из-за массового увода людей в неволю. Урон наносился земледелию и скотоводству¹¹. Набеги с Крымского полуострова, как писал Н.Я. Данилевский, делались «при всяком удобном случае», в ходе их «пожигали огнем и посекали мечом южные русские области до самой Москвы»¹².

В книге Е.С. Троицкого «Русский народ в поисках правды и организованности» (1996) для подтверждения масштабов

⁶ Там же. С. 19.

⁷ Там же. С. 20.

⁸ Русская политика в восточном вопросе (Ее история в XVI–XIX вв., критическая оценка и будущие задачи). Историко-юридические очерки С. Жигарева // Ученые записки. Московский университет. Вып. 11. М., 1896. С. 65, 72.

⁹ Калашников М., Бунтовский С. Независимая Украина. Крах проекта. М., 2009. С. 34.

¹⁰ Сухоруков В.Д. Историческое описание Земли Войска Донского. Комментарии, дополнения, вступительная статья Н.С. Коршикова и В.Н. Королева. Ростов н/Д, 2001. С. 27.

¹¹ Русская политика в восточном вопросе (Ее история в XVI–XIX вв., критическая оценка и будущие задачи). Историко-юридические очерки С. Жигарева // Ученые записки. Московский университет. Вып. 11. М., 1896. С. 65, 72.

¹² Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 37.

трагедии приводится факт, что в конце XVI в. английский путешественник Дж. Флейтчер, даже на дороге между Ярославлем и Волгой обнаружил 50 полностью покинутых деревень¹³. Наблюдение зарубежного автора увязывается с производившимися набегами с южных направлений. Однако в данном случае изложенное мнение ошибочно. Описанное Дж. Флейтчером опустошение было вызвано переливом земледельческого населения после присоединения Казанского ханства с суглинистых почв на южные черноземы. Установление государственного контроля со стороны России над Приволжской степью имело в этом отношении позитивные результаты. В хозяйственный оборот вводились пространства, не осваивавшиеся на протяжении длительного времени из-за набегов.

Только в результате не прекращавшихся вплоть до включения Крыма в 1783 г. в пределы империи внезапных вторжений, усилившихся особенно с XVI в., после того, как Турция попавшим под ее влияние полуостровом вознамерилась систематически, по словам французского автора второй половины XIX в. Альфреда де Бессе, «разорять и устрашать Россию»¹⁴, погибло или выведено в плен немало восточных славян¹⁵. Вследствие этого заселенность южных территорий длительное время была низкой. По словам В.О. Ключевского, в XVI–XVII вв. «из разбойных нападений на Русскую землю» крымские татары «сделали себе прибыльный промысел»¹⁶.

Если учесть все компоненты демографических издержек связанных с ними, не исключая и снижение естественного прироста восточнославянского населения, цифра потерь многократно увеличится. При подсчете же их на других учас-

¹³ Троицкий Е. Русский народ в поисках правды и организованности (1988–1996). М., 1996. С. 108.

¹⁴ Турецкая империя. Сочинения Альфреда де Бессе. Пер. с фр. М., 1860. С. 67.

¹⁵ На проходившей в 1994 г. конференции в г. Донецке, посвященной 340-летней годовщине Переяславской Рады, одним из представителей Академии наук Украины называлась цифра «5 миллионов» погибших в восточнославянском сообществе вследствие набегов, совершавшихся только с Крымского полуострова. Из-за отсутствия достоверной статистики она не может быть, безусловно, признана точной. Но убыль населения вследствие набегов с различных южных направлений вполне сопоставима с демографической катастрофой.

¹⁶ Ключевский В.О. Исторические портреты и этюды. Афоризмы. С. 19.

тках южного приграничья масштабы трагедии России будут выглядеть еще более внушительно. Разрешение же крымской проблемы способствовало прекращению набегов. Но и в приращении территории на данном южном направлении прослеживается двойственность. Еще до начала военных действий покровительство России признали буджакские татары, такое же намерение получало распространение в среде остального населения ханства. Завоевание же Крыма привело между тем к освобождению проживавших там татар от влияния Турции и к прекращению набегов с этого полуострова в пределы России¹⁷.

Огромные пространства начали заселяться народами империи и вводиться в хозяйственный оборот. Мурад Аджи объединительный процесс на евразийском пространстве, при котором все независимо от обстоятельств вхождения становились соотечественниками, сводит к оторванному от реальности представлению: «русские любили нападать на беззащитные степные страны», ставшие «незаметно для себя... “москальской вотчиной”», потеряв свободу¹⁸. Но наличие постоянной угрозы для российских границ в XVIII – первой половине XIX вв. признавалось и в международных договорах.

Так, еще по Ясскому миру (1791), Турция получив признание, несмотря на победу России в войне, своих прав над западными черкесскими племенами, взяла на себя вместе с тем обязательства «употребить всю власть и способы к обузданию и воздержанию народов на левом берегу реки Кубань, обитающих при границах ея, дабы они на пределы Всероссийской Империи набегов не чинили, никаких обид, хищничеств и разорений Российско-Императорским подданным и их селениям, жилищам и землям не приключали ни тайно, ни явно, и ни под каким видом людей в неволю не захватывали»¹⁹.

Происходили набеги и в сопредельные со Средней Азией российские регионы. Отсюда русских пленников в огромном

¹⁷ Турецкая империя. Сочинение Альфреда де Бессе. Издание книгопродавца Манухина. Пер. с фр. М., 1860. С. 111.

¹⁸ Аджи М. Польша полевецкого поля. М., 1994. С. 91, 342.

¹⁹ Договоры России с Востоком политические и торговые / Собрал и издал Т. Юзефович. СПб., 1869. С. 45.

количестве поставляли на невольничьи рынки Хивы, Бухары, Коканда и др.²⁰ В.И. Даль так описывал по преданию бедственное положение из-за вторжений с целью грабежа уральских казаков, «вскоре пугачевщины» сложившееся: «Казачи ни днем ни ночью не выходили со двора без винтовки за плечами; стада и табуны частью отогнаны были... а частью держались по близости станиц и пикетов... пастухи, вооруженные... были удвоены и едва смели прилечь, один из них конный, всегда стоял на ближайшем возвышении и высматривал округность»²¹. Осуществлявшие набег «шайки» иногда достигали «несколько сот человек»²². Ответные же нападения уральские казаки вынуждены были производить «на аулы, к которым грабители принадлежали»²³.

Не меньшую угрозу для государства представляло кавказское направление. Описывая существовавшую только в сопредельных с ним северо-западных российских ареалах ситуацию в конце XVIII в. после переселения Сечи, П.И. Ковалевский отметил: «Постоянные, неожиданные, сопряженные с разбоями, грабежами, пожарами и пленением, нападения черкесов заставляли черноморцев быть весьма осторожными»²⁴. С целью противостояния набегам совершались ответные рейды, в ходе которых предпринимались попытки «наказать за разбои» и вернуть попавших в плен соотечественников²⁵.

Для предотвращения бедственного положения южных областей, связанного с «похищением людей... и скота» вдоль линии российской границы возводились крепости, но и они не могли сдерживать внезапные вторжения. В качестве меры использовалось и частичное вытеснение в горы, что создавало пространственное препятствие, облегчало контроль за враждебной территорией, и, в какой-то мере давало некоторые результаты. Во всяком случае, набегии делались более

²⁰ Кляшторный С.Г. Россия и тюркские народы Евразии // Цивилизации и культуры: научный альманах. Вып. 2. М., 1995. С. 198.

²¹ Даль В. Полуночник. (Уральское предание) // Даль В. Упырь: Страшные легенды, предания и сказки. СПб., 2009. С. 106.

²² Там же. С. 115.

²³ Там же. С. 113.

²⁴ Ковалевский П.И. История Малороссии. С.-Петербург, 1912. С. 158.

²⁵ Там же.

затруднительными, и их активность на какое-то время снижалась²⁶.

По данным современного исследователя Б.В. Виноградова, «разбойные нападения с похищениями людей, имущества, отгоном скота были нередкой действительностью рубежа XVIII–XIX в.», хотя «туземные народы», по его замечанию, тогда отнюдь «не подвергались насаждению российских порядков»²⁷. Беспрепятственность набегов вызывалась неустроенностью границы, их усиление, как правило, было связано с активизацией деятельности турецких эмиссаров, провоцировавших своей пропагандой со ставкой на идею «единства мусульман» к вторжениям в пределы России²⁸.

Значительные территории на Северо-Западном Кавказе находились под влиянием Османской империи и служили еще одним плацдармом для набеговой экспансии²⁹. Осуществлявшие набеги с кавказского направления проникали в отдельные периоды вглубь имперского пространства вплоть до донских и волжских поселений. Затрагивалась вторжениями и территория Закавказья, преимущественно Грузия, ближе других расположенная к районам, откуда происходили нападения³⁰. Несмотря на это в отдельные периоды, по распоряжению высоких правительственных инстанций для того, чтобы не нарушать мирных отношений с горскими обществами, на Северо-Западном Кавказе был наложен даже строжайший запрет на преследования за пограничной рекой Кубань тех, кто предпринимал набеги.

Его соблюдение связывало казаков в их ответных действиях и грабительские вторжения, ставившие их на грань хозяйственного разорения, производились фактически безнаказан-

²⁶ Кипкеева З.Б. Российский фактор в миграциях и расселении закубанских аулов XIX в. Армавир; Ставрополь, 2002. С. 15, 20.

²⁷ Виноградов Б.В. Горские набеги в контексте российско-кавказских взаимоотношений периода правления Павла I // Вопросы северокавказской истории. Вып. 1. Армавир, 1996. С. 28.

²⁸ Кипкеева З.Б. Указ. соч. С. 11.

²⁹ Там же. С. 15.

³⁰ Клычников Ю.Ю. Набеговая система горцев и ее влияние на северокавказскую политику России в первой половине XIX в. // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северо-Западного Кавказа за 2000 г. Дикаревские чтения (7). Краснодар, 2001. С. 166.

но. Когда же в ходе одного из преследований было разорено несколько аулов натухайцев, по их жалобе генерал Власов, допустивший погром, был отстранен от должности и предан суду³¹. Таким наказанием в случаях нарушения запрета на преследования вне пределов территории, находившейся под российской юрисдикцией, подвергались и офицеры ниже рангом. При этом как смягчающие «вину» не рассматривались их предшествующие заслуги, боевой опыт и высокая военная репутация³².

Вспоминая первые годы своей службы на Кавказе, генерал А.П. Ермолов пишет о наличии здесь постоянной угрозы для российских границ, как о чем-то наиболее значимом среди прочих государственных забот: «Набеги, убийство, разбои не менее были частыми»³³. Еще в 1818 г. в рапорте от 23 марта, направленном верховному правителю России, он со всей остротой поставил вопрос о «прекращении торгова людьми»³⁴. Без искоренения нападений с целью увлечения «в плен людей», по мнению А.П. Ермолова, невозможно достичь «спокойствия и безопасности»³⁵. Угрожающее же положение не менялось вплоть до русско-турецкой войны 1828–1829 гг. По свидетельствам очевидцев, возвращавшихся из неволи, «русских пленных в горах много»³⁶.

Противодействие «позорной торговле людьми» со стороны России предпринималось и в тот период, когда ее рассматривали не иначе как «жандарма Европы». По инициативе Нико-

³¹ Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска: в 2 т. (Репринтное воспроизведение). Екатеринодар, б/и., 1910–1913. Т.2. Краснодар, 1992. С. 75, 557.

³² Виноградов Б.В. Кавказ в политике государя Павла I (1796–1801 гг.). Армавир; Славянск-на-Кубани, 1999. С. 20–21.

³³ Записки А.П. Ермолова. 1798–1826 гг. / Сост.: В.А. Федоров. М., 1991. С. 284.

³⁴ Цит. по: Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. 2-е изд., доп. Сухуми, 1982. С. 259.

³⁵ Цит. по: Клычников Ю.Ю. Деятельность А.П. Ермолова на Северном Кавказе (1816–1827 гг.). Ессентуки, 1999. С. 14.

³⁶ Клычников Ю.Ю. Усилия российской администрации по ликвидации последствий горского «хищничества» // Казачество в социокультурном пространстве России: исторический опыт и перспективы развития. Тезисы Всероссийской науч. конф. (28–29 сентября 2010 г., Ростов-на-Дону). Ростов н/Д, 2010. С. 256.

лая I принимались самые решительные меры в этом отношении. Обеспокоенность русского правительства подкреплялась дипломатическими усилиями, крейсерством военных судов вдоль побережья Черного моря и т.д. Но размах преступной коммерции был таким, что все меры давали лишь частичные результаты³⁷. После подписания Парижского договора, положения которого рассматривали как «самые неудачные» и наиболее дальновидные западные политики³⁸, цены на рабов в странах Востока резко стали снижаться. Это свидетельствует о том, что борьбу с этим позорным промыслом вела только Россия³⁹, тогда как в нем наряду с турками участие принимали англичане, французы и другие представители европейских держав⁴⁰.

Ограничение суверенитета империи на принадлежащие ей южные сухопутные и водные пространства имело, следовательно, сугубо негативные последствия. Прогнозировалось это еще тогда, когда соответствующие решения вводились в действие⁴¹. Однако значение этому не было придано. При создавшемся положении похищения людей в рабство продолжались и многие «цивилизованные» европейские коммерсанты «при посредничестве турок, продолжали наживать капиталы на позорной торговле людьми»⁴².

В одном из писем из Стамбула (Константинополя) 15 октября 1858 г. П.А. Чихачев, известный в то время представитель отечественной науки, сообщал о том, что после того, как Россия лишилась флота на Черном море, «Турция открыто покровительствует гнусной торговле рабами»⁴³. После посещения Кавказа в 1858–1859 г. А. Дюма оставил по поводу

³⁷ История Абхазии. Сухуми, 1991. С. 194.

³⁸ Бисмарк О. Мысли и воспоминания / Пер. с нем. Т. 2. М., 1940. С. 99.

³⁹ Проблема работорговли и ее острота признавалась тогда на официальном уровне. В постсоветскую эпоху из-за ослабления силовых структур практика похищения людей в России вновь восстановилась и получила даже широкое распространение. Статистика же на этот счет по признанию специалистов не отражала масштабов трагедии. [См. подробнее: Миронов И.А. Уголовно-правовые и криминологические аспекты похищения человека. Автореф. дисс. канд. юридических наук. Ростов н/Д, 2002. С. 12–14, 16–17].

⁴⁰ Дзидзария Г.А. Указ. соч. С. 267–269.

⁴¹ Бисмарк О. Указ. соч. С. 99.

⁴² История Абхазии. С. 194.

⁴³ Чихачев П.А. Письма о Турции. М., 1860.

занятий горцев такие заметки: «изготовление кабардинских шашек, черкесских бурок, чеченских кинжалов и лезгинских сукон – их второстепенный промысел». «На первом месте», по наблюдению французского писателя, стоят пленные, которые удерживаются до тех пор, пока за них «не заплатят выкуп». В противном случае невольники «отсылаются на трапезундский рынок» для продажи в рабство⁴⁴.

А. Дюма «границу русского владычества» на Северном Кавказе назвал «сомнительной», так как ее «какой-нибудь набег горцев ежеминутно превращает в подобие кровавого прилива и отлива». Отметил он в путевых заметках и то, что «на всем огромном пространстве» от Кизляра до Дербента «нет сажени, не пропитанной кровью»⁴⁵. В оценках же геополитической миссии России на Кавказе должен учитываться эпохальный контекст, с наличием различных тенденций, влиявших на ее осуществление. Признаваться должна и необходимость государственного противодействия явлению разбоя.

Р. Фадеев при осмыслении уходящих в прошлое событий, связанных с эпохой установления единства с Кавказом, уже на завершающей стадии устранения конфликтных зон отметил: «Пожалуй, ни одна война, ни один иноземный завоеватель в течение столетий не причинили этому краю столько вреда, сколько торговля живым товаром»⁴⁶. О массовой распродаже невольников, в числе которых было немало и русских подданных, уведомлял неоднократно в 1860 г. консул А.Н. Мошнин из Трапезунда посла империи в этой стране⁴⁷. С введением же повсеместного русского управления на Кавказе после его полного включения в состав империи торговля живым товаром в крае полностью прекратилась⁴⁸. Представители иной концептуальной версии в науке склонны считать, что все приводимые доказательства о том, что набеговая экспансия спровоцировала Кавказскую войну, без-

⁴⁴ Дюма А. Кавказ. Пер. с фр. Тбилиси, 1988. С. 56.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Фадеев Р.А. Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис, 1860.

⁴⁷ Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. 2-е изд., доп. Сухуми, 1982. С. 267–269.

⁴⁸ Дзидзария Г.А. Указ. соч. С. 267–269.

основательны и имеют идеологическую подоплеку⁴⁹. Однако с ее окончанием угроза набегов полностью не была устранена.

Несмотря на предпринимавшиеся усилия, существенных изменений и во второй половине XIX в. положение на южном направлении вплоть до полного включения среднеазиатских народов в состав Российской империи не претерпело. Из-за сложности ситуации в 1864 г. по требованию императора Александра II проводится несколько заседаний Кабинета министров. Дипломатам империи в странах зарубежного Востока рассылаются депеши с рекомендациями. В одной из них Горчаков, в частности, разъяснял: «Россия занимает в Центральной Азии такую же позицию, как и все цивилизованные государства, которые сталкиваются с... кочевым населением, не имеющим никакой определенной социальной организации. В подобных случаях, как правило, более цивилизованное государство вынуждено, во имя безопасности собственной границы и своих коммерческих намерений, осуществлять некоторое господство над теми, чей буйный и неукротимый нрав превращает их в нежелательных соседей»⁵⁰.

В заключительном сюжете канцлером обращено внимание на следующее: «После умиротворения эти племена имеют право на защиту против своих соседей; но в силу моральных причин этого не произойдет, поскольку особенность азиатов состоит в том, чтобы уважать только видимую и осязаемую силу»⁵¹. О значительных размерах вызванного набегам бедствия можно судить хотя бы по тому, что все посольства из России, направлявшиеся в XIX в. в различные государства среднеазиатского региона, вплоть до самого последнего посольства в Хиву в 1873 г., имели поручения освободить из плена ее подданных⁵². Переговоры чаще всего не давали каких-либо результатов, и сложившееся положение продолжало оставаться без изменений⁵³.

⁴⁹ Керашев М.А., Ачмиз М.Я., Аминова В.М. Гибель Черкесии. Краснодар, 1994. С. 19–21.

⁵⁰ Цит. по: Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. Пер. с англ. М., 2004. С. 15.

⁵¹ Там же.

⁵² Кляшторный С.Г. Указ. соч. С. 198.

⁵³ Там же.

Российская государственность из-за набегов сталкивалась, таким образом, на протяжении многих веков с серьезными угрозами. Южные приграничные ее ареалы подвергались неоднократным опустошениям. Демографический урон оказывался значительным. Вследствие внезапности невозможно было обеспечить эффективное противодействие и защиту населения. Установление же контроля над сопредельными пространствами, откуда производились вторжения, приводило к их предотвращению. Распространявшаяся на них российская юрисдикция позволяла применять правовой принцип неотвратимости наказания. Прекращались и похищения людей. Стабилизация же соответствовала интересам и тех, кто обретал российское подданство. В качестве критерия урегулирования использовалось в проводившейся политике и обращение к мирному созидательному труду. Однако данные подходы не всегда давали ожидавшиеся результаты и набеговая практика на какое-то время восстанавливалась.

Критерий справедливости

На незначительную долю силовой составляющей в формировании российских территориальных пределов обратил внимание еще Н.М. Карамзин. Происходило оно преимущественно за счет обретения подданства, выбор которого при существовавших противоречиях основывался тем не менее на компоненте добровольности. В предисловии к «Истории государства российского» (1815) Н.М. Карамзин, в частности, призвал «с любопытством читать предания народа, который смелостью и мужеством снискал господство над девятою частью мира, открыл страны, никому дотоле неизвестные, внес их в общую систему географии, истории и просветил... без насилия... злодейств, употребленных другими ревнителями христианства в Европе и в Африке, но единственно примером лучшего»⁵⁴. Н.М. Карамзин указал и на следующую особенность: «государи московские... восстановив Россию...

⁵⁴ Карамзин Н.М. История государства российского // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. В 2 ч. Ч. 1. М., 1994. С. 22.

не алкали завоеваний неверных... желая сохранять, а не приобретать»⁵⁵.

Этот вывод был сделан, следует заметить, около 200 лет назад. Основываясь на собственных сложившихся при изучении источников наблюдениях, его обосновал и современный американский историк Б. Елавич. Подтверждения он, в частности, изложил применительно к началу XIX в. По заключению Б. Елавича, Россия после наполеоновских войн была единственной страной Европы, не имевшей намерений расширять свои границы, подтвердив это в серии международных договоров⁵⁶. То, что «Россия в пространстве своем не имеет нужды в расширении», в тот промежуток времени Петербургом подтверждалось неоднократно по дипломатическим каналам. Представление о необходимости остановить приращение территории империи становится официальным и в правящих кругах ему придают приоритетное значение⁵⁷.

В эпоху завершения колониальных захватов и передела мира, обозначившуюся к середине XIX в., в Западной Европе получила широкое распространение точка зрения, согласно которой решающим обстоятельством в образовании государств являются завоевания⁵⁸. Насильственный принцип объединения народов, по мнению писателя Ф.М. Достоевского, оформился в идею в практике становления Римской империи и впоследствии сохранился «всецело в католичестве»⁵⁹. Проблема завоевания обсуждалась тогда же и в российской исторической публицистике. П.В. Киреевский в письме к М.П. Погодину в 1845 г. поделился таким наблюдением: на основе

⁵⁵ Карамзин Н.М. Записка о новой и древней России в ее политическом и гражданском отношениях // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. В 2 ч. Ч. 1. М., 1994. С. 20.

⁵⁶ Борьба империй («круглый стол») // Российский исторический журнал «Родина». 1995. № 3–4. С. 29.

⁵⁷ Русская политика в восточном вопросе. (Ее история в XVI – XIX вв., критическая оценка и будущие задачи). Историко-юридические очерки С. Жигарева. Московский университет. Ученые записки. Вып. 11. М., 1896. С. 256.

⁵⁸ Основы политологии / Под ред. В.П. Пугачева. М., 1992. С. 119.

⁵⁹ Достоевский Ф.М. Дневник писателя (1877 и 1880 гг.). // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. В 2 ч. Ч. 1. М., 1994. С. 211, 219.

насильственного подчинения формировались государства на Западе, но не Россия⁶⁰.

Сопоставляя отечественные и европейские несохожести в формировании геополитических пространств, Н.Я. Данилевский в 1869 г. в свою очередь заметил: «все показывает... Россия... не завоевательная держава... она большею частью жертвовала своими очевиднейшими выгодами, самыми справедливыми и законными»⁶¹. Большая же часть ее пространства, по его утверждению, занята «путем свободного расселения», «завоевание играло во всем этом самую ничтожную роль, как легко убедиться, проследив, каким образом достались России ее западные и южные окраины»⁶². Давая оценку особенностей российских имперских реалий, Н.Я. Данилевский указывает и на «чуждые всякой насильственности отношения как русского народа, так и самого правительства к подвластным... народам, чуждые до такой степени, что нередко обращаются в несправедливость к самому коренному русскому народу»⁶³.

Отмечено и такое важнейшее отличие: «никогда никаких притеснений не терпели» и «магометанские подданные»⁶⁴. При выделении отечественной специфики складывания имперской государственности философ Н.А. Бердяев также отметил, что для нее насильственные формы не свойственны⁶⁵. Версия о «завоевательной политике царизма и борьбы за независимость горских народов» между тем получила в исторической науке широкое распространение. Но тенденция подчинения отнюдь не являлась преобладающей.

На важность учитывать различные составляющие Кавказской войны одним из первых обратил внимание Л.Н. Толстой в рукописных размышлениях над сюжетами рассказа «Набег».

⁶⁰ Киреевский П.В. О древней русской истории (Письмо к М.П. Погодину) // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. В 2 ч. Ч. 1. М., 1994. С. 48.

⁶¹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа / Сост., предислов. и коммент. С.А. Вайгачева. (Историко-литературный архив). М., 1991. С. 44.

⁶² Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 24–25.

⁶³ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 189–190.

⁶⁴ Там же. С. 16.

⁶⁵ Бердяев Н.А. Душа России // Русская идея: Сборник произведений русских мыслителей. М., 2002. С. 296.

По горячим следам событий он подметил то, к чему отечественная историческая наука из-за идеологических ограничений в советский период подошла со значительным опозданием: в Кавказской войне справедливость была на стороне России. «Кто станет сомневаться, – поставил вопрос перед современниками и потомками великий писатель, – что в войне русских с горцами справедливость, вытекающая из чувства самосохранения, на нашей стороне? Ежели бы не было этой войны, что бы обеспечивало все смежные... русские владения от... набегов?»⁶⁶.

Сдержатъ их не могли и сооружаемые крепости вдоль линии границы, возводимые для предотвращения разорений русских поселений, сопровождавшихся массовым угоном скота и похищениями людей в рабство⁶⁷. Изучение исторической памяти населения на Юге России вскрывает масштабность бедствия русского народа и его особой части казачества, проживавшей непосредственно в контактной зоне, подвергавшейся грабительским вторжениям. Исследования такого рода позволили получить дополнительные доказательства, запечатленные в «преданиях старины далекой» (сказаниях, песнях и в других разновидностях устного творчества масс), передававшиеся из поколения в поколение и сохранившие вековую боль до наших дней⁶⁸.

Справедливость в то же время, следуя размышлениям Л.Н. Толстого, была и на стороне горцев⁶⁹. Это касается прежде всего тех, кто не принимал участия в боевых действиях и не по своей воле страдал от их последствий. Данная оценка, что весьма интересно, не расходилась и с представлениями простых русских людей, принимавших участие в различных событиях, связанных с преодолением затяжной конфликтной ситуации в регионе. Кубанский казак Пимен Пономаренко так, например, отзывался о черкесах, с которыми ему приходилось воевать: «свое ридно гниздечко обо-

⁶⁶ Толстой Л.Н. Варианты из рукописных редакций «Набега» // Полн. собр. соч. Т. 3. М.; Л., 1932. С. 234–235.

⁶⁷ Кипкеева З.Б. Указ. соч. С. 11.

⁶⁸ Матвеев О.В. Враги, союзники, соседи: этническая картина мира в исторических представлениях кубанских казаков. Краснодар, 2002. С. 9–19.

⁶⁹ Толстой Л.Н. Указ. соч. С. 235.

роняв. Як що по правде говорыты, то его тут правда була, а не наша»⁷⁰.

Известны случаи, когда русские солдаты при таких обстоятельствах обеспечивали безопасность горского и тюркского населения. Подтверждения этому сохранились, в частности, в воспоминаниях участников Кавказской войны⁷¹. Вставший как-то при возникшей ссоре на защиту чеченцев от своих личный состав Куринского полка, имевшего славу лучшего в Кавказском корпусе, пояснил свой единодушный поступок следующим образом: «Как нам не защищать чеченцев, они наши братья, вот уже 20 лет, как мы с ними деремся»⁷². В этом как раз и просматриваются черты сформировавшихся «кавказцев», русских, обладавших приспособленным к местным условиям складом характера.

Однако тот факт, что правда была также на стороне России, признавался и теми, кто воевал против нее. То, что она применяя силовое принуждение добивалась именно прекращения «грабительства», в свое время признавали и некоторые влиятельные мусульманские духовные авторитеты⁷³. Поэтому утверждения об агрессивности политики России и преднамеренном расширении ее границ, не соответствуют действительности. Посещавшие Кавказ в рассматриваемый период и знакомившиеся на практике с особенностями края путешественники, делясь впечатлениями в своих путевых заметках, выражали глубокое сочувствие русскому населению, проживавшему по соседству с воинственными племенами, производившими постоянные набеги. Внезапные вторжения, если не получали своевременный отпор, приводили к многочисленным жертвам и разорению⁷⁴.

Вместе с тем, набеги имели не только внешнее проявление и направленность против «чужих», но и своих же соплеменников. В последнем случае, по свидетельству немецкого путешественника Э. Кемпфера, тоже похищалось все и про-

⁷⁰ Чекалин С.В. Завещание Шамиля: Кавказские войны в лицах. М., 1998. С. 141.

⁷¹ Воспоминания участников Кавказской войны XIX в. СПб., 2001.

⁷² Там же. С. 284.

⁷³ ЦГИА РГ. Ф. 416. Оп. 3. Д. 205-а. Л. 9.

⁷⁴ Дегоев В.В. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. М., 2001. С. 170.

давалось, в том числе, и люди, «туркам, персам и прочим в качестве крепостных»⁷⁵. От грабительских вторжений страдали все без исключения народы края. Подтверждения этому встречаются до сих пор, как удалось выявить З.Б. Кипкеевой при сборе различных сведений в среде северокавказской диаспоры в Турции, даже в фольклоре. Смогла она выявить на этот счет и другие документальные свидетельства⁷⁶.

На основе собранного материала за рубежом З.Б. Кипкеева, существенно расширив источниковую базу для отечественного кавказоведения, сделала вывод, что набеги, в частности для карачаевцев и балкарцев, до присоединения к России представляли постоянную угрозу для этнического развития, так как приводили не только к экономическому разорению из-за массового угона скота, но и похищению людей. После же распространения российской юрисдикции на эти народы их аулы так же, как и станицы, были взяты под охрану казачьих постов⁷⁷. Так что от набегов существовала необходимость брать под защиту и само «туземное население», которое от них страдало не меньше.

Профессор Тель-Авивского университета М. Гаммер называет циничным утверждение о направленности усилий России на Кавказе на прекращение работорговли. Вместе с тем он подробно передает в качестве иллюстраций общей картины сводки о совершившихся набегах в пределы России. При этом иногда М. Гаммер дословно отражает в описании содержание источника: «134 человека были убиты (преимущественно мирные русские жители). Полностью сожжены тридцать домов и три церкви. Нанесенный ущерб был оценен в 200 000 рублей. Но самое главное – горцы увели с собой 168 человек, в основном женщин, выкуп за которых дал... хороший куш»⁷⁸.

Напрашивается вопрос: какое государство могло терпеть подобное, поступаясь интересами и безопасностью населения? Разъяснения, если они лишены предвзятости, очевидны. М. Гаммер отмечает, что противодействия русских, «каратель-

⁷⁵ Цит. по: Блиев М.М., Дергеев В.В. Указ. соч. С. 136.

⁷⁶ См. подробнее: Кипкеева З.Б. Карачаево-балкарская диаспора в Турции. Ставрополь, 2000. С. 14.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Гаммер М. Указ. соч. С. 63, 92.

ные экспедиции, сметавшие все на своем пути», являлись откликом «на инициативы горцев». Но почему-то, сталкиваясь с фактами такого рода, он выражает сожаление по поводу экономического ущерба, нанесенного отдельным обществам, «когда русские власти запретили работорговлю... с Османской империей, куда продавались грузинские и армянские пленники, захваченные во время набегов»⁷⁹.

О том, как все происходило в Кавказской войне на самом деле, можно судить и по такой цитируемой выдержке в книге М. Гаммера, но не по его концептуальным обобщениям: «Весь год прошел в беспрестанных набегах горцев и ответных рейдах русских»⁸⁰. Описывая на основе источников «опустошительные набеги горцев на русские поселения», автор не обошел вниманием и существовавшую надежду у командования, «что удастся добиться мирного подчинения». В неоднократных попытках достичь договоренности о прекращении противостояния Шамилю предлагалось взять обязательство «не делать набегов на равнинные земли... и удерживать от этого других»⁸¹.

Именно в этой взаимосвязи необходимо рассматривать и эпизодические меры на ранних этапах по вытеснению на северо-восточном Кавказе отдельных «туземных обществ» в горы и иных воздействий⁸², направленных на прекращение набегов в российские пределы. При этом имелись в виду не только восточнославянские поселения. Под защиту брались все подданные империи независимо от этнической принадлежности. Расчистка пространства подчинена была потребности установления над ним контроля, что и было достигнуто на какое-то непродолжительное время. Занятые же казаками земли⁸³ составляли незначительный процент, и то преимущественно принадлежали не вытесненным, а переселившимся в Турцию аульным обществам.

Для достижения объективности М. Гаммер должен был дать объяснение и другим связанным с перемещением насе-

⁷⁹ Там же. С. 71 – 72, 230.

⁸⁰ Там же. С. 300.

⁸¹ Там же. С. 117, 176, 228.

⁸² Там же. С. 57 – 58.

⁸³ Там же. С. 72.

ления фактам. Ему известны, судя по обобщениям и проводившиеся русским командованием кампании, как, например, в 1845 г., с целью «восстановить ушедшие в горы общества на их прежних местах обитания», предоставить «возможность туземцам, насильно угнанным Шамилем, перейти на... сторону» России⁸⁴. По замыслу это должно было «ослабить размах общего восстания» и сократить взаимные потери. Шамиль при насильственных переселениях отдавал распоряжения сжигать «аулы, уведя всех людей и увезя продовольствие»⁸⁵. Набеги приостановились на какое-то время и после завершения Кавказской войны во второй половине XIX в. еще на одном южном направлении⁸⁶.

Особо следует остановиться на термине «набеговая система», введенном в научный оборот видными представителями отечественного кавказоведения М.М. Блиевым и В.В. Дегоевым⁸⁷, и вызвавшим разноречивые суждения у специалистов. В фундаментальном труде по Кавказской войне, изданном в 1994 г., они верно, на мой взгляд, обратили внимание на то, что набеговая практика не являлась следствием военных действий России на Кавказе, так как ее существование можно проследить задолго до присоединения местных народов, в частности, чеченцев⁸⁸. Впоследствии В.В. Дегоев стал обосновывать набеговую экспансию наличием соответствующих предпосылок, получивших распространение в XIX в. в специфических версиях (тарикатах) ислама. Анализ идеологического влияния, следует отметить, был предпринят впервые⁸⁹. Но социально-экономический фактор, существование не подавлявшейся искоренению пережиточной традиции играли также немаловажную роль.

Соответствующая этой реальности систематизация фактов, дополненная доказательствами М.М. Блиевым в пе-

⁸⁴ Там же. С. 226, 255.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Государственная дума. 3 созыв. Сессия 5. Засед. 120–153 (с 30 апреля по 9 июня 1912 г.). Стенографич. отч. Ч. 4. СПб., 1912. С. 2391; Буркин Н.Г. Революция 1905 г. в нацобластях Северного Кавказа. Ростов н/Д, 1931. С. 11.

⁸⁷ Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М., 1994. С. 109, 115.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Дегоев В. Кавказская война XIX в. и идеологические конъюнктуры советского и постсоветского времени // Россия. XXI век. 1997. № 9–10.

реизданной монографии, также убедительна⁹⁰. Напротив, по его мнению, Россия всячески сдерживала набеги, которые выступали одним из специфических и разрушительных для других разновидностей хозяйственной деятельности средств «собираения собственности». Нападения производились и на ее границу, подвергавшуюся, как установил М.М. Блиев, со второй половины XVIII и вплоть до середины XIX вв. интенсивной экспансии, распространявшейся на огромные южные пространства империи и охватывавшей русские города, казачьи станицы, военные гарнизоны, и т.д.⁹¹ Набеги имели направленность и против своих же соплеменников⁹².

Следовательно, нельзя в полной мере увязывать набеги с «порождением формационных процессов», являвшихся, согласно рассматриваемой концепции, основой для развития соответствующей системы. Если исходить из данной посылки, то складывается впечатление о неизбежности набегов и их фатальной предопределенности. Между тем это далеко не так, на что, в частности, указывает негативное отношение к ним основной массы самого «туземного населения», находившегося в таком же экономическом положении.

Подтверждением не могут служить и количественные показатели, которые выглядят весьма противоречиво: набеги, совершавшиеся небольшими отрядами в несколько десятков или сотен человек – это не система, она становится реальностью, когда задействуются тысячи участников. Признавая преобладание нападений «мелкими разбойничьими группами», М.М. Блиев вместе с тем утверждает, что «набеговая система, порожденная внутренними общественными процессами “вольных” обществ, развивалась главным образом в виде нашествий тысячных и многотысячных ополчений, захватывавших в открытых боях разнообразную военную добычу»⁹³. Существование таких крупных соединений между тем источниками не подтверждается.

⁹⁰ См. подробнее: Блиев М. Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. М., 2004.

⁹¹ Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. С. 136.

⁹² Там же.

⁹³ Там же. С. 120.

Системам присуща обобщенность, поддающаяся, как и ее структурные части, разрушению. Способность к длительному сохранению в изменившихся условиях она не имеет. Приведенные М.М. Блиевым иллюстрации фактов вскрывают, на мой взгляд, наличие не системы⁹⁴, а набеговой традиции в региональном контексте, выступавшей деструктивным элементом социально-экономических отношений и представлявшей собой более устойчивый феномен, способный тем не менее претерпевать трансформацию и возрождаться. При изучении более ранних стадий утверждения России на Кавказе Б.В. Виноградов, например, также пришел к выводу, что набеги «являлись давним и традиционным занятием части горского населения»⁹⁵.

Они как раз и были связаны с конкретным феноменом, определявшимся когда-то как горское разбойничество. Такое терминологическое обозначение отражает конкретный исторический фон и его исследователи не вправе менять на другие понятийные обобщающие конструкции. Уточнение о том, что набеговая традиция находила воплощение в разбойничестве, имеет принципиальное значение, так как позволяет проследить взаимосвязь в динамике этнополитических процессов после завершения Кавказской войны с последующими этапами, в том числе, с событиями, разворачивавшимися в крае в начале XX в. М.М. Блиев, видимо, исходил из популярного на рубеже 80–90-х гг. XX в. представления «виновата система», способного, как казалось тогда, объяснить причины неустранимости кризисных тенденций.

Кавказская война была явлением сложным, обуславливавшимся в немалой степени сменой кодов цивилизационного развития, связанных с ними идеологических приоритетов, и только к формационным процессам не сводима. В.В. Дегоев, избрав несколько иной подход, исследованию подверг перспективное направление, открывающее возможность понять мировоззренческие (консциентальные) аспекты явления, то

⁹⁴ Там же. С. 118–120.

⁹⁵ Виноградов Б.В. Деятельность генерала П.Д. Цицианова в контексте основных тенденций российско-северокавказских отношений первой половины XIX в. // Проблемы истории Северного Кавказа: Сб. научных статей. Краснодар, 2000. С. 93.

есть набеговой традиции. Верным представляется и вывод М.М. Блиева о необходимости учета стадиальности при осмыслении причин ее сохранения. Специализируясь по проблеме, именно он внес наибольший вклад в ее разработку.

Осмысление причин Кавказской войны без отрыва от существовавшей в качестве традиции в ряде горских обществ «индустрии набега», предложенное М.М. Блиевым, находит, следует заметить, все более широкое подтверждение⁹⁶. По его мнению, она являлась в крае «таким же устойчивым занятием, как скотоводство и земледелие»⁹⁷. Критика научной позиции М.М. Блиева «в вопросе о горских набегах» со ссылкой на оценочные суждения других авторов, придерживающихся иной точки зрения, отражающей искаженное восприятие существовавшей реальности⁹⁸, на мой взгляд, не убедительна. Россия действительно, втянувшись в охватившую полвека Кавказскую войну прежде всего решительно выступила «против набеговой практики горцев»⁹⁹, без искоренения которой достижение стабильности в регионе было немыслимо.

Сохранившиеся документальные свидетельства, если их систематизировать во взаимосвязи, позволяют иначе представить политику России на Кавказе, а не заниматься подтверждениями оторванных от исторической реальности мифологем отечественной и зарубежной историографии. В Кавказской войне осуществлялось, как показывает проведенный анализ, противостояние набеговой экспансии, без искоренения которой достижение стабильности в регионе было немыслимо. Укрепляя свои позиции на Кавказе, Россия стремилась предотвратить и работорговлю. Ни одно государство перед такой угрозой не может поступиться интересами и безопасностью своих подданных. Справедливость в Кавказской войне была и на ее стороне.

⁹⁶ Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. С. 113, 115, 127.

⁹⁷ Блиев М.М. Рецензия // Отечественная история. 2001. № 6. С. 149.

⁹⁸ Гапуров Ш.А. К вопросу о «набеговой системе горцев» // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Общественные науки. 2003. № 4. С. 27–32.

⁹⁹ Блиев М.М. Указ. соч. С. 151.

Глава II

ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ ПРОЦЕССА ОБЪЕДИНЕНИЯ

Обретение подданства

Необходимость установления государственного единства Кавказа с Россией выработывалась целыми эпохами. Русское присутствие в регионе намечалось еще с X в., когда на Таманском полуострове было образовано Тмутараканское княжество¹. Появление восточных славян на Северном Кавказе еще в киевскую эпоху их государственно-объединения признается не только отечественными, но и зарубежными исследователями². С XVI в., после того как геополитическая миссия объединения Евразии с распадом империи Чингисхана перешла к России, ее присутствие в регионе стало постепенно расширяться, сопровождаясь противоречивыми процессами.

Некоторые племена и даже целые этнические сообщества уже с того периода начали добровольно принимать российское подданство³. Н.Я. Данилевский, касаясь этой темы, указал на то, что «мелкие закавказские христианские царства еще со времен Грозного и Годунова молили о русской помощи» и изъявляли готовность «признать русское подданство»⁴. В XVI–XVII в. в Москву поступали многочисленные прошения и грамоты от тех или иных этнических общностей (народов) Кавказа с просьбами о покровительстве и включении их в пределы России. В 1552 г. поддержка была оказана пятигорским черкесам, подвергавшимся систематическим притеснениям со стороны крымских татар⁵.

¹ Виноградов В.Б. Тмутараканское княжество – исток русской государственности на Северном Кавказе (историографический этюд) // Вопросы северокавказской истории. Вып. 10. Науч. сб. Армавир, 2005. С. 8–9.

² Гаммер М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. М., 1998. С. 13.

³ Виноградов В.Б., Великая Н.Н., Нарожный Е.И. На Терских берегах. Армавир, 1997. С. 6–8.

⁴ Данилевский Н.Я. Указ. соч. С. 38.

⁵ Щербина Ф.А. Указ. соч. С. 6; Авраменко А.М., Матвеев О.В., Матющенко П.П., Ратушняк В.Н. Об оценке Кавказской войны с научных позиций историзма // Кавказская война: уроки истории и современность. Матер. науч. конф. г. Краснодар, 16–18 мая 1994 г. Краснодар, 1995. С. 28.

Прибывшим в Москву адыгским князьям была обещана защита их народа «ото всех недругов». Казачьему гарнизону основанного в середине XVI в. Терского городка ставится задача исполнять «государственную службу и оберегать Кабарду»⁶. С возникновением междоусобиц у кабардинцев для их прекращения и «водворения порядка» неоднократно посылались русские войска. Такая поддержка оказывалась и другим обществам мирных горцев. Добровольное вхождение в состав России было неустойчивым, от него происходили и отклонения⁷. Но по мере укрепления российского присутствия на Кавказе эта тенденция набирала силу. Колебания преодолевались при помощи воздействия на «экономические потребности и личные интересы»⁸. Это находит подтверждения и в современных исследованиях⁹.

На принятие решений о подданстве уходило иногда немало времени, так как они были непростыми, в связи с ними нередко перед Россией возникали новые геополитические вызовы и военные угрозы. Неторопливость при этом была не излишней. Вопрос о вхождении калмыков, например, положительно разрешился в 1608 г. только после длительных переговоров, несколько раз прерывавшихся и возобновлявшихся¹⁰. Осторожность при принятии в подданство выдерживалась и в дальнейшем. В 1810 г. главный смотритель Малой и Большой Кабарды генерал-майор Дельпоццо информировал командующего на Кавказе, что «черный кабардинский народ три года к ряду посылал выборных от себя депутатов с просьбой принять их под покровительство русских», но ходатайства оставались в течение всего этого периода без ответа¹¹.

⁶ Джимов Б.М. Политика ведущих держав и ее отражение в ходе Кавказской войны (конец XVIII – первая половина XIX вв.) // Кавказская война: уроки истории и современность. Матер. науч. конф. г. Краснодар, 16 – 18 мая 1994 г. Краснодар, 1995. С. 8.

⁷ Щербина Ф.А. Указ. соч. С. 6–7, 567.

⁸ Там же. 577, 607.

⁹ Виноградов Б.В. Очерки этнополитической ситуации на Северном Кавказе в 1783–1816 гг. Под ред. проф. В.Н. Ратушняка. Краснодар; Армавир, 2004; Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.). Пятигорск, 2002.

¹⁰ Эрдниев У.Э. Калмыки: Историко-этнографические очерки. 3-е изд. Элиста, 1985. С. 33.

¹¹ Напсо Д.А., Чекменев С.А. Указ. соч. С. 136.

При принятии решений так или иначе учитывалось и то, что Кавказ издавна относился к зоне цивилизационного разлома и вследствие этого испытывал тяготение к зарубежному мусульманскому Востоку. Предопределявшееся главным образом религиозными различиями, оно являлось одним из препятствий в объединительном процессе. В начале XIX в. Россия, следуя своему сакральному (духовному) предназначению в православном сообществе, оказала державное покровительство Грузии, а впоследствии и Армении и тем самым спасла единоверные народы от угрозы полного уничтожения. По поводу включения в состав России первой, изъявлявшей намерение вступить в ее подданство еще в 1587 г., то есть в XVI в. в период правления Федора Ивановича, после издания манифеста 16 января 1801 г. наблюдавшие непосредственно происходившее признавали, что на этот шаг в Петербурге пошли «предубеждая совершенную гибель сей страны», основываясь «на добровольном согласии всего народа»¹².

Проезжая в 1832 г. по Военно-Грузинской дороге разведчик Ф.Ф. Торнау, находившийся, в том числе длительное время при разных обстоятельствах среди немирных горцев и вследствие этого разносторонне осведомленный о событиях на Кавказе, заметил, что через Дарьяльские ворота проходило много завоевателей, «находивших гибель себе и своих собратий по человечеству; одни русские прошли здесь не с мыслью об истреблении, не за добычей, а на защиту христианского царства, истекавшего кровью под ударами своих лютых мусульманских соседей»¹³. Такие представления, объективно отражавшие реальность, сохранялись достаточно долго. Отображали их в различных вариантах творчества и деятели культуры. Выражая существовавшие настроения в Грузии, А. Церетели об установленном «союзе двух великих народов» отзывается, например, как о «твердыне Христова завета»¹⁴.

¹² Цит. по: Виноградов Б.В. 200 лет назад... // «Грузинский и русский народы, вы – братья!» (К 200-летию присоединения Грузии к России). Под ред. проф. В.Б. Виноградова. Армавир, 2001. С. 5.

¹³ Цит. по: Виноградов В.Б., Гусева Н.А. Горский плен: люди и судьбы. Армавир, 2002. С. 15.

¹⁴ Церетели А. Избранные стихотворения. Пер. с груз. М.-Л., 1953. С. 23.

Называя Россию «спасительницей», он видел достижения ее политики «в славе боевой» и «нежном» попечительстве о населении¹⁵, получившем защиту. Забвение этого, по его утверждению, достойно «позора навек и проклятья»¹⁶. Наступление «мира, связанного со счастьем... милой родины», А. Церетели видел только в составе «общего... отечества – великой России»¹⁷. Как нетрудно заметить, до определенного времени в среде грузин из поколения в поколение передавалась лишь оценка эпохального свершения в 1801 г., которая отражала действительность. Грузины считали, что «объединение с Россией произошло по их же воле» и именно от нее исходило спасение от бедствий и страданий¹⁸. Руководствуясь не идеологической конъюнктурой, а прежде всего здравым смыслом, А. Церетели призывал соотечественников: «Все это нужно помнить»¹⁹. Собственно говоря, это сложно оспаривать и в наши дни.

Искажения в восприятии прошлого в данном отношении, появившиеся после 1917 г. тем не менее сохраняются. Становление России как имперской державы, вобравшей в свои пределы множество различных народов, происходило под давлением геополитических обстоятельств. Определяющим их стержнем выступало долговременное совпадение интересов различных этнических групп населения на обширных просторах значительной части Европы и Азии, что и способствовало их преимущественно добровольному единению. Показательна в этом отношении, например, героическая защита небольшим русским отрядом при поддержке местного населения армянской крепости Шуша во время нашествия в 1826 г. персидских войск. Осуществлявший осаду Аббас-Мирза решил жестокостью и коварством склонить на свою сторону находив-

¹⁵ Церетели А. Сердце поэта: Стихотворения и поэмы. Пер. с груз. М., 1991. С. 14.

¹⁶ Церетели А. Избранные стихотворения. С. 49.

¹⁷ Там же. С. 23.

¹⁸ Виноградов Б.В., Виноградов В.Б. Присоединение к России глазами грузинских писателей XIX в. // «Грузинский и русский народы, вы – братья!» (К 200-летию присоединения Грузии к России). Под ред. проф. В.Б. Виноградова. Армавир, 2001. С. 23.

¹⁹ Там же.

шихся в крепости армян и тем самым принудить гарнизон сдаться²⁰.

Рассчитывая на то, что духовенство пользовалось всегда у этого народа непререкаемым авторитетом, он приказал подвести под крепостные стены несколько сот армянских семей из окрестных сел вместе с архиепископом. Под страхом угроз «перебить всех» священника заставили уговаривать соплеменников «сдать крепость, хотя бы ради спасения стольких человеческих жизней». Но в ответ на уговоры армяне стали кричать со стен, что «они не изменят русским и сами увещевали своих братьев покориться печальной судьбе, которая их ожидает, ибо пусть лучше погибнут несколько сот человек, чем весь народ подпадет под тяжелый гнет»²¹.

Именно так, порой достаточно остро, осознавалась необходимость объединения с Россией многими сообществами, принимавшими на том или ином этапе решение в целях самосохранения укрыться за ее государственными границами и воспользоваться предоставлявшимся покровительством. На это осознание оказывали влияние разные причины: притеснения и угрозы истребления со стороны других народов, надежда «на охрану... интересов прочным государственным порядком... желание... сохранить при помощи русской власти положение привилегированного сословия», освободиться от рабства, крепостной зависимости, и т.д.²² Притягательность российского государственного поля обуславливалась и другими его особенностями. Все народы, независимо от обстоятельств включения в сферу его воздействия, признавались официально такими же подданными, «живущими под одними законами»²³.

Однако в каждом конкретном случае лишь одна из причин становилась решающей. В объединении значительной части Кавказа с Россией, например, огромную роль сыграл фактор

²⁰ Потто В.А. Первые добровольцы Карабаха в эпоху водворения русского владычества на Кавказе: Военно-исторический очерк. (Б/и: Тифлис, 1902). М., 1993. С. 47.

²¹ Там же. С. 47–48.

²² Потто В.А. Кавказская война. Т. 3. С. 560; Щербина Ф.А. Указ. соч. С. 580.

²³ Кабузан В.М. Народы России в первой половине XIX в.: Численность и этнический состав. М., 1992. С. 6, 8.

единства веры²⁴. Не менее существенное воздействие на этот интеграционный процесс оказывал и высокий ее авторитет у расселявшихся в сопредельных приграничных ареалах народов. Подкреплялся он вместе с тем не только предоставлявшейся более привлекательной альтернативой развития, но и тем, что восстанавливалось единство пространства, получавшего уже в разных сочетаниях целостное универсалистское оформление в эпохи существования других империй.

Дополним предшествующую аргументацию еще несколькими штрихами, воссоздающими другие немаловажные детали реалий прошлого. В ходе русско-персидской войны (1826–1828) наследник персидского трона Аббас-Мирза склонился как-то к твердому намерению подвергнуть разрушению святыню армянского народа Эчмиадзинский монастырь и для достижения цели выдвинул к нему большую часть своих сил в 30 тыс. человек, подвергнув осаде²⁵. Находившийся неподалеку небольшой русский отряд всего в 2 тыс. бойцов во главе с генералом А.И. Красовским, получив известие об этом, несмотря на столь значительное неравенство в силах, не дожидаясь подкреплений, без малейшего промедления 17 августа 1828 г. выступил для спасения твердыни, способствовавшей сохранению христианства в Закавказье²⁶.

Чтобы успеть, отряд пробивался к монастырю, неся большие потери по самому кратчайшему пути через Аштаракское ущелье, склоны которого сплошь были заняты неприятелем. В обители с напряжением и тревогой следили за тем, как русские воины бились в окружении²⁷. Пока на протяжении всего дня шло сражение, монахи молились, а архиепископ Нерсес, облаченный в святительные одежды, со всем духовенством совершал божественную службу. Он просил «с коленапреклонением и со слезами победу благочестивому русскому воинству». Когда же остатки отряда генерала А.И. Красовского появились перед Эчмиадином, выиграв сражение, не дав врагу ни одного военного трофея, ни пушки, ни знамени, монастырь отворил ворота и встретил тех, кто остался в живых, колоколь-

²⁴ Потто В.А. Указ. соч. С. 560.

²⁵ Там же. С. 388.

²⁶ Там же. С. 388–389.

²⁷ Там же.

ным звоном и благодарственными молитвами как своих избавителей²⁸.

Огромная армия оказалась, как отражено в различных описаниях битвы, бессильной остановить «ничтожную горсть русских воинов», которая, невзирая ни на ужасы смерти, ни на страшное утомление людей, довела до конца предпринятую операцию²⁹. И такие нравственные воздействия при укреплении державных позиций России на Кавказе были достаточно многочисленными. В свое время они сыграли немаловажную роль в деле объединения и в значительной мере подпитывали тенденцию добровольности вхождения в состав российского государства. Оценивая этот судьбоносный акт для своего народа, выдающийся армянский просветитель Х. Абовян в романе «Раны Армении» в 1840 г. писал: «Да будет благословен тот час, когда русские... вступили на нашу святую землю» и призывал соплеменников «прославить бога» за то, что услышал молитву и привел многострадальный народ «под могущественную державную руку русского царя»³⁰. Восторженные отзывы этому свершению давали и другие деятели армянской культуры, а также иерархи церкви.

Наряду с интеграцией в имперское пространство христианских народов происходил процесс присоединения к России различных мусульманских обществ на Северном Кавказе. Только с 1827 по 1831 г. присягу на верное подданство приняли аварцы и многие другие народы северо-восточных частей края, значительная часть чеченцев, дигорцы, карачаевцы, балкарцы, ногайцы, а также тысячи закубанских аулов³¹. Государственное объединение с Кавказом обеспечивало безопасность на одном из важнейших стратегических направлений. Но оно соответствовало не только интересам русских. Сложность заключалась в том, что это приграничье (фронт) соприкасалось с территориальными массивами не организованными в устойчивое этнополитическое сплочение и подпадавшим периодически под влияние враждебного зарубежья.

²⁸ Там же. С. 389.

²⁹ Там же.

³⁰ Абовян Х. Раны Армении / Пер. с арм. М., 1978. С. 87.

³¹ Напсо Д.А., Чеменов С.А. Указ. соч. С. 120.

Единение с Россией отвечало интересам и мусульманского населения, предопределив более успешное совместное развитие. Христианские же народы получили при этом впервые за многие века спасительную для себя державную защиту от не прекращавшихся агрессий. При сохранении привычного самоуправления все воспринимавшие российское подданство, независимо от религиозной принадлежности, обретали так или иначе необходимое внешнее централизующее государственное оформление. После этого Кавказ превратился в составную часть российского государственного пространства, что впервые было признано в Гюлистанском мирном договоре с Ираном в 1813 г., положениями которого край рассматривался уже «навечно» в качестве неотъемлемой территории империи³².

Еще раз эта позиция Ирана была подтверждена в 1828 г. в Туркманчайском трактате. Тогда же по Адрианопольскому мирному договору приоритет влияния России на Кавказе вынуждена была признать и Турция³³. Сложившиеся обстоятельства требовали распространения российской юрисдикции на нагорные районы, разъединявшие пространство с народами и отдельными обществами, изъявившими намерение добровольно присоединиться к России или уже вошедшими в ее состав³⁴. Здесь, собственно говоря, и сохранялась повышенная предрасположенность к обособленности на том этапе установления единства края с Россией, так как во времена существования имамата население этого ареала подвергалось соответствующему идеологическому влиянию.

Остававшихся «непокорными» подчиняли силой, «по праву войны», отвечавшему признавшимся тогда в практике международных отношений нормам³⁵. Связанные с этим меры устанавливались вынужденно и не являлись самоцелью про-

³² Виноградов В.Б. Ближневосточная закулиса имама Шамиля // Проблемы всеобщей истории: Междунар. сб. науч. и науч.-метод. тр. Вып. 6. Армавир, 2000. С. 127; Рамазанов А.Х. Социально-исторические особенности края в 20-х – начале 30-х гг. XIX в. // Газимухамед и начальный этап антифеодальной и антиколониальной борьбы народов Дагестана и Чечни. Матер. междунауч. конф. 13–14 окт. 1993 г. Махачкала, 1997. С. 4.

³³ Там же.

³⁴ Кавтарадзе А.Г. Генерал А.П. Ермолов. Тула, 1977. С. 71.

³⁵ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1551. Л. 87.

водившейся политики. Как поясняли представители русской власти, непосредственно занимавшиеся ее формированием, такое воздействие применялось «исходя из... духа вновь покоренного народа» и предполагалось, что ограничения «дадут время и средство» для того, чтобы «удержание горцев в покорности военной силой сменилось владычеством, основанном на нравственной силе»³⁶. Такое стремление прослеживается в российской политике в том числе по ходу и на завершающих этапах Кавказской войны³⁷. Само же завоевание не воспринималось как установление внешней зависимости.

Необходимо учитывать, что и в этом случае к включенным таким способом в состав России также относились как к потенциальным соотечественникам. Выходившим с покорностью оказывалось всяческое содействие и помощь. Зачастую «различные материальные пособия, ссуды, льготы туземному населению», находившемуся даже на неподвластных России территориях, предоставлялись и при возникновении стихийных бедственных ситуаций, приводивших его в «нищенское состояние»³⁸. Нравственное воздействие давало свои результаты. Происходил массовый отход различных горских обществ от Шамиля³⁹. Однако в отечественных и зарубежных публикациях внимание преимущественно обращается именно на принуждение, «завоевательную политику царизма».

Из-за пространственного положения на стыке Европы и Азии, зоне соприкосновения различных культур и цивилизаций, отличавшейся помимо всего на протяжении многих веков повышенной конфликтностью, Россия вынуждена была постоянно сдерживать или отражать агрессивные нашествия из сопредельного зарубежья. И в этом противостоянии она выполняла вместе с тем великую, пока, к сожалению, непризнанную миссию объединения окружавших ее малых народов, принимая их преимущественно добровольно в свое подданство, ограждая тем самым от опустошительных вторжений, иногда даже от полного уничтожения, своими го-

³⁶ Акты Кавказской археографической комиссии (далее АКАК). Тифлис, 1904. Т. 12. С. 423.

³⁷ Там же.

³⁸ Дегоев В.В. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. М, 2001. С. 216 .

³⁹ Там же.

сударственными рубежами и военной мощью. Происходила вместе с тем континентальная стабилизация, и устанавливалось «европейско-азиатское, а через него и вселенское равновесие»⁴⁰.

Россия постепенно превращалась в полиэтническую державу, «за гранью дружеских штыков» (М.Ю. Лермонтов) которой многие народы находили спасительный приют. Изучение процесса расширения российских границ проясняет именно то, что оно происходило ненасильственно, по инициативе самих же народов, искавших у Москвы, а затем и Петербурга, защиты «от порабощения и физического уничтожения»⁴¹. Непредвзятая систематизация фактов неизбежно подводит исследователей к осознанию этого. Кавказская война явилась, таким образом, следствием внутренних региональных и горских противоречий. Отражением их являлась, в частности, солидаризация значительной части населения Кавказа с Россией. При любых притязаниях на концептуальную достоверность не учитывать это, безусловно, неправомерно, как неправомерно не учитывать и то, что в процессе становления единства существовала и другая тенденция, отражавшая существовавший настрой у какой-то части «туземных обществ» на сохранение обособленности.

Вместе с тем проявлявших враждебность и остававшихся непримиримыми, усмиряли «не единой силою оружия, – а как предписывала еще в 1792 г. императрица Екатерина II в инструкции генералу И.В. Гудовичу, действовавшему на Кавказе, – паче правосудием и справедливостью»⁴². Эта линия в проводимой Россией политике в регионе, как, впрочем, и в других, выдерживалась, в целом, весьма последовательно, лишь с временными нетипичными отклонениями. Интеграция народов в российские державные пределы происходила с опорой на государственный фактор, с обеспечением для них таких же охранительных функций, как и для русских, с изъятием намерений «навсегда вступить в состав Российской

⁴⁰ Ильин И.А. О грядущей России. Св.-Троицкий монастырь, 1991. С. 171.

⁴¹ Пашков Б. Россия и «движение» ее территории. Как менялась карта нашей страны с 862 по 1917 г. // Российский исторический журнал «Родина». 1995. № 10. С. 40, 44.

⁴² Цит. по: Алиев У. Карачай. Ростов н/Д, 1927. С. 59.

империи»⁴³. Такие намерения выражались в повторявшихся нередко на протяжении многих лет обращениях на предварительных стадиях. В текстах присяг на верное подданство содержалась формулировка «навечно», также отражавшая существовавшие настроения. Признавалась при объединении Россия и отечеством. В таком качестве она выступала не только для русских, но и для других народов.

Утверждение геополитических позиций России на Северном Кавказе длительное время между тем изображалось как отражение ее агрессивных имперских устремлений к расширению границ. Соответственно справедливость признавалась лишь за теми, кто этому противостоял. В путевом дневнике, изданном в 1876 г., вскоре после окончания Кавказской войны, князь Мещерский указал на необходимость учитывать роль самих народов в присоединении края к России: «Кавказ был завоеван как оружием русских... так и оружием туземцев... На протяжении шестидесятилетней войны на Кавказе... везде отличались тамошние туземцы... Они дали в русских войсках целую плеяду героев, достойных высших чинов и знаков отличия»⁴⁴. С.Ю. Витте, выдающийся государственный деятель России рубежа XIX–XX в., также полагал, что нельзя игнорировать «то значение, которое имели в покорении Кавказа туземцы»⁴⁵.

Как показывает непредвзятое рассмотрение фактов, добровольное вхождение ряда «туземных обществ» в состав Российской империи было не менее массовым, чем движение тех, кто этому противостоял. Все это вскрывает необходимость непредвзятого анализа всех аспектов проблемы, ставшей в историографии дискуссионной. Память о том, что горцы воевали против Шамиля на стороне России, сохранялась достаточно долго. Наличие ее проявлялось при разных обстоятельствах. Попытки сузить процесс формирования государственного единства до силовой составляющей не учитывают многообразие исторических реалий⁴⁶. Не соответствует им и

⁴³ Марков Л. На Кавказе после появления там России // Посев. 1993. № 2. С. 90.

⁴⁴ Кн. Мещерский. Кавказский путевой дневник. СПб., 1876 С. 107.

⁴⁵ Витте С.Ю. Избранные воспоминания. М., 1991 С. 33.

⁴⁶ Ахмадов Я.З. Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией. Грозный, 1991 и др.

версия о «русско-кавказской войне», получившая распространение в ряде публикаций в 90-е гг. XX в.

Отсутствие такого конфликта подтверждается многочисленными фактами. Рассмотрим лишь некоторые из них. В разъяснениях об особенностях вхождения в состав России, направленных 27 февраля 1906 г. наместнику его величества на Кавказе графу И.И. Воронцову-Дашкову, присяжный поверенный, член Владикавказской городской управы Г.В. Баев сделал упор на следующее: «Большая часть населения – осетины, ингуши, кабардинцы, кумыки, отчасти плоскостные чеченцы, были всегда на стороне русского правительства и стремились к скорейшему замирению края»⁴⁷.

Обращаясь к реальности установления государственного единства Кавказа с Россией, депутат от Дагестанской области Гайдаров в выступлении на одном из заседаний в Государственной думе в 1912 г. отметил, что присоединение произошло «благодаря исторически-естественным условиям». Напомнил он присутствующим и о совместных действиях в войне «туземных» подразделений «наравне с русским оружием... с самого начала появления на Кавказе русских»⁴⁸. Эта мысль особо выделена им и в таком основанном на знании прошлого утверждении: «Само население Кавказа боролось против своих для присоединения Кавказа к России»⁴⁹.

Не обошел вниманием Гайдаров и степень поддержки имама, опорой для которого служили «всего несколько округов Дагестана, а остальные с русскими боролись против самого Шамиля». Завершил он свое выступление весьма показательным для существующих концептуальных разногласий заключением: «Я утверждаю, что присоединение Кавказа к России было как русским, так и кавказским делом; это было дело не только русских, но в то же время и самого кавказского населения»⁵⁰. Данные экскурсы Гайдаров изложил не без гордости⁵¹, выразив настроения, широко судя по всему рас-

⁴⁷ ЦГИА РГ. Ф. 13 с. Оп. 29. Д. 35. Л. 10.

⁴⁸ Государственная дума. 3-й созыв. Сессия 5. Засед. 120–153 (с 30 апреля по 9 июня 1912 г.): Стенографический отчет Ч. 4. СПб., 1912. С. 2403–2408.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же. С. 2408.

пространенные в начале XX в. в среде тех, кто пережил эпоху или получил не мифологизированные представления о ней от предшествующих поколений.

3 декабря 1913 г. в Государственную думу за подписью 39 депутатов от различных народов Северного Кавказа было внесено законодательное предположение «об учреждении особого духовного управления (муфтиата) для мусульман», способного организовать конфессиональное общение верующих в пределах окраины и империи в целом. В нем среди прочих доводов о необходимости создания такого религиозного центра указывалось на то, что некоторые из «туземных обществ», исповедующих ислам, еще в XVIII в. «добровольно приняли русское подданство»⁵². Правдивое восприятие прошлого, как видно, сохранялось.

Тем не менее впоследствии сопротивление части горцев по ходу Кавказской войны, стало изображаться как чуть ли не всеобщее, несмотря на то, что массовость в какой-то мере поддерживалась и силовым влиянием непримиримых, ослабление которого обрело устойчивость лишь на завершающих этапах ликвидации конфликтных зон в восточных и западных пределах края⁵³. Предпринимавшиеся неоднократные попытки со стороны Шамиля к сплочению всех народов Северного Кавказа против России так и не привели к успеху. Устойчивая ориентированность на нее сохранялась в «туземных обществах», несмотря на форсированное насаждение ислама и распространение учения мюридизма, с нацеленностью на священную войну (газават) с православной империей.

Российская направленность этнополитических предпочтений неизменно обнаруживалась в дагестанских аулах, в частности, при избрании старейшин и других представителей местной администрации. Не существовало единства в этом отношении и в среде чеченцев. Расселявшиеся в Надтеречной зоне, относились к России доброжелательно и поддерживали с ней разносторонние связи, стараясь не нарушать нейтралитет и противодействовать по мере возможностей враждебным

⁵² РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 922. Л. 4.

⁵³ Щербина Ф.А. Указ. соч. Т. 2. С. 540, 543; Умаханов М.-С.К., Алиев Б.Г. Указ. соч. С. 84–85.

вылазкам, происходившим из горных селений⁵⁴. В центральных и западных ареалах Северного Кавказа к движению прижимали лишь отдельные представители «туземных обществ». Некоторые посланцы имама, направленные сюда с объединительной миссией, были убиты. Их призывы не встречали сочувствия. Осетины, исповедовавшие ислам, втягивались в конфликт эпизодически. В их участии прослеживается стихия неопределенности, но отнюдь не следование осознаваемой цели и религиозным идеалам⁵⁵.

Немалая часть иноэтнического населения в единении, имевшем, как признавалось когда-то, огромное значение, в том числе для самого Кавказа⁵⁶, придерживалась российской ориентации. Утверждению России в этом регионе активно содействовали, как уже отмечалось, народы его южных ареалов, причем исповедовавшие не только христианство, но и ислам. Население Закавказья независимо от конфессиональной принадлежности по собственной инициативе создавало вооруженные формирования, принимавшие участие в сражениях⁵⁷. Для прекращения противостояния в горах Чечни и Дагестана в составе русской армии также действовали целые подразделения (полки, дружины, отряды), сформированные на добровольной основе из аварцев, армян, грузин, татар, чеченцев и т.д., возглавлявшиеся своими военачальниками, многие из которых добивались крупных успехов на этом поприще⁵⁸. Офицерский корпус Кавказской армии более чем наполовину состоял из представителей местных народов⁵⁹. Войну с Шамилем вели не только русские войска, но и сами горцы.

Их действия неоднократно заслуживали высокие отзывы командования. Так, после ряда ожесточенных сражений в 1841 г. генерал П.Х. Граббе в приказе от 24 мая по поводу осо-

⁵⁴ Дегоев В.В. Указ. соч. С. 22, 65.

⁵⁵ Гаммер М. Указ. соч. С. 231–232, 336–337.

⁵⁶ ЦГИА РГ. Ф. 13. Оп. 3. Д. 687. Л. 3.

⁵⁷ Агаян Ц.П. Роль России в исторических судьбах армянского народа. К 150-летию присоединения Восточной Армении к России. М., 1978. С.74–75.

⁵⁸ Тройно Ф.П. Кавказская война и судьбы горских народов // Кавказская война: уроки истории и современность: Матер. науч. конф. Краснодар, 16–18 мая 1994 г. Краснодар, 1995. С. 81–82.

⁵⁹ Витте С.Ю. Указ. соч. С. 33–34.

бо отличившейся в них горской добровольческой милиции констатировал следующее: «милиция кабардинская, джарская и кумыкская соревновались в храбрости с казаками»⁶⁰. Неоднократные наблюдения за ее действиями при возникновении экстремальных ситуаций по ходу войны порождали даже намерение у представителей русской администрации включить эти подразделения в формируемую систему поддержания безопасности в крае наряду с российским казачеством, которому отводилась в ней исключительная роль, поскольку оно имело лучшую подготовленность к местным условиям. А необходимость в адекватных ответах вставала постоянно из-за соседства с немирными племенами, добывавшими средства к существованию грабительскими набегами. В 1851 г. с отрядами двух наибов имама стойко вели борьбу мирные чеченцы и в ходе нее понесли весьма ощутимые потери⁶¹.

В 1863 г. начальник Терской области именно благодаря происходившим этнополитическим переменам в крае без каких-либо затруднений смог, в частности, провести дополнительный набор и сформированная ранее горская милиция пополнилась еще 20 сотнями, четыре из которых были чеченскими. Это соединение предназначалось также для быстрого завершения покорения северо-западного Кавказа, где военные действия еще продолжались. А когда в том же году здесь был создан Шапсугский округ, от него был выставлен аналогичный отряд, отличавшийся надежностью и исполнявший поручения русского командования «с примерною точностью»⁶².

Российский выбор мусульманским населением осуществлялся, таким образом, как накануне, так и по ходу Кавказской войны. И этот процесс в той или иной мере охватывал преобладавшую его часть. Расширение интеграции, формировавшей российскую полиэтническую общность, происходило не без противоречий, но в итоге оказывалось определяющим. Препятствия при этом сохранялись временно, хотя длительность объединения, в отличие от других окраин, рас-

⁶⁰ Тройно Ф.П. Указ. соч. С. 81.

⁶¹ АКАК. Тифлис, 1904. Т. 12. С. 1290.

⁶² Кумыков Т.Х. Выселение адыгов в Турцию-последствие Кавказской войны. Нальчик, 1994. С. 48; Тройно Ф.П. Указ. соч. С. 81–82.

положенных в том числе на отечественном Востоке, указывает, безусловно, на непростую специфику решаемых задач в проводившейся политике.

К «завоевательным» и «извечно агрессивным устремлениям»⁶³, геополитическая миссия России на Кавказе не сводима. Она воплощала в себе борьбу противоречивых тенденций и без полноценного учета их взаимодействия никому не удастся сказать полной правды о прошлом. В присоединении Кавказа к России, также как и многих других окраин, прослеживались тенденции солидаризации и силового подчинения, которые невозможно игнорировать при характеристике особенностей объединения. Шамиллю приходилось нередко преодолевать серьезное сопротивление со стороны местных народов. Весьма широкое участие в нем принимали вместе с тем и дагестанцы⁶⁴.

По существующим предположениям, основанным на сохранившихся в источниках сведениях, в столкновениях с имамом и его заместителями (наибрами) иноэтнические сообщества Северного Кавказа несли даже более многочисленные потери, чем русские войска. Сражения при этом обретали настолько ожесточенный характер, как, например, в нагорной Чечне в 1858 г., что в ходе них военные действия разворачивались на уничтожение. Все так или иначе связанные с Шамилем, не исключая его поселенцев, изгонялось. Не давала результатов зачастую и ставка на силу⁶⁵, которая традиционно эффективно использовалась в достижении политических целей в странах зарубежного Востока. В свете изложенных фактов сопротивление горцев невозможно изображать как всеобщее. Попытки со стороны Шамиля к сплочению всех народов Северного Кавказа против России оказались так или иначе недостижимыми.

Устойчивая ориентированность на нее в «туземных обществах» сохранялась даже тогда, когда возглавляемое им противостояние оказывалось наиболее успешным. Этнопо-

⁶³ Кавказская война: спорные вопросы и новые подходы: Тез. докл. Международ. науч. конф. / Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. Институт российской истории. Махачкала, 1998.

⁶⁴ Блиев М.М. «Камень Барятинского» // Российский исторический журнал «Родина». 1995. № 10. С. 29.

⁶⁵ Дегоев В.В. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. С. 261–262.

литического единства в этом отношении не существовало. Насаждение ислама, встречавшее серьезные затруднения, позволяет поставить под сомнение сложившиеся взгляды на Кавказскую войну как «национально-освободительную»⁶⁶. Движение Шамиля и предшествующих имамов не подпадает под это определение. В контексте интеграционного процесса оно было, на мой взгляд, проявлением остаточного сепаратизма. Перед «туземными обществами» существовавшие исторические условия открывали перспективу выбора, от которого не в последнюю очередь зависела успешность усилий противоборствующих сторон в вооруженном конфликте.

Утверждения о наличии «национально-освободительных»⁶⁷ признаков в движении Шамиля основываются на предвзятостях и не учитывают фактов, высвечивающих иные грани происходившего. Предпринятый же анализ показывает, что российское присутствие на Кавказе, как и на других окраинах, основывалось преимущественно на добровольной солидаризации различных народов. Своекорыстные расчеты при этом отсутствовали. Обвинения в преднамеренной территориальной экспансии не объективны. Силовая составляющая в объединительном процессе не являлась преобладающей.

Добровольное вхождение в состав империи было не менее массовым, чем движение тех, кто этому противостоял. В случаях, когда умиротворение достигалось в результате военных акций, дискриминации в отношении включенных в состав России таким способом не устанавливалось. Учитывая, что элементы добровольности и силового принуждения закономерны для становления любого государства, можно сделать вывод, что проводившиеся Россией завоевания выступали частью общего геополитического стабилизационного процесса, происходившего на протяжении многих веков в пределах Евразии. Превращение Кавказа в составную часть России получало и международное признание.

⁶⁶ Черноус В.В. Отечественная историография национально-освободительных движений на Северном Кавказе в 20–50-х годах XIX в.: наука в контексте политического процесса // Научная мысль Кавказа. 2003. № 3. С. 50–64.

⁶⁷ Халилов А.М. Национально-освободительное движение горцев Северного Кавказа под предводительством Шамиля. Махачкала, 1991 и др.

Остаточный сепаратизм

Поскольку при укреплении своих геополитических позиций на Кавказе Россия опиралась на значительную часть мусульманского населения, движение Шамиля есть основания соотносить со своеобразным сепаратизмом, который неизбежно в разных формах встречается при формировании государств. Данная закономерность наблюдалась неоднократно в анналах мировой истории. Проявления внутреннего этнического сепаратизма преодолевались, в частности, неоднократно в эпоху государственного объединения восточных славян. Обособленность на Руси ряда племен сохранялась и впоследствии. Сепаратистские устремления существовали также в имамате. Шамилю, как уже отмечалось, приходилось наталкиваться на существенные препятствия при попытках консолидации. Движение «непримиримых» на Северном Кавказе, несмотря на его усилия, оставалось разрозненным.

Но оно выступало и в таком качестве своеобразным барьером для российского интеграционного процесса. Параметры его тем не менее постоянно расширялись. Сталкиваясь с трудностями, Шамиль, по подтверждению сподвижников, не отказывался от замыслов подчинения всех мусульманских народов Северного Кавказа «от владений Шамхала до Анапы», и утвердиться на этом обширном пространстве он намеревался в качестве султана (эмира) по подобию государственной системы Османской империи. Для реализации задуманного он рассылал своих единомышленников по всему краю, включая районы расселения осетин, кабардинцев, черкесов и др. Но выйти за пределы первоначально занятой локальной территории так и не смог. Все же попытки геополитических расширений по его варианту не получили поддержки даже у сопредельных обществ и обрекались неизменно на неудачу⁶⁸.

Поддержка Шамиля постепенно сужалась. В современных исторических публикациях тем не менее получила распространение идеализация имамата Шамиля и существовавших в нем порядков. Его представляют как «шариатское государство, построенное на Законах и Откровениях Всевышнего

⁶⁸ Дегоев В.В. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. С. 150–151, 206–207; 342.

Аллаха»⁶⁹. Бесперспективность борьбы части горцев против установления государственных порядков осознавалась и по ходу противостояния. По одному из запоздалых откровений самого Шамиля, «войну можно было кончить раньше», где-то еще в 1838 г. Именно тогда он впервые пришел к намерению изъявить покорность России и обещал прекратить свои враждебные действия против нее на переговорах с представителями командования русскими войсками и склонялся даже к поездке в Тифлис для встречи по этому поводу с государем императором, прибывшим в край, в чем горячо начал убеждать и своих ближайших сподвижников⁷⁰.

Но не встретил понимания, столкнулся с грубыми обвинениями «в измене шариату» и угрозами убить, и вынужден был, как человек безукоризненной честности, подчиниться данной когда-то клятве, безупречно пронеся до последнего еще на протяжении многих лет взваленную обстоятельствами на его плечи ношу народного предводителя. Прибывшие от мюридов посланцы сообщили русскому командованию о стремлении и предпринимавшихся усилиях своего вождя переубедить окружение, о его душевных переживаниях после того, когда сделать это не удалось⁷¹.

Необходимость исполнения данной однажды клятвы в конечном итоге взяла верх и подавила колебания. По признанию Шамиля, в войне с Россией он потерял свой народ. Незадолго до сдачи в плен уже почти все население, когда-то подвластное имаму, изъявило покорность ей вопреки мюридам и благосклонно встречало русские войска и их главнокомандующего, наместника его величества князя А.И. Барятинского⁷². Завершился процесс, начавшийся еще задолго до этого. От Шамиля уходили целыми аульскими обществами в поисках защиты и покровительства со стороны России. Ее вооруженные силы в крае воспринимались в качестве гаранта безопасности. В ряде случаев «туземное население» по собс-

⁶⁹ Хачилаев Н.М. Предисловие к русскому изданию // См. в кн.: Гаммер М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. М., 1998. С. 5,7.

⁷⁰ Шамиль на Кавказе и в России. Биографический очерк / Сост. М.Н. Чичагова. С. 55–56, 20, 83, 89–100.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же.

твенной инициативе оказывало противодействие отрядам, посылавшимся имамом для карательных целей. Систематические формы принимало изгнание или уничтожение представителей его власти⁷³.

Распоряжения их не исполнялись в массовом порядке. К русским генера-лам являлись многочисленные депутации, которые заявляли о своей покорности и просили защиты от Шамиля, нередко предлагая и свою помощь в противодействии ему. Принять российское подданство только в июле 1859 г. желание изъявили фактически все аварские, южные дагестанские и другие общества. В интеграцию включились и те аулы, которые ранее казались наиболее преданными Шамилю. Их население также ожидало прекращения его тирании и возлагало надежды на получение защиты от России⁷⁴. Ориентация на ее покровительство постепенно расширялась.

Дагестанские авторы того периода, писавшие на арабском языке, сообщали также о том, что массы народа «торопились к встрече с русскими», выражая свое повиновение. Не являлись исключением даже соратники Шамиля по борьбе, входившие в его ближайшее окружение⁷⁵. Подтверждение может служить и поступок известного его наиба Хаджи Мурата, описанный с привлечением воспоминаний и извлечений из «Тифлисского архива» Л.Н. Толстым в одноименном повествовании⁷⁶. По его содержанию очевидно, что желание «служить белому царю» при выходе перебежчика с гор было вполне искренним⁷⁷. В соответствии со сложившимися стереотипами в исторической науке обстоятельства же сдачи в плен самого Шамиля выглядели иначе.

Описываются они, например, следующим образом: «После окончания Крымской войны самодержавие значительную часть своей армии, участвовавшей в боевых действиях, перебросило на Северо-Восточный Кавказ. И эта намного превос-

⁷³ Дегоев В.В. Указ. соч. С. 221–222, 253.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Хроника Мухаммеда-Тахира Ал-Карахи. О дагестанских войнах в период Шамиля. М., 1941. С. 245.

⁷⁶ См. подробнее: Толстой Л.Н. Хаджи-Мурат // Толстой Л.Н. Собрание сочинений: В 20 т. Т. 13: Повести и рассказы 1903–1910 гг. Незаконченное. Наброски. М., 1998. С. 15–116.

⁷⁷ Там же. С. 42, 52–53.

ходившая числом горские народы армия сделала свое дело. Окружив плотным кольцом имама, она принудила Шамиля сложить оружие и сдаться на милость победителей»⁷⁸. Как видно, автор по-прежнему считает возможным не принимать во внимание фактор прекращения поддержки со стороны населения, хотя его в качестве определяющего при принятии решения назвал сам имам Шамиль⁷⁹. Что же касается взаимоотношения окончания противостояния части горцев на Северо-Восточном Кавказе с Крымской войной, во внимание должны приниматься и отрицательные изменения в ситуации в регионе, напрямую вызванные этим поражением. Возросли при посредничестве турок и масштабы работорговли.

В статье, написанной в 1859 г. незадолго до окончания войны на Северо-Восточном Кавказе, Н.А. Добролюбов оставил такое объяснение: «Шамиль давно уже не был для горцев представителем свободы и национальности. Оттого-то и находилось так много людей, способных изменить ему». В качестве весьма важного обстоятельства, обусловившего эти изменения в самосознании, упоминалось именно управление населением, установленное в имамате, оказавшееся тяжелым для племен, непривыкших к повиновению и не получавших никаких выгод от созданного на теократических принципах подобия государственного порядка. Вместе с тем, находившиеся под властью Шамиля «туземные общества» видели, отмечает Н.А. Добролюбов в заключение, что «жизнь мирных селений... под покровительством русских, гораздо спокойнее и обильнее». Это и заставило, по его утверждению, делать в конце концов соответствующий выбор, «с надеждою на мир и удобства быта»⁸⁰.

Прослуживший на протяжении ряда лет во второй половине XIX в. в Ичкерийском (Веденском) окружном управлении русский чиновник Н.С. Семенов, увлекавшийся изучением вайнахской культуры, дал в свою очередь весьма сходную

⁷⁸ Гаджиев В.Г. Введение: Об авторе и его книге // См. в кн.: Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2000. С. 26.

⁷⁹ Шамиль на Кавказе и в России. Биографический очерк / Сост. М.Н. Чичагова. С. 55–56, 20, 83, 89–100.

⁸⁰ Добролюбов Н.А. О значении наших подвигов на Кавказе // Собр. соч. В 9 т. М.-Л., 1962. Т. 5. С. 448.

оценку общественно-политическому обустройству имамата, не являвшемуся, по его словам, воплощением народной независимости⁸¹, о чем широко в тот промежуток времени утверждали на Западе. Отмечая «шамилевский деспотизм с его произволом, казнями, грабежом и всякими насилиями над личностью», чиновник, можно сказать, непосредственно переживший эпоху и много общавшийся по роду деятельности с людьми, также подтвердил, что чеченцы не без оснований возлагали надежды именно на русскую власть, которая предоставляла лучшие перспективы и после ее установления «не могли пожаловаться на посягательства... на их права или на стеснительное вмешательство в их домашние распорядки»⁸².

Н.С. Семенов оставил свидетельство и о том, что отношение к ним было такое же, как и ко всем остальным подданным, «царь на всех смотрит одинаково», и даже более снисходительное, чем «к русским простолюдинам»⁸³. Данное наблюдение подтверждается и другими очевидцами. Впрочем, и Шамиль, следует упомянуть в дополнение, также не был лишен благородства. Он разрешил русским раскольникам, бежавшим в горы, свободно отправлять богослужение, возводить новые часовни, поддерживать разбросанные храмы, не требуя за эти права ни податей, ни повинностей⁸⁴.

За их притеснения Шамиль строго наказывал виновных, не допуская в таких случаях никакого снисхождения. А когда положение аула Ведень, в окрестностях которого в лесах было основано несколько старообрядческих скитов, стало ненадежным, он для обеспечения безопасности перевел их в Дагестан⁸⁵. В этом просматривается, безусловно, не только личное благородство Шамиля. Как считают некоторые кавказоведы, в этом проявлялась прежде всего прагматическая расчетливость, так как русские пленники, как правило, явля-

⁸¹ Виноградов В.Б. Н.С. Семенов и его очерк «День в ауле» 1869 г. Армавир, 2002. С. 6, 20.

⁸² Там же. С. 14, 20.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Шамиль на Кавказе и в России: Биографический очерк. Сост. М.Н. Чичагова. С. 49, 93; Дегоев В.В. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. М, 2001. С. 286, 317.

⁸⁵ Россикова А. Путешествие из центральной части горной Чечни // Зап.-Кавк. отд-е Импер. Рус. геогр. об-ва. Тифлис, 1896. Кн. 18. С. 147–148.

лись носителями очень важных для любой войны технических и военных знаний. Данная категория населения имамата приносила очевидные выгоды, создавая продовольственные ресурсы.

Переход к Шамилю не принимал тем не менее массовости, в отличие от принятия подданства России, и оставался явлением исключительным. Поэтому вряд ли есть основания его преувеличивать⁸⁶. Староверы, в том числе и из терских казаков, жили на территории имамата изолированно, по законам своей веры и не воспринимали идеалы создаваемого государства, тем более не известны случаи, чтобы они подтверждали приверженность ему с оружием в руках. Да и имам понимал невозможность привлечения их для этих целей. Тот же М. Гаммер в очередной раз опровергая свои предшествующие утверждения, признает, что «общее количество русских перебежчиков к Шамилю было незначительным»⁸⁷. Как имам он какое-то время, безусловно, обладал непререкаемым авторитетом у подвластных народов.

Очевидцы отмечали в нем наличие сильных качеств вождя: публичные выступления в аулах производили неизгладимые впечатления на окружающих, для которых произносимые речи казались внушительными и суровыми, манера оглашения молитв в мечетях действовала устрашающе, и, воспламеняя воображение, побуждала действовать в нужном Шамилю направлении. Общение с ним оставляло неизгладимый след и заставляло повиноваться. В делах веры как наставник проявлял глубокую убежденность, ценности ислама вызывали у него захватывающее других вдохновение. Религия для имама исключала по сути какие-либо сделки, если он сталкивался с несоответствием ее идеалам, поступал всегда предельно жестко⁸⁸.

А. Дюма со слов русского офицера, побывавшего в плену у горцев, дал ему такую характеристику: «Шамиль отличается чрезвычайно высокой нравственностью и строго наказывает других за слабости... черты его лица доказывают, что они могут выражать самую сильную энергию. С первого взгляда

⁸⁶ Хачилаев Н.М. Указ. соч. С. 7.

⁸⁷ Гаммер М. Указ. соч. С. 344.

⁸⁸ Хроника Мухаммеда-Тахира Ал-Карахи. С. 76–78.

можно угадать в нем человека высшего достоинства, человека, созданного повелевать»⁸⁹. Однако и ему была свойственна противоречивость. По ходу Кавказской войны, например, с одобрения Шамиля допускались набеги на равнину, преследовавшие грабительские намерения, от которых страдали не только русские поселения, но и аулы. Погромы последних провоцировались распоряжениями самого имама, предоставлявшими возможность мюридам производить по своему усмотрению изъятие имущества у подвергавшихся наказанию⁹⁰.

Разорения предпринимались даже в отношении аварских обществ. Нападения не знали, таким образом, этнических границ: им подвергались казачьи станицы на Линии, села в Кахетии и т.д. На такие действия, по всем показателям, наталкивала не столько нищета, сколько корыстные установки. Об этом свидетельствует, в частности, то, что лезгины соглашались принимать участие в военных действиях только под предлогом возможности грабить. С гор они спускались лишь с этой целью, а, обретя добычу, стремительно отходили в свои недоступные для преследования места проживания. Русские гарнизоны крепостей, призванные предотвращать набеги, в том числе на аулы, нередко из-за их стремительности оказывались застигнутыми врасплох. Распоряжения на акции, допускавшие грабежи, как видно, отдавал и сам имам⁹¹.

Приказы его в этих случаях, следует заметить, противоречили исламу, содержащему строгий запрет на такие формы завладения чужим имуществом⁹². По шариату предполагаются и строгие меры наказания за это, вплоть до смертной казни. Но перед началом разбойных нападений собиравшиеся в ватаги заведомо оправдывали свои действия, давая клятву друг другу и предводителю на Коране, что являлось прямым нарушением религиозных идеалов и указывало на наличие искажений в применении мусульманских символов веры, о весьма поверхностном их восприятии многими сподвижника-

⁸⁹ Дюма А. Кавказ. Пер. с фр. Тбилиси, 1988. С. 132.

⁹⁰ Покровский Н.И. Государственный строй и управление имамата // Северо-Кавказский юридический вестник. 1998. № 1. С. 184.

⁹¹ Дегоев В.В. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. М., 2001. С. 26–27, 31, 203–205, 212, 215, 217.

⁹² См. Подробнее: Коран. Перевод смыслов и комментарии Иман Валерии Пороховой. 10-е изд. доп. М., 2008. С. 58.

ми Шамиля⁹³. Практика же конфискации чужой собственности («присвоение того, что не было дано») признается в качестве неблагого деяния (греха) во всех религиях⁹⁴.

Остались сведения и о том, что лезгины, как и некоторые другие народы в составе имамата, не останавливались перед обращением в рабство даже мулл, занимавшихся распространением ислама⁹⁵. Политическое обустройство в нем отнюдь не предоставляло равных возможностей, а мусульманское право нарушалось по самым ключевым богословским аспектам. Соответственно на каком-то этапе сила нравственного влияния России стала выше, и Шамиль вынужден был с горечью признать это в качестве решающего обстоятельства, лишившего его широкой поддержки для продолжения борьбы.

В имамате допускалась дискриминация, например, при сборе налогов с подвластного населения. Наибольшая часть их взималась с чеченцев, в сравнении с которыми, как установлено Н.И. Покровским, «дагестанец-скотовод или садовод платит несравненно меньше»⁹⁶. Это обстоятельство не в последнюю очередь, видимо, тоже способствовало, как и другие факторы, тому, что их горные общества, включенные Шамилем в оперативное пространство войны против России, так и не стали органической частью создаваемого государства, не преодолевшего в конечном итоге барьер непрочного этнополитического объединения. В нем периодически возникали острые конфликты, и не прекращалось противостояние управленческому аппарату⁹⁷.

Сохранившиеся свидетельства проясняют то, что Шамиль не мог положиться на чеченцев в такой же степени, как на дагестанцев. Они не раз в критических ситуациях показывали свою ненадежность. Иногда чеченцы уклонялись от участия в боевых действиях, оставляя дагестанцев без солидарной поддержки и обрекая их тем самым на поражение. В этом можно усмотреть скрытый протест, являвшийся показателем

⁹³ Дегоев В.В. Указ. соч. С. 26–27, 31, 203–205, 212, 215, 217.

⁹⁴ См. Подробнее: Библия. Ветхий завет. М., 2009. С. 58; Ермакова Т.В., Островская Е.П. Классический буддизм. СПб., 2009. С. 137, 155, 165, 169, 173 и др.

⁹⁵ Дегоев В.В. Указ. соч. С. 26–27, 31, 203–205, 212, 215, 217.

⁹⁶ Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. С. 369.

⁹⁷ Блиев М.М. Указ. соч. С. 152.

разобщения по этническому признаку. Случаи открытого недовольства политикой Шамиля, доходившие до активного вооруженного сопротивления, происходили и в дагестанских обществах⁹⁸. Следовательно, его поддержка не была устойчивой и вполне закономерно сужалась при определенных обстоятельствах.

Шамиль и по собственной инициативе поддерживал в имамате разобщение, культивируя между подданными недоверие. В возможности их объединения он усматривал угрозу для себя, опасаясь за сохранность своей власти. Повиновение чеченцев, к слову, обеспечивалось с привлечением аварцев, лезгин и тавлицев, а против последних использовал вооруженные формирования из других народов. Принимавшие участие в карательных мероприятиях, как правило, вознаграждались за счет грабежей, допускавшихся по отношению к подвергавшимся репрессиям⁹⁹. Имам в этом случае сам поощрял экспроприации, обретавшие чаще всего тотальный характер. Подвергавшееся им население аулов в результате лишалось средств к существованию.

Достигнув относительной сплоченности населения имамата, Шамиль так и не смог создать, вопреки существующим представлениям, единой идеологической (консциентальной) платформы войны против России, четко отразившейся в настроениях подданных. В качестве одного из ее элементов следует, как показывает предпринятый анализ, рассматривать набеги и связанную с ними традицию. На нее даже налагались для оправдания догматы веры, хотя это изначально противоречило сути мусульманского права (шариата). Ислам, несмотря на усилия Шамиля, так и не превратился в объединительный фактор, консолидирующий и сплачивающий разнородное население. Не установилось наличие и общего языка, мировоззренческих установок, а сохранявшиеся противоречия нередко приводили к возобновлению усобиц, ослаблявших и без того хрупкое сплочение.

Изменение количественных показателей не затрагивало качественных характеристик, являющихся отражением устойчивости процесса. Подтверждается это и тем, что после срав-

⁹⁸ Гаммер М. Указ. соч. С. 246, 332–333.

⁹⁹ Дегоев В.В. Указ. соч. С. 100.

нительно быстрого разрушения имамата, не наблюдалось попыток по его восстановлению. О «национальном единстве» в таких случаях говорить не приходится. Вместе с тем располагавшийся в горных частях территории Дагестана и Чечни имамат, по существовавшему у современников признанию, «имел немало черт раннего государства», и был отнюдь не просто образованием, организованным на военно-теократических принципах¹⁰⁰.

Хотя по установившемуся в исламе каноническому положению прерогативы имама сводятся лишь к возможности интерпретаций мусульманских законов (шариата), в действительности Шамиль, как и его предшественники, присвоили себе, следуя этим принципам, не только духовную, но и другие разновидности властных полномочий. Являясь кроме того главой верховной и светской власти, он опирался на созданный в 1842 г. Тайный совет (Диван), в который входили всего два наиболее приближенных сподвижника. Этот орган имел преимущественно совещательное предназначение при разрешении наиболее важных вопросов и выполнял текущие обязанности, разгружая имама от излишних забот управления¹⁰¹.

В областях власть предоставлялась его доверенным лицам, выступавшим в роли заместителей более низкого ранга. Однако наибы имели всю полноту власти в пределах вверенных им территорий, неся персональную ответственность перед имамом как верховным правителем за поддержание порядка и исполнение предписаний шариата. Его присутствие как наместника Шамиля должно было способствовать соблюдению религиозных наставлений и административных распоряжений имама. Наибы вместе с тем занимались организацией сбора налогов. В свою очередь по служебной иерархии им подчинялись те, кто призван был контролировать старейшин аульных обществ и производить непосредственное командование военными подразделениями на местах («дибиры» или «мазумы»). В сфере этой служебной зависимости находились

¹⁰⁰ Краткий исторический очерк христианства кавказских горцев со времен Св. Апостолов до XIX столетия. Сочинение Генерального Штаба полковника Ракитина. 1862. СПб (публикация В.А. Захарова) // Сборник Русского исторического общества. Т. 2. (150) / Под ред. Рапова О.М. М., 2000. С. 15.

¹⁰¹ Гаммер М. Указ. соч. С. 306.

также сельские старшины и кадии, осуществлявшие управленческие функции на местах¹⁰².

Данная категория чиновничества в наибствах так же, как и в имамате, была наиболее массовой. Наибы подвергались проверкам, часть из которых осуществлял сам имам. Но этот институт власти имел немало несогласованностей. Наибы по установленным в имамате правилам имели возможность жестко контролировать поток жалоб против себя, как и прошения иного рода. По своему усмотрению они их разрешали или запрещали, а в случаях непосредственных обращений Шамиль сам поддерживал их произвол, заявляя, что все «решено по справедливости», так как «наиб разбирает... дело и знает его лучше». При отсутствии надлежащего контроля они «грабили и убивали простых узденей», чувствуя безнаказанность и прочность своего положения¹⁰³.

Повсеместная коррумпированность и другие порочные действия наибов как представителей власти нашли отражение даже в горских источниках, несмотря на то, что все делопроизводство и связанная с управлением в имамате документация подвергались цензуре. В конце 40-х гг. XIX в. из-за наблюдавшихся многочисленных злоупотреблений надзор за наибами был ужесточен и для этого была учреждена еще одна должность специально для его осуществления («мудира»). Занимался таким надзором, заметим еще раз, и сам имам. Налажена была и особая система слежки за соблюдением требований ислама, поддерживавшая широкое доносительство. Производилось оно и специальными исполнителями («мухтасибами»). В этом, как и других случаях неповиновений, действовал хорошо отлаженный репрессивный механизм. Наказания и казни обретали порой показательный публичный характер и имели устрашающее пропагандистское воздействие на массы¹⁰⁴.

Для ведения дел по шариату, исключенному из сферы компетенции наибов, при них находились муфтий и несколько кадиев, отвечавших за надлежащее состояние мечетей и

¹⁰² Гаммер М. Указ. соч. С. 307; Дегоев В.В. Указ. соч. С. 95, 226, 251; Покровский Н.И. Государственный строй и управление имамата. С. 181.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Там же.

приходов. Именно на эту категорию священнослужителей, как и на мулл, возлагались повседневные молитвенные обряды и предполагавшиеся по Корану особые проповеди. Назначение кадиев производилось муфтиями. Они рассматривали судебные тяжбы и споры в соответствии с шариатом, подчиняя этой восточной правовой традиции всю общественную жизнь населения аулов. Централизованная духовная власть в наибствах замыкалась на муфтиев, имевших прерогативы общего профессионального руководства. В этом как раз состояло несоответствие практике зарубежных мусульманских стран. Обычно кадиям отводился лишь роль судьи, а муфтиям предоставлено толкование шариата¹⁰⁵.

Политический режим, установленный в имамате, основывался, таким образом, на копировании того, что было в Османской империи, имея вместе с тем отдельные отклонения. Для самобытных северокавказских этнокультурных сообществ он был разрушителен. Окружение Шамиля состояло из тех, кто призван был слепо повиноваться имаму и ни в чем не нарушать его воли. Всякие отклонения от установленного порядка жестоко карались. Наказуемыми нередко оказывались даже подозрения, особенно если они были связаны с предполагавшимися посягательствами на власть¹⁰⁶.

В изложенных перечислениях можно усмотреть наличие классических контуров восточной деспотии. Неслучайно модель имамата оказалась в конечном итоге не конкурентоспособной в столкновении с российской практикой государственного обустройства и не выдержала испытание временем. Этнополитическое обустройство в нем отнюдь не было «органичным», допускались разобщение по этническому признаку, дискриминация при сборе налогов. Консолидированности в имамате не существовало, он не являлся воплощением народной независимости. Поддержка его постоянно сокращалась.

Движение Шамиля, как и предшествующих имамов, не подпадает под критерии «национально-освободительной борьбы». Это было проявление своеобразного сепаратизма на фоне происходившего на Кавказе и в северных его частях рос-

¹⁰⁵ Гаммер М. Указ. соч. С. 308.

¹⁰⁶ Там же. С. 175.

сийского интеграционного процесса. Перед горскими и тюркскими обществами существовавшие исторические условия открывали перспективу выбора, от которого не в последнюю очередь зависела успешность усилий противоборствующих сторон в вооруженном конфликте. Технологии противостояния в этом имели решающее значение.

Нравственное воздействие

Кавказская война, в которой Россия пользовалась поддержкой и у мусульманского населения, несла огромные затраты и потери, была тем не менее проблемой, при решении которой речь шла о потенциальных соотечественниках. Для зарубежных стран, преследовавших свои основанные на корыстных расчетах цели, она являлась тем не менее событием, не затрагивавшим безопасность их граждан. Осуществлявшееся же извне вмешательство лишь расширяло масштаб кровопролития на Кавказе. Войну с Шамилем вели не только русские войска, но и народы края. Учитываться должны различные векторы Кавказской войны. Появление ее как конфликтной составляющей в развитии интеграционных процессов с Россией стало возможным вследствие внутренних региональных (цивилизационных) и горских (этнополитических) противоречий.

Отображение итогов Кавказской войны только под углом зрения победителей, «завоевания и покорения», как это делалось нередко до 1917 г.¹⁰⁷, или побежденных, как было предписано после, с подбором ужасающих фактов о «разгромленных... и испепеленных аулах»¹⁰⁸ и умолчания о такой же участи казачьих станиц и русских сел, отнюдь не отвечает критериям объективности. Цели Кавказской войны в свое время определялись как «умиротворение всего сопредельного... края»¹⁰⁹. По ходу событий участники даже со стороны

¹⁰⁷ Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1888. Т. 6; Утверждение русского владычества на Кавказе / Под ред. генерал-лейтенанта Потто. Тифлис, 1904. Т. 3. и др.

¹⁰⁸ Кокиев Г. Военно-колониционная политика царизма на Северном Кавказе // Революция и горец. 1929. № 6. С. 32–37; Ошаев Х. Очерк начала революционного движения в Чечне. Грозный, 1927; Эшба Е. Асланбек Шерипов. Грозный, 1927. С. 11 и др.

¹⁰⁹ ЦГИА РГ. Ф. 416. Оп. 3. Д. 1055. Л. 12.

«непокорных», в их числе, что весьма показательно, прославленный «Имам Чечни и Дагестана», многоопытный ратник и «гений мусульманского мира», как писали о нем при жизни, замечали то, что впоследствии было предано из-за идеологических коллизий незаслуженному забвению: Кавказ покорился не столько силе русского оружия, сколько силе нравственного авторитета России.

Были обоюдные разрушения в ходе боевых действий, но были и построенные мечети в чеченских и других селениях на средства, выделенные теми, кто проводил российскую политику в крае. Одно из свидетельств об этом зафиксировано по рассказам самого Шамиля. В записях воспоминаний имама отмечено: «Герменчук, самый большой чеченский аул, имевший три мечети, из которых лучшая была построена на деньги, пожалованные Ермоловым»¹¹⁰. По разъяснению генерала, жесткие меры он предпринимал лишь после того, как «самая крайность к тому понудила», чтобы снисходительность, с учетом специфики Кавказа, населенного «народами непросвещенными», не воспринималась «за слабость»¹¹¹. Наказаниям по распоряжению А.П. Ермолова подвергались только изменники и те, кто занимался грабежами, совершая набеги на русские и горские селения, принявшие подданство империи¹¹².

Строгость, как подсказывал опыт, способна предупредить «много преступлений», а меры экономической блокады против непокорных заставят, «крови... не проливая», переменить «разбойнический образ жизни» тех, кто занимается набегами. По убеждению генерала, «Россия должна повелевать властью, а не просьбами»¹¹³. Восточные реалии, с которыми приходилось сталкиваться представителям русской власти на Кавказе и иных азиатских окраинах империи, неизменно подтверждали правоту А.П. Ермолова. «Смелые рейды» давали определенные результаты, но производились они чаще

¹¹⁰ Шамиль на Кавказе и в России. Биографический очерк / Сост. М.Н. Чичагова. С. 22.

¹¹¹ Цит. по: Клычников Ю.Ю. Деятельность А.П. Ермолова на Северном Кавказе (1816–1827 гг.). С. 12–13.

¹¹² Там же. С. 13.

¹¹³ Там же.

всего в качестве ответных мер на предпринимавшиеся ранее набеги. После их осуществления население некоторых аулов, осознававшее необходимость стабилизации обстановки, встречало русские войска с благодарностью¹¹⁴.

Выдающиеся государственные деятели европейского масштаба также признавали, основываясь на своем собственном опыте, притягательную силу «решительной и смелой политики»¹¹⁵. Положительные результаты она давала, как видно, и в странах Запада, вырвавшихся в силу разных благоприятных обстоятельств вперед в своем развитии. Отмеченные намерения А.П. Ермолова в «преобразовании Кавказа» дают основание не согласиться с утверждением, что «он нередко становился похожим на тех, кого называл “дикарями”»¹¹⁶. По ходу же силового подчинения были, безусловно, жертвы с той и с другой стороны, но были и горские общества, которые русские войска брали под защиту от произвола мюридов.

Было, как и на всякой войне, ожесточение, но были и спасенные в сражениях дети, которым русские офицеры обязывались отчислять определенный процент от своего жалования до совершеннолетия, не говоря уже о крупных разовых пожертвованиях¹¹⁷. За счет казны создавались и специальные приюты, «военно-сиротские отделения» для малолетних детей «возмутителей и изменников между горскими народами»¹¹⁸. «Казенно-кошными воспитанниками», получавшими образование при полной поддержке государства, становились не только «дети почетных горцев», но и те, кто в силу каких-либо жизненных обстоятельств терял родителей¹¹⁹.

Были штурмы крепостей, но были и суровые приказы немедленно прекратить перестрелку. Так произошло и при взятии последнего пристанища «непокорных» Гуниба, чтобы не подвергать находившихся там женщин и детей, как помечено в приказе, «ужасам боя». Русское командование оказыва-

¹¹⁴ Гаммер М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. М., 1998. С. 289.

¹¹⁵ Бисмарк О. Мысли и воспоминания / Пер. с нем. Т. 2. М., 1940. С. 84.

¹¹⁶ Блиев М.М. Рецензия // Отечественная история. 2001. № 6. С. 149.

¹¹⁷ Шамиль на Кавказе и в России. Биографический очерк / Сост. М.Н. Чичагова. С. 22, 104.

¹¹⁸ Кавтарадзе А.Г. Генерал А.П. Ермолов. С. 82.

¹¹⁹ ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 800. Л. 36-36-об.

ло покровительство отходившим от Шамиля «туземным обществам», оберегало их аулы. Подвергшиеся разрушению вследствие боевых действий, восстанавливались, на что выделялись средства. Внимание уделялось даже вопросам обустройства. Этим наглядно опровергались слухи, распространявшиеся имамом для устрашения, о неизбежной «грядущей русской мести». Наиболее последовательно такие меры осуществлялись на завершающем этапе Кавказской войны в Северо-Восточных частях края наместником и главнокомандующим армией А.И. Барятинским, представлявшим верховную власть в крае.

Для России Кавказская война, в которой она пользовалась поддержкой не только в среде православного, но и мусульманского населения, ориентированного на ее подданство, несла огромные затраты и потери, была внутренней проблемой. При ее решении речь шла о потенциальных соотечественниках, о тех, с кем потом придется, несмотря ни на что, жить вместе в одном государстве. Для зарубежных стран, Кавказская война являлась событием, не затрагивающим безопасность их граждан, а по большому счету и геополитические интересы. Именно поэтому англичане производили на Кавказ «контрабандные поставки оружия и боеприпасов»¹²⁰, не придавая никакого значения тому, что это лишь расширит масштаб кровопролития.

Русские матери со «страхом прощались... с отправляющимися на эту войну» и в восточнославянских семьях при таких проводах «большого горя не могло быть»¹²¹. М. Гаммеру следовало бы учесть и эти факты, прежде чем с особой тщательностью заниматься неоднократными перечислениями потерь русской армии при проведении различных операций, выражая явные симпатии противоположной стороне. Нравственность при таких систематизациях, безусловно, отсутствует. Историки не должны восхищаться или выражать радость по поводу гибели людей. Сожаление вызывают и потери горцев. Геополитические и иные обстоятельства в ту эпоху обрекали народы Кавказа на единство с Россией. Противостояние части гор-

¹²⁰ Гаммер М. Указ. соч. С. 169.

¹²¹ Шамиль на Кавказе и в России. Биографический очерк / Сост. М.Н. Чичагова. С. 141.

цев в ходе Кавказской войны не имело перспективы. Следуя критериям объективности невозможно это не учитывать.

То, что Кавказскую войну необходимо воспринимать преимущественно как внутренний для региона и империи конфликт, а не внешний, проясняют многие факты. Это можно, к слову, заметить по разбросу хронологических обозначений ее начальных событий, а также по иным затруднениям, с которыми приходится сталкиваться ученым. В качестве отсчета берутся разные вехи, как, собственно говоря, и при датировках гражданских войн, где также происходит противостояние двух частей народа с оружием в руках друг против друга. Россия, оказавшись в эпицентре этнополитических предпочтений, на всех этапах не являлась посторонним участником этого затяжного регионального конфликта, так как напрямую затрагивалась судьба ее подданных.

Право на существование в науке имеет любая точка зрения, относящая исходный рубеж Кавказской войны к первым десятилетиям XIX в. Отражавшими реальность представляются и датировки, предложенные еще очевидцами событий. В ряде случаев сложившиеся представления, появившиеся при непосредственном отражении эпохи в исторических обобщениях, не должны подвергаться пересмотру, тем более, если они опираются на вдумчивый анализ, а не на расчетливую предвзятость, порождающую мифы. Практика показывает, что именно представления очевидцев нередко являются оптимальными при дальнейшем осмыслении той или иной проблемы, хотя и небесспорными. К прошлому и здесь должно выдерживаться уважительное отношение. В XIX в. при описании исторических событий формирования государственного единства Кавказа с Россией указывался 1801 г., когда в ее состав вошла Грузия.

Обеспечение же защиты ее населения противостояние внутренним и внешним угрозам делало неизбежным. С учетом этого 1801 г. и следует, на мой взгляд, рассматривать в качестве начала затяжного регионального и международного конфликта. Признаки же системности появлялись постепенно. При имаме Шамиле с 1834 г. становление их вступило в стадию завершения. Но и тогда Кавказская война явилась не только фактором противостояния, но и, как уже отмечалось,

государственного объединения под эгидой России другой более значительной части мусульманского населения. Этот процесс в последующую после ее окончания эпоху затронул в той или иной степени и непримиримых последователей «священной войны» («газавата»). На это были направлены соответствующие подходы в проводившейся на Северном Кавказе политике, способствовавшие формированию российской государственной общности.

В изучении событий Кавказской войны в соответствии с установившейся историографической заданностью наибольшую освещенность получали только ее трагические последствия. В концептуальном отношении они представлены в виде обычных рассуждений о покорении Кавказа, реакционных происках царизма, геноциде и угнетении горцев, отображавших проблему в одностороннем, неприглядном для России свете. Между тем проводившаяся российская политика выступала в качестве более сильной альтернативы. Способствовала она и преодолению последствий вооруженного противостояния. Нравственное воздействие при этом сыграло решающую роль и в перегруппировке самосознания самого прославленного имама, вдохновителя «священной войны» («газавата») с иноверной державой.

При сдаче Шамиля в плен 25 августа 1859 г. были признаны все его заслуги, «впечатления от которых, – как было заявлено посланником русского командования, – никогда не померкнут». Это было сделано в самую, пожалуй, тяжелую минуту его жизни, в момент обдумывания рокового, как казалось сначала, решения о прекращении борьбы, когда имам испытывал душевные муки и ожидал расправы. Но и в дальнейшем он сталкивался только с уважительным и сочувственным отношением. Руководивший операцией у Гуниба барон Врангель при встрече с Шамилем «ответил ласково на его поклон, сказав, что хотя до сих пор русские были его врагами... но теперь он найдет в них лучших своих друзей»¹²².

Так же вежливо обошелся с ним наместник, главнокомандующий князь А.И. Барятинский. На его слова сожаления о том, что Шамиль не сдался раньше, последний ответил: «я не внял

¹²² Шамиль на Кавказе и в России. Биографический очерк / Сост. М.Н. Чичагова. С. 44, 96–98.

твоим советам, прости и не осуждай меня. Я простой уздень, тридцать лет дравшийся за религию... но теперь народы мои изменили мне... Поздравляю Вас с владычеством... над Дагестаном и от души желаю государю успеха в управлении горцами для блага их»¹²³. Все мюриды, перешедшие еще до этого финального акта на русскую сторону, тут же «получали полное прощение» и с доверием принимались при желании на службу, а оставшиеся до конца «непримиримыми» были отпущены «на свободное жительство» в аулах с личным оружием, чтобы не унижать их достоинства так же как, впрочем, оставлено оно было и самому имаму и с ним он предстал даже перед наместником, а впоследствии и перед российским монархом¹²⁴.

Встреча с Александром II, состоявшаяся 15 сентября 1859 г. в г. Чугуеве Харьковской губернии, во время которой царь обошелся с ним на удивление великодушно и заверил, что Шамиль не будет раскаиваться о сдаче в плен, особенно тронула имама. Он начинал понимать, что находится «не во враждебной... а в дружественной стране»¹²⁵. При прощании по пути следования вглубь России с курским губернатором Н.П. Бибиковым Шамиль поблагодарил его за проявленное гостеприимство и откровенно признался: «Как военнопленный я не имел права ожидать повсюду ласкового приема». На это губернатор в свою очередь ответил: «Русские зла не помнят, и нет сомнения, что и далее вы встретите к себе повсюду внимание». Последующие наблюдения подтвердили это, и Шамиль неоднократно, сталкиваясь с реальностью, восклицал: «Аллах, Аллах! Зачем в горах говорили, что русские нехороший народ?»¹²⁶

При встрече в Калуге в торжественной обстановке последовало признание его ратных свершений. Шамилю было сказано в этой связи следующее: «Мы в тебе чтим героя». Была выражена вместе с тем надежда, что он через какое-то время признает недавних «своих врагов... лучшими друзьями»¹²⁷. О высокой степени гуманного отношения к пленнику красно-

¹²³ Там же. С. 100.

¹²⁴ Там же. С. 112–113.

¹²⁵ Там же.

¹²⁶ Дегоев В.В. Указ. соч С. 291, 295.

¹²⁷ Шамиль на Кавказе и в России. Биографический очерк / Сост. М.Н. Чичагова. С. 122, 117, 119–120, 128, 172; Дегоев В.В. Указ. соч С. 291, 295.

речиво говорят и приготовленный специально для него чай в серебряном сервизе в отдельной палатке по прибытии на место первого «заточения» в русский военный лагерь, и купленные наместником ему и его близким подарки (англичане, к слову, в таких ситуациях предавались грабежу, отбирая все, что приглянулось). Шамилю и его многочисленному семейству в Калуге, где была назначена ссылка, специально выделили большой двухэтажный дом, во дворе которого специально для него построили маленькую мечеть¹²⁸.

Определили ему и годовое, весьма приличное содержание в 15 тыс рублей (состоятельность тогда смог бы обеспечить доход даже в 5)¹²⁹. Оплата особняка, летней дачи в окрестностях города, экипажа, обслуживающего персонала требовала ежегодно от казны дополнительных затрат, превышавших 20 тыс рублей. Учитывать следует, безусловно, и многочисленные дорогие подарки от императора и его близких. Такое обхождение было не только с Шамилем и членами его семьи¹³⁰. В глубинке России можно было встретить и других сосланных горцев, которые «ходили на свободе, получали также от государя содержание, занимались вольной работой и жили своими домами»¹³¹. Видя все это, бывший имам до глубины души раскаивался, что не так содержал русских пленных. Понимание того, что «от избытка зла не может произойти добро»¹³², пришло к Шамилю под воздействием увиденного в России, государственные порядки которой ему казались когда-то чуждыми.

Однако при соприкосновении с действительностью он убеждался в обратном. Бывший «грозный имам» видел, что на него никто не сердится и не желает зла, даже мальчишки, а на Кавказе, по его утверждению, в таком же положении «закидали бы... грязью... прибили бы... и даже убили»¹³³.

¹²⁸ Шамиль на Кавказе и в России. Биографический очерк / Сост. М.Н. Чичагова. С. 126.

¹²⁹ Там же.

¹³⁰ Дегоев В.В. Имам Шамиль. С. 285.

¹³¹ Шамиль на Кавказе и в России. Биографический очерк / Сост. М.Н. Чичагова. С. 126.

¹³² Кропоткин П.А. Великая Французская революция. М., 1979. С. 86.

¹³³ Шамиль на Кавказе и в России. Биографический очерк / Сост. М.Н. Чичагова. С. 126.

Получив в России признание как герой, испытав после всего такое отношение к себе «как к другу и брату», знакомясь с достопримечательностями российских городов и столиц, показываемыми ему сопровождающими офицерами, посещая балы в дворянских собраниях и театры, имам как-то при осмотре дворца в Царском селе остановился и долго смотрел на статую Спасителя и после раздумий сказал: «Он многому прекрасному учил вас, я тоже буду ему молиться». А на заданный однажды кем-то вопрос: «Отчего вы так упорно не сдавались?», – искренне ответил: «Да, я жалею, что не знал России, и что ранее не искал ее дружбы»¹³⁴. В качестве альтернативы противостоянию и возможных обострений обстановки в крае, как можно заметить из изложенного, был противопоставлен компромисс, ставка в котором делалась на постепенность интеграционного совмещения.

Предполагалось при этом, что большинство горцев постепенно со временем признают Россию все же своим отечеством. Представители русской власти после прекращения вооруженного противостояния во второй половине XIX в. организовывали неоднократные выезды в нагорные общества, служившие опорой Шамиля в войне против России, в том числе и в самые отдаленные районы, для разъяснения покоренному населению, что его «право земельной собственности», вызывавшее у горцев наибольшую обеспокоенность, «национальные и религиозные чувства» и т.д. будут неукоснительно уважаться и соблюдаться. Бывшим же сподвижникам Шамиля давались заверения, что после прекращения борьбы все «независимо от национальности, являются верноподданными гражданами России»¹³⁵.

За семь лет нахождения в пределах России и Шамиль постепенно пришел к мысли присягнуть ей на верное подданство, обратившись в этой связи к государю с письмом на арабском языке, где, в частности, говорилось: «я завещал им (детям. – В.М.) быть верноподданными царям России и полезными слугами новому нашему отечеству... Упокой мою старость и повели, государь... принести мне и детям моим присягу на

¹³⁴ Там же. С. 113.

¹³⁵ Дзидзоев В.Д. Национальные отношения на Кавказе. Владикавказ, 1995. С. 72.

верное подданство... В свидетели верности и чистоты моих помыслов я призываю всемогущего Бога... и даю клятву на священнейшем Коране». Присматривавший за ним и ставший для него очень близким «в радости и горе» генерал М.Н. Чичагов поддержал его в этом намерении, и, чтобы оно нашло благосклонный скорейший отклик в правящих кругах, незамедлительно известил обо всем телеграфом военного министра¹³⁶.

Соответствующие службы тут же получили распоряжение для этого торжественного случая перевести на арабский язык, «применительно к мусульманской религии», присяжный лист, назначить муллу. Символически подведя черту всему пережитому за долгие годы познания России, 26 августа 1866 г. Шамиль со всем своим семейством в зале Дворянского собрания г. Калуги при полном соблюдении норм шариата и связанных с ними обычаев присягнул ей на верное подданство, после чего, как и все проходившие в разное время через этот обряд, в том числе и целые народы, считался уже соотечественником. Шамиль надеялся, что все его сыновья и зятья, приняв присягу, будут служить новому отечеству и его монархам «верой и правдой»¹³⁷.

В письмах на Кавказ бывший имам просил с пониманием отнестись к его осознанию допущенных ошибок: «Бедный мой народ, вы вместе со мной искали покоя в войнах, переживая одни несчастья. Оказывается, покой можно найти только в мирной жизни и не только здесь, но и там, в горах... В отношении с русскими следуйте моему примеру, ибо их деяния, если поставить на чашу весов справедливость, перетянут больше в сторону добра»¹³⁸. Под текстами всех обращений к соплеменникам неизменно в тот период стояла подпись: «Бедный раб Шамиль»¹³⁹. В них содержались призывы к единству с великой страной, открытой для того, чтобы стать отечеством даже для тех, кто подчинен силой оружия. Обращения писались на арабском языке¹⁴⁰.

¹³⁶ Шамиль на Кавказе и в России. Биографический очерк / Сост. М.Н. Чичагова. С. 200, 202, 206.

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ Цит. по: Чекалин С.В. Завещание Шамиля: Кавказские войны в лицах. М., 1998. С. 154.

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ Шамиль на Кавказе и в России. Биографический очерк / Сост. М.Н. Чичагова. С. 206.

После устранения вооруженного противостояния на Северо-Западном Кавказе было удовлетворено и сокровенное желание имама посетить священный город мусульман, о чем он просил государя во время личной встречи в Петербурге еще в 1861 г. Спустя 9 лет, в 1870 г., со своим семейством, на выделенное специально для этой поездки казенное пособие, он отправился в Мекку. Паломничество осуществлялось из г. Киева, где проходила ссылка после перевода из-за не подходящих климатических условий в г. Калуге. И в этом случае, как можно видеть, об имаме и его семействе со стороны русской власти была проявлена забота. Вернуться из-за «одолевших недугов» ему было не суждено. Шамиль умер в 1871 г. в Медине, благословляя Россию и молясь за ее монарха¹⁴¹. И это притом, что на мусульманском Востоке бывший имам столкнулся с фанатичным массовым почитанием¹⁴². По сохранившимся свидетельствам, при встречах преклонение перед ним происходило как перед пророком.

Изменения в восприятии Шамилем России как отечества не прослеживаются и в последнем письме, составленном 14 января 1871 г. «в предчувствии смерти». Изложенная в нем просьба о помощи близким и сохранении заботы о них, была полностью удовлетворена, на что выделялись по-прежнему немалые ежегодные средства из российской казны¹⁴³. Так что в обращении с Шамилем не было какого-либо корыстного политического расчета, и до конца выдерживалась честность. Существовало понимание, что он является знаковой фигурой и на отношении к нему должно демонстрироваться отношение ко всем горцам, потенциальным соотечественникам. Именно пребывание в России и произошедшие последующие переоценки прошлого в сознании Шамиля, на мой взгляд, стоят гораздо выше, чем все то, что было на предшествующем этапе. Признание России отечеством свидетельствует о широте и величии его натуры.

Мировоззренческие (консциентальные) перемены с такой направленностью и явилось как раз главным содержанием эпохи Кавказской войны и тех интеграционных трансформа-

¹⁴¹ Там же.

¹⁴² Дегоев В.В. Указ. соч. С. 305, 306.

¹⁴³ Там же.

ций, которые происходили в крае во второй половине XIX в. Судя по оценкам самого Шамиля, признание России отечеством, а не участие в противостоянии с ней, было достойным итогом его жизни. Оно оказалось по сути вершиной пройденного пути. В судьбе Шамиля, как и в неразрывно связанной с ней жизненной участи его сыновей, словно в капле, отражена судьба всех горских народов, раздиравшихся противоречивыми настроениями «за» и «против» при единении с Россией.

Сын Шамиля Джамал-Эддин, выданный в 1839 г. отцом в заложники (аманаты) русским, был окружен вниманием и заботливо воспитан в Пажеском корпусе, самом престижном военном учебном заведении, попал на службу в один из гвардейских полков и горячо полюбил свою вторую родину. Он умер в тоске по ней, принужденный родителем помимо своей воли вернуться в Дагестан, прожив там всего 3 года. Впоследствии Шамиль именно под таким углом зрения осознал случившееся. Давая разъяснение окружающим об изменениях в восприятии России, он как-то в глубоком раздумье заметил: «Теперь я понимаю, отчего мой сын... умер!»¹⁴⁴.

Судьба других его сыновей тем не менее сложилась по-разному. Шафи-Магомет стал генерал-майором, поступив служить в конвой его величества, и также был судя по всему патриотом России. Кази-Магомет нарушил завещание отца, не вернулся после совершения паломничества (хаджа) из-за границы и подался в турецкие войска, в составе которых он принимал деятельное участие в различных военных кампаниях против России. Показательными в этом отношении явились и события 1877–1878 гг. Но сыновья Шамиля принимали в них участие и в качестве офицеров русской армии, не нарушив завещание отца, верность данной присяги¹⁴⁵.

Такие же противоречия проявлялись и в интеграционных процессах с Россией у всех без исключения исповедовавших ислам народов Кавказа¹⁴⁶. Одна, чаще всего самая значительная часть тех или иных этнических сообществ, в конечном

¹⁴⁴ Шамиль на Кавказе и в России. Биографический очерк / Сост. М.Н. Чичагова. С. 83–84, 207.

¹⁴⁵ Там же.

¹⁴⁶ Матвеев В.А. Кавказская война: незамеченные итоги // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Общественные науки. 1995. № 4. С. 9.

итоге приходила к осознанию своего единства с Россией, признанию ее своим отечеством, а другая продолжала сохранять по отношению к ней или нейтральную до поры до времени неопределенность, или даже открытую враждебность. Затрагивалась этими переменами и весьма консервативная сфера религиозных приверженностей. Особенно ярко эта двойственность проступала на поверхность исторических событий в экстремальных ситуациях.

В периоды военных лихолетий, например, часть мусульман края так же, как и миллионы других их российских единоверцев, молилась во главе со своими муллами, как когда-то и имам Шамиль, за Россию, прося всевышнего о ниспослании победы русскому оружию, а часть подпадала под сепаратистские влияния, предаваясь религиозному фанатизму. Линия на компромисс в политике, проводимой на Северном Кавказе, обеспечивавшая постепенное эволюционное приобщение иноэтнического населения к российскому согражданству выдерживалась и в начале XX в.

Изыскивались все новые возможности для более прочной интеграции края, что подтверждают, в частности, юбилейные торжества по случаю 50-летия покорения Восточного Кавказа, проходившие в Гунибе 24–25 августа 1909 г.¹⁴⁷ Массовое участие в них принимало и горское население. Последствия Кавказской войны – покорение края не только силой оружия, но и силой нравственного авторитета России, политический компромисс и происходившая во второй половине XIX – начале XX в. интеграция мусульманского населения в систему ее государственных отношений оставались незамеченными в науке.

Величие Шамиля, на мой взгляд, не столько проявилось в ратной многолетней эпопее, сколько в осознании на склоне лет России в качестве отечества и признании ошибочности войны против нее. По воспоминаниям тех, кто знал его в тот период жизни, бывший имам неоднократно, возвращаясь в мыслях к прошлому, выражал искреннее сожаление, «что раньше не знал России, а то бы давно покорился» и симпатизировал ее усилиям по умиротворению горских племен на Северо-Западном Кавказе. Свои настроения на этот счет он, как

¹⁴⁷ ЦГИА РГ. Ф. 13. Оп. 3. Д. 687. Л. 3; Ф. 1087. Оп. 1. Д. 170. Л. 7–7-об.

глубоко верующий человек, подтверждал призывами: «пусть поразит меня и все мое семейство кара Божия!». Наблюдавшие Шамиля отмечали немислимость измены России с его стороны¹⁴⁸. Это подтвердилось и во время поездки на мусульманский Восток при совершении паломничества (хаджа).

Отмеченные итоги впоследствии из-за сложившейся ситуации в отечественной исторической науке в советский период были преданы забвению. Усилия к окончательному примирению в проводимой политике предпринимались и на последующих этапах. Пребывание в России не поставило бывшего имама «вне истории»¹⁴⁹, величие его проявилось не столько в ратной многолетней эпопеи, сколько в признании ошибочности войны против нее. Возрастание нравственного влияния России лишило Шамиля поддержки для продолжения борьбы. Она не была устойчивой и вполне закономерно сужалась.

Реалистичным восприятие прошлого, связанного с Кавказской войной, сохранялось после замирения и у русских ветеранов, призывавшихся с учетом обретенных на практике знаний о крае и населявших его народов на различные административные должности, либо продолжавших службу в качестве офицеров. Проявилось это и в 1909 г. при подготовке к празднованию 50-летнего юбилея завершения полувековой «борьбы в горах Чечни и Дагестана». Наместнику его императорского величества графу И.И. Воронцову-Дашкову по этому поводу поступила «масса... приветственных телеграмм со всех концов края» и других восточных областей империи¹⁵⁰. При организации предусматривалось приглашение «от всех туземных народов» ветеранов, воевавших на стороне России. Извещения об этом были разосланы даже в удаленные аулы¹⁵¹.

Согласно программе, выработанной штабом Кавказского военного округа, в Гуниб, где проходили торжества, были приглашены многочисленные представители от всех «туземных народов», прибыли ходоки и по собственной инициативе. Многочисленные представители мусульман, оказавшиеся в

¹⁴⁸ Там же. С. 166, 167–168, 191.

¹⁴⁹ Дегоев В.В. Указ. соч. С. 267.

¹⁵⁰ Кавказ. 1909. 1 (14) сент.

¹⁵¹ ЦГИА РГ. Ф. 13. Оп. 3. Д. 687. Л. 3; Ф. 1087. Оп. 1. Д. 170. Л. 7–7-об; Кавказ. 1909. 23 авг. (3 сент.); 26 авг. (8 сент.); 27 авг. (9 сент.); 1 (14) сент.

Гунибе, молились совместно с православными «по своим героям, павшим в Кавказскую войну». Примечательно и то, что участники празднования 50-летнего юбилея от горских и тюркских обществ не только поддержали «могучее “ура” русских войск», но и во время совместной с ними панихиды, совершенной по православным и мусульманским обычаям, молились «по своим героям, павшим в Кавказскую войну»¹⁵².

Не менее дружно был исполнен всеми присутствующими «народный гимн “Боже, царя храни!”», после чего состоялись другие совместные мероприятия. Определявший разработку сценария празднования 50-летнего юбилея прекращения вооруженного противостояния «в горах Чечни и Дагестана», наместник его императорского величества граф И.И. Воронцов-Дашков, принимавший непосредственное участие в штурме Гуниба, предусмотрел совершение молебнов «по всем воинам», погибшим в сражениях¹⁵³. Проводившаяся российская политика вследствие осуществлявшихся подходов выступала, таким образом, в качестве более сильной альтернативы. Но в среде мусульманского населения в отдельных случаях и в начале XX в. продолжала проявляться предрасположенность к сепаратизму.

¹⁵² ЦГИА РГ. Ф. 13. Оп. 3. Д. 687. Л. 3; Ф. 1087. Оп. 1. Д. 170. Л. 7–7-об; Кавказ. 1909. 23 авг. (3 сент.); 26 авг. (8 сент.); 27 авг. (9 сент.).

¹⁵³ ЦГИА РГ. Ф. 13. Оп. 3. Д. 687. Л. 3; Ф. 1087. Оп. 1. Д. 170. Л. 7–7-об; Кавказ. 1909. 23 авг. (3 сент.); 26 авг. (8 сент.); 27 авг. (9 сент.).

Глава III

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ГОРЦЕВ В ТУРЦИЮ

Дискурсы восприятия

Окончание Кавказской войны в северо-западных пределах края, как известно, сопровождалось массовым переселением горцев в пределы Османской империи. Наметилось оно при попытках применить иные подходы к прекращению противостояния. Для этого сохранявшему враждебность по отношению к России населению предоставлялась возможность свободного выхода в единовенную державу. Такое переселение и получило наименование «мухаджирства». Впоследствии оно из-за сложившейся с 1917 г. идеологической конъюнктуры стало рассматриваться как одно из доказательств ее направленности на «истребление покоряемых народов», ответственность за которое в ходе революционного отрицания возлагалась на проводившуюся политику в предшествующий период.

Однако обвинение так или иначе проецировалось и на Россию в целом. Такой уклон поддерживался в публикациях, издававшихся в виде статей и отдельных брошюр, имевших в преобладающей степени пропагандистский характер. Односторонний сбор сведений, дискредитировавших прошлое России, организовывался по указанию свыше Народным комиссариатом по делам национальностей, и в условиях гражданской войны играл не последнюю роль в борьбе за власть. Созданная на основе мифа политическая технология обрела постепенно немалый разрушительный потенциал, способствуя формированию основанной на чувстве обиды настроенности масс на бывших окраинах империи, в том числе и на Северном Кавказе.

Впоследствии обвинительная версия в восприятии результатов российской политики стала проникать и в отечественную историческую науку, получив со временем своеобразный статус «общепризнанной». Отображение трагедии мухаджирства под таким углом зрения появилось впервые в соответствии с происходившими переменами в идеологической сфере в книге Г.А. Дзагурова, вышедшей в 1925 г. в серии «Материалы по

истории горских народов»¹. Во все периоды советской эпохи при освещении этой проблемы оценки фактически не менялись. Предпосылки для отхода от них в изучении явления с неизбежностью между тем возникали по мере расширения фактологической базы и ввода в научный оборот сведений из не публиковавшихся ранее источников.

Примером может служить исследование Г.А. Дзидзария, обобщившего выявленные архивные материалы в фундаментальной монографии, которая вполне заслуженно удостоилась государственной премии и выдержала несколько изданий (1975, 1982)². Но это начинание, опиравшееся на добротную фактологическую основу, не было лишено существовавшей тогда заданности на определенные заранее выводы, с отображением «исторической вины русского царизма»³. Несмотря на то, что введенные в научный оборот архивные сведения позволяли преодолеть идеологическую заданность при обобщениях, Г.А. Дзидзария следовал установившимся подходам. По-другому в тот период и не могло произойти, так как иная позиция закрыла бы перспективу для публикации.

В дальнейшем негативистские представления превратились в своеобразную монополию на истину. С такой направленностью прошла, в частности, научно-практическая конференция по данной проблеме в 1990 г. в г. Нальчике⁴, послужившая, на мой взгляд, своего рода вехой в насаждении ее антироссийской интерпретации. Представленная на ней односторонняя заданность в освещении трагедии вскоре получила поддержку в ряде отечественных изданий.

В одном из них под названием «Гибель Черкессии» (1994) использовалось даже утверждение, что в России до 1917 г. «национальный гнет... был весьма ощутимой стороной все-ленского... угнетения». Сколько-нибудь убедительными дока-

¹ Дзагуров Г.А. Переселение горцев в Турцию // Материалы по истории горских народов. Ростов н/Д, 1925.

² Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. 2-е изд., доп. Сухуми, 1982.

³ Там же.

⁴ Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства. Матер. Всесоюз. науч.-практ. конф. 24–26 октября 1990 г. Нальчик, 1994.

зательствами оно не подкреплялось. Ссылки же производились на оценочные суждения, тех кто придерживался таких же взглядов на причины трагедии. Приводившиеся же подтверждения между тем опровергаются фактами. В книге «Гибель Черкессии» тем не менее подводились оторванные от реалий обоснования, что именно проводившейся российской политикой на Северном Кавказе предопределялось в решающей мере стремление к столь массовому переселению⁵. И.Я. Куценко связывает его с обозначившейся в российской политике «в период завершения завоевания Кавказа... линией на геноцид горцев»⁶.

Такую же характеристику мухаджирству дает и А.Х. Касумов, называя его «массовым изгнанием горцев... в пределы Османской империи»⁷. С.Г. Кудаева указывает на необходимость переосмысления «не только... причин... способствовавших переселению», но и сложившегося, по ее утверждению, в российской исторической науке стереотипа «сугубо негативной оценки роли Турции в судьбе адыгского этноса»⁸. Специализировавшиеся непосредственно по теме Н.Я. Думанов и Т.Х. Кумыков, несмотря на то, что их труды имеют обстоятельные архивные приложения, вступающие в прямое противоречие с изложенными выводами, отстаивают также представления, сформировавшиеся еще в 20-е гг. XX в.⁹

Это касается и опубликованных сборников, с обширными подборками выявленных документов, многие из которых дают возможность при внимательном прочтении производить прямо противоположные выводы, не соответствующие вводным пояснениям с тенденциозным обозначением контуров вос-

⁵ Керашев М.А., Ачмиз М.Я., Аминова В.М. Гибель Черкессии. Краснодар, 1994. С. 104.

⁶ Куценко И.Я. Кавказская война и проблемы преемственности политики на Северном Кавказе // Кавказская война: уроки истории и современность. Матер. науч. конф. Краснодар, 16–18 мая, 1994 г. Краснодар, 1995. С. 44.

⁷ Касумов А.Х. Окончание Кавказской войны и выселение адыгов в Турцию // Там же. С. 63.

⁸ Кудаева С.Г. О некоторых стереотипах в оценке роли Османской империи в судьбе адыгов (черкесов) в период Кавказской войны // Там же. С. 221.

⁹ Думанов Х. М. Вдали от Родины. Нальчик, 1994; Кумыков Т.Х. Выселение адыгов в Турцию-последствие Кавказской войны. Нальчик, 1994.

приятия произошедшего¹⁰. Познание прошлого, как признано в профессиональной практике, должно сосредотачиваться не «на подборе фактов», выстраиваемых без учета противоречий в любом направлении, а «на их связи»¹¹, позволяющей включать в диапазон осмысления все составляющие явления или процесса. Достичь объективного освещения, без каких-либо искажений сути того, что было на самом деле, при односторонних подходах невозможно. Это всецело распространяется и на пережитые в истории трагедии. В современной отечественной науке в изучении явления мухаджирства сложилась иная концепция.

Альтернативная версия в изучении явления мухаджирства, в частности, обозначилась еще в 90-е гг. XX в. в статье группы известных краснодарских ученых А.М. Авраменко, О.В. Матвеева, П.П. Матющенко и В.Н. Ратушняка «Россия и Кавказ в новейших исторических публикациях» (1995). В ней отвергается наличие геноцида горцев на завершающем этапе Кавказской войны, а также после ее окончания и излагается иное понимание обстоятельств, влиявших на массовость переселений¹². Изложенные в статье положения вскоре получили подтверждение и в других исследованиях явления мухаджирства¹³.

З.Б. Кипкеева изучила особенности его распространения в среде карачаевцев и балкарцев, причем на основе комплекса разнообразных источников, выявленных при работе в Турции и ранее не вводившихся в научный оборот не только в отечественной, но и в зарубежной историографии. Принципиальным для дальнейшей разработки темы представляется вывод о

¹⁰ Трагические последствия Кавказской войны для адыгов II-й половины XIX – начала XX вв. (Сб. док.). Нальчик, 2000; Проблемы Кавказской войны и выселения черкесов в пределы Османской империи (20–70-е гг. XIX в.). Сб. архивных док. Нальчик, 2001; Архивные материалы о Кавказской войне и черкесов (адыгов) в Турцию (1848–1874 гг.). Ч. 2. Нальчик, 2003.

¹¹ Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 137.

¹² Авраменко А.М., Матвеев О.В., Матющенко П.П., Ратушняк В.Н. Об оценке Кавказской войны с научных позиций историзма // Кавказская война: уроки истории и современность. Матер. науч. конф. Краснодар, 16–18 мая, 1994 г. Краснодар, 1995. С. 11–12.

¹³ Матвеев В.А. Переселение горцев в Турцию: неучтенные детали трагедии и подлинные интересы России на Кавказе // Научная мысль Кавказа. 1999. № 4. С. 34–45; Он же. «Смотря по желанию...». Российский исторический иллюстрированный журнал «Родина». 2000. № 1–2. С. 142–147.

том, что переселения не были непосредственно связаны «с военной экспансией со стороны России», об их в значительной мере ненасильственном и добровольном характере¹⁴.

В неправомерности употребления термина «депортация», обозначающего принудительное переселение, убедилась и А.А. Ганич, также занимавшаяся изучением османских документов в зарубежных архивах и фонда Шамиля, находящегося в г. Стамбуле, связанных с прибывшими в разные периоды для постоянного проживания в единоверные владения султана мусульманами из России. Ею был впервые организован и проведен сбор сведений в среде потомков черкесской диаспоры в Иордании¹⁵. Появились в начале XXI в. и обобщенные труды по северокавказским диаспорам в странах Ближнего Востока, отражающим исторические особенности их формирования¹⁶. Работа с источниками и полевые наблюдения позволили уточнить смысловую нагрузку понятия «мухаджеры», выделив ее трансформации во времени¹⁷. Подобные преобразования свойственны и другим терминам, ибо они являются порождением тех или иных менявшихся в прошлом обстоятельств. Не подвергающейся изменениям терминологии не существует и исследователь должен учитывать эту динамику.

Переселившись из Мекки в Медину мухаджиром стал «сам пророк Мухаммад»¹⁸. В ходе же Кавказской войны такое название давалось тем, кто перемещался добровольно на территорию имамата, воспринимавшуюся как пространство, находившееся «под властью мусульманских правителей»¹⁹. Существовали в прошлом и иные вариации толкований. В эпоху Шамиля мухаджирами называли всех мусульман, пе-

¹⁴ Кипкеева З.Б. Карачаево-балкарская диаспора в Турции. Ставрополь, 2000. С. 25.

¹⁵ Ганич А.А. Черкесская диаспора в Иордании: генезис и современное состояние. Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 2003. С. 6, 14.

¹⁶ Бадерхан Ф. Северокавказская диаспора в Турции, Сирии и Иордании. М., 2001; Он же. Северокавказская диаспора на Ближнем Востоке как компонент геополитической игры // Западный Кавказ между прошлым и будущим. Научный семинар (г. Сухум, 28–29 ноября 2012 г.). Сухум–Москва, 2013 и др.

¹⁷ Ганич А.А. Указ. соч. С. 7.

¹⁸ Бадерхан Ф. Северокавказская диаспора на Ближнем Востоке как компонент геополитической игры. С. 37.

¹⁹ Ганич А.А. Указ. соч. С. 7–8.

реходивших в его владения из тех частей Северного Кавказа и Дагестана, которые находились под управлением России. Это выражение употреблялось и в отношении наемников, приходивших из сопредельных горских обществ и занимавшихся до этого разбоями. За счет них пополнялась прослойка «абреков-мухаджиров» в вооруженных силах имамата. Впоследствии, во второй половине XIX в., это явление, вбиравшее в себя также инициативу снизу, изменило направленность и обрело турецкий вектор²⁰.

В осмыслении явления выделяется и необходимость учета его последствий с точки зрения этнического развития. В положении горцев, оставшихся в России, существовали в этом отношении немалые преимущества. Такие же условия для сохранения самобытности у тех, кто оказался в Османской империи, отсутствовали²¹. На Ближнем Востоке до сих пор всех выходцев с Кавказа именуют «мухаджирами», не признавая наличие между ними каких-либо культурных различий²². В непосредственном преломлении к современности в последние годы осмыслению подвергался «черкесский вопрос». Заинтересованные группировки внутри страны и за рубежом настаивают на официальном признании «геноцида адыгов», осуществленного якобы «Россией в годы Кавказской войны»²³.

Наряду с требованиями о возвращении «потомков покинувших пределы своей исторической родины» обосновывается необходимость расширения «адыгского субъекта РФ», с включением в него Адыгеи, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии и «части территорий Краснодарского и Ставропольского краев»²⁴. При этом «риторика о геноциде», как констатируется в анализируемом исследовании, «отличается... жесткой непримиримостью к иным точкам зрения и оценкам»²⁵. В

²⁰ Гаммер М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. С. 341.

²¹ Виноградов В.Б. «Мухаджирство» в историческом контексте (полемические заметки) // Проблемы всеобщей истории. Сб. науч. тр. Вып. 6. Армавир, 2000. С. 130–133.

²² Ганич А.А. Указ. соч. С. 8.

²³ Цветков О.М. Адыгейский (черкесский) вопрос на Кавказе // Юг России: проблемы, прогнозы, решения. Сб. науч. ст. Ростов н/Д, 2010. С. 97.

²⁴ Там же. С. 97–98.

²⁵ Там же. С. 99.

публикациях соответствующего содержания руководству современной России предлагается не только признать его, но и «минимизировать негативные последствия Кавказской войны», события, завершившегося еще в середине XIX в.²⁶

В 2006 г. в Европарламент последовало обращение двадцати адыгских общественных организаций из девяти стран мира, включая Россию. В нем утверждается, что она «ставила целью не только захват территории»²⁷. Составители навязывают в очередной раз зарубежному общественному мнению надуманное положение о наличии намерений в российской политике на «полное уничтожение либо выселение коренного народа со своих исторических земель»²⁸. Доказательство исчерпывается, по мнению инициаторов обращения в Европарламент, фразой, сочиненной на основе их собственной убежденности: «Иначе нельзя объяснить причины нечеловеческой жестокости, проявленной российскими войсками на Северо-Западном Кавказе»²⁹.

При непредвзятом рассмотрении такого подхода прослеживается лишь нарушение критерия научности: декларативность обвинения иллюстрируется несколько измененным вариантом одних и тех же утверждений без ссылок на наличие иных концептуальных представлений по проблеме. Между тем произошедшее не имело одного исторического измерения. С таким же обвинительным уклоном по отношению к России 19–21 марта 2010 г. в Тбилиси была организована и проведена при финансовом содействии зарубежных фондов конференция «Скрытые нации, длящиеся преступления: черкесы и народы Северного Кавказа между прошлым и будущим»³⁰, носившая явно провокационный характер. Видимо, для более резонансного эффекта, несмотря на просматривающееся отсутствие научного уровня обсуждения намеченной темы, ей был придан и статус «международной».

Организацией сбора участников с соответствующими взглядами занимался американский «Фонд Джеймстауна».

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. С. 99.

Инициатива в проведении мероприятия с явной антироссийской направленностью исходила и от Международной школы изучения Кавказа Тбилисского государственного университета³¹. По ее итогам в парламент Грузии поступило заявление о «признании геноцида черкесского народа» и депутатский корпус сразу же изъявил готовность приступить к работе по данному вопросу³². Предусмотренными оказались и «встречи с представителями общественности и неправительственными организациями», обращения за поддержкой к мировому сообществу³³. Факты же спасения Россией от истребления со стороны враждебного сопредельного окружения грузинского народа преданы забвению.

Таким образом, тема переселения горцев в Турцию во второй половине XIX – начале XX в. превратилась в спланированную кампанию по дискредитации России, опирающуюся на искажения реальностей прошлого. «Манипулирование историей», по замечанию политолога Д.А. Лавриненко, «выступает определяющим обоснованием требования признания “геноцида черкесов”»³⁴. По мнению автора, «замалчивание проблемы», наблюдающееся со стороны российского руководства, повышает «риск возникновения кризисной ситуации»³⁵. Заинтересованные силы превращают «черкесский вопрос» в дестабилизирующий фактор на Юге России. В этой связи возрастает потребность прежде всего в объективных исторических исследованиях явления мухаджирства.

О.М. Цветков как специалист обратил внимание на опасность того, что появившаяся под влиянием целенаправленной пропаганды «убежденность части адыгов в геноциде способствует формированию у некоторых из них реваншистских идей по “деокупации Черкесии”, о “возмещении ущерба”»³⁶. В представленной в историографическом обзоре аналитике верно, на мой взгляд, подмечается и то, что такого рода ин-

³¹ Лавриненко Д.А. Конфликтные процессы в Карачаево-Черкесии (2008–2010 гг.) // Юг России: проблемы, прогнозы, решения. Сб. науч. ст. Ростов н/Д, 2010. С. 113.

³² Там же.

³³ Там же.

³⁴ Там же. С. 108–109.

³⁵ Там же. С. 213, 216.

³⁶ Цветков О.М. Указ. соч. С. 99–100.

тенции «вырабатывают у адыгов комплекс жертвы»³⁷. Подобная организация оценок отечественного прошлого, как считает О.М. Цветков «продуцирует конфликтность, создает иные политические риски, способные эволюционировать до уровня вызовов и угроз национальной безопасности»³⁸. Во многом рассмотрение «черкесского вопроса» в большинстве публикаций, появившихся в последние годы, отличается заведомо идеологизированной предвзятостью.

Без учета ситуации, сложившейся в разработке этой проблемы на рубеже XX–XXI вв., 24 марта 2011 г. в Московском государственном институте международных отношений (МГИМО (У)) была проведена конференция «“Черкесский вопрос”: историческая память, историографический дискурс, политические стратегии», организацией которой занималось объединение «Кавказское сотрудничество»³⁹. Обсуждение преимущественно сосредоточилось, как заявлено в информационном сообщении, на «эмиграции черкесов из Российской Империи в Турцию и на арабский восток» и «роли “черкесского вопроса” в современном политическом контексте»⁴⁰. В выступлениях затрагивалась и тема «земли», где должна состояться Олимпиада⁴¹.

Так, Н. Нефляшева (Центр цивилизационных и региональных исследований РАН) особо отметила ее «огромное значение... для черкесов», увязав тем самым предстоящее международное спортивное событие с историческим явлением мухаджирства. Абхазского писателя Д. Чачхалиа, изложившего на одной из конференций иную точку зрения, ставящую под сомнение «связь черкесов с землей вокруг Сочи», она подвергла резкой критике, обвинив в «непрофессионализме»⁴². Не обошли вниманием на конференции и тему «репатриации черкесов на историческую родину»⁴³.

³⁷ Там же. С. 100.

³⁸ Там же.

³⁹ Информационное сообщение: «В Москве обсудили “черкесский вопрос”» // <http://www.regnum.ru/news/fd-south/1387518.html#ixzzlHjiYxbDC> (дата обращения: 25. 03. 2011).

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

Вариант ее решения предложил, в частности, С. Хотко (Адыгейский институт гуманитарных исследований). Он осудил и «шельмование статуса автономий»⁴⁴, переведенного, уточним, в постсоветскую эпоху в разряд конфедеративных по отношению к центру, с обозначившейся перспективой ослабления государственных связей. На склонность С. Хотко к «мифотворчеству» уже обращалось внимание в рецензиях⁴⁵. И на этот раз в заключительной части конференции им вновь была выделена существовавшая якобы реальность «геноцида черкесов» в эпоху завершения Кавказской войны и последующие периоды проведения российской политики в крае⁴⁶. С. Хотко высказался за «признание событий» второй половины XIX в. «геноцидом», поясняя, что оно «должно иметь не юридическое, а моральное значение»⁴⁷. Но между этими разновидностями регулирования общественных отношений функциональных различий не существует. Мораль, как известно, служит основой права.

Еще в римском классическом его варианте предусматривалось, что все юридические действия, не получившие завершенность, рано или поздно должны обретать фиксацию в законе⁴⁸. Моральные нормы и тогда нередко выступали прологом для итоговых конкретизаций. Проблема заключается и в том, насколько требование признания на этом уровне соотносится с реальностью эпохи и критерием историзма и соответственно научной объективности. Юридические действия также должны основываться на справедливости. Народов, которые при тех или иных обстоятельствах в прошлом не пострадали, не существует. Русские также не являются исключением. Выстраивание же отношений на обидах прошлого бессмысленно и способствует, как правило, лишь порождению деструктивных подходов.

В выступлениях на конференции проводились и параллели «трагедии сегодняшнего черкесского движения» с «чер-

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Матвеев О.В. На круги своя... // Вопросы северокавказской истории. Вып. 10. Армавир, 2005. С. 58–68.

⁴⁶ Информационное сообщение: «В Москве обсудили “черкесский вопрос”».

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ См. подробнее: Омельченко О.А. Римское право: учебник. 3-е изд., испр. и доп. М., 2007. С. 21.

кесской трагедией» XIX в.⁴⁹ Таким образом, на конференции возобладала одна из позиций по проблеме мухаджирства, сложившаяся в отечественном кавказоведении под влиянием наследия советской историографической традиции, и предложена в этой связи соответствующая оценка прошлого. Она как раз и получила отражение в итоговом заявлении. В нем по-прежнему утверждается: «События 60-х гг. XIX в. стали трагедией для автохтонного черкесского населения Северо-Западного Кавказа. Военное противостояние России, с одной стороны, Османской империи и ее союзников из числа европейских держав – с другой, в Черноморско-Кавказском регионе завершилось вынужденным массовым исходом черкесов. Сотням тысяч людей пришлось покинуть свою Родину»⁵⁰.

Далее констатируется, что мухаджирство «затронуло также чеченцев, осетин, ногайцев и другие народы Северного Кавказа»⁵¹. Призывая «изолировать работу профессиональных ученых и экспертов от текущей политики», составители, однако, особо актуализируют необходимость «изучения и оценки проблемы»⁵². В тексте содержится и сориентированная на вполне определенные концептуальные позиции рекомендация политикам основывать «деятельность... на понимании и сочувствии»⁵³. При этом признается наличие разных точек зрения на «характер Кавказской войны» и явление мухаджирства, равно как и то, что «различие подходов – естественное свойство деятельности научного сообщества»⁵⁴. Действительно, как заметил еще видный русский ученый В.И. Вернадский, «готовые... представления» характерны лишь тогда, когда «господствуют религиозные и философские навыки мысли» (1938)⁵⁵.

⁴⁹ Информационное сообщение: «В Москве обсудили “черкесский вопрос”».

⁵⁰ Заявление конференции «“Черкесский вопрос”: историческая память, историографический дискурс, политические стратегии» // <http://www.regnum.ru/news/fd-south/1387918.html#ixzzlHjihlJHQ> (дата обращения: 25. 03. 2011).

⁵¹ Там же.

⁵² Там же.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М., 2002. С. 455.

В заявлении конференции тем не менее фиксируется набор ярлыков – «псевдонаучные изыскания», «политизация проблемы», «зависимость от конъюнктуры», предназначенных для тех, кто при изучении фактов обрел иные представления об исторических реалиях переселения горцев в пределы Османской империи, в состав которой входил в тот промежуток времени, во второй половине XIX в., и «арабский восток». В документах конференции этот ареал ошибочно отображается как самостоятельное геополитическое пространство⁵⁶. Возражения напрашиваются и по поводу другой констатации, включенной в заявление и противоречащей признанию необходимости «разных точек зрения» в осмыслении проблемы. На мировоззренческую роль, заметим, претендует любая научная позиция, а полученные в исследованиях идеи в той или иной степени влияют на практические решения при выработке и проведении соответствующей политики.

Организаторы конференции «Черкесский вопрос»: историческая память, историографический дискурс, политические стратегии», руководствовались судя по всему убежденностью в непререкаемости распространяющихся в последние годы утверждений о наличии «исторической вины России» в трагедии мухаджирства⁵⁵. К участию в работе не были приглашены ученые, придерживающиеся иных взглядов. Не представленными оказались и научные школы в отечественном кавказоведении, освещающие проблему с противоположных концептуальных позиций. Их исследования создали как раз предпосылки для преодоления односторонности в освещении темы.

Оговорка о нацеленности «конечного результата» созданной на конференции «Рабочей группы кавказоведов» на укрепление «российской гражданской нации» при наметившемся подходе к анализу проблемы без учета альтернативных разработок вряд ли может послужить гарантией сохранения целостности государства. Обеспечить существование его как геополитической реальности, сложившейся в имперский период до 1917 г., не смогли мировоззренческие конструкции, содержавшие миф о «тюрьме народов» и декларации об

⁵⁶ Заявление конференции «Черкесский вопрос»: историческая память, историографический дискурс, политические стратегии».

их сближении при другом политическом режиме в условиях СССР. При наличии «исторической вины России», вопреки успокоительным заверениям организаторов конференции, «разрешение... возникающих... противоречий в духе солидарности, ответственности, конструктивного сотрудничества»⁵⁷ не получится. В откликах на конференцию уже обращалось внимание на ее «ангажированность, предвзятость... нацеленность на заранее заданный результат», предусматривающий, что «одна... сторона... одержит верх»⁵⁸.

В критических заметках верно, на мой взгляд, определяется и суть «черкесского вопроса», вынесенного на обсуждение. Сводится же она к признанию «геноцида» как следствия Кавказской войны, возврату «этнических адыгов – потомков переселенцев» и объединение «адыгских республик в одну административно-территориальную единицу»⁵⁹. В анализе итогов конференции отмечалась и их неизбежная востребованность для «адыгских националистических организаций» и приспособленность к достижению «иных, гораздо более далеко идущих целей»⁶⁰. Пропаганда «геноцида» превратилась в устойчивый элемент политической и общественной практики республик Северного Кавказа, где инакомыслие на этот счет «нешадно карается»⁶¹. Специалистами небезосновательно отмечается, что признание его может иметь для России непредсказуемые последствия⁶².

Переселение горцев с территории России во второй половине XIX – начале XX в. в пределы единой Османской империи используется, таким образом, в неблагоприятных идеологических целях. В немалой степени соответствующие интерпретации трагедии способствуют формированию националистических настроений. Как видно, применяют его в качестве «неопровержимого» доказательства не только в науке, но

⁵⁷ Информационное сообщение: «В Москве обсудили “черкесский вопрос”».

⁵⁸ Заявление конференции «“Черкесский вопрос”: историческая память, историографический дискурс, политические стратегии».

⁵⁹ Епифаевцев А. Кавказский вызов: конференция по черкесскому вопросу // <http://www.apn.ru/publications/article23944.htm> (дата обращения: 24. 04. 2011).

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же.

и на практике. В современной отечественной историографии происходит тем не менее преодоление односторонности в изучении данного феномена. Это одна из ее концептуальных примет, игнорирование которой не способствует достижению объективности.

Феномен мухаджирства

В связи с наметившейся в начале 60-х гг. XIX в. перспективой окончания Кавказской войны русским командованием, с одобрения вышестоящих правительственных инстанций, было признано необходимым для предотвращения дальнейшего кровопролития с обеих сторон и ускорения «окончательного покорения» края применить «важнейшую политическую меру», предоставив возможность всем, кто пожелает, переселиться в единоверную Турцию. При этом предполагалось, что «гораздо выгоднее... дать добровольный исход всему недовольному туземному населению» и в российских пределах «оставить только тех покорных туземцев, которые были довольны своим... положением»⁶³. Намерение основывалось на стремлении исключить дальнейшие жертвы в том числе для участников противостояния с Россией и обеспечить для них скорейший переход к мирной жизни.

Один из инициаторов такого подхода генерал Н.И. Евдокимов дал по этому поводу следующее разъяснение: «Переселение непокорных горцев в Турцию, без сомнения, составляет важную государственную меру, способную окончить войну в кратчайший срок без большого напряжения с нашей стороны, но во всяком случае, я всегда смотрел на эту меру как на вспомогательное средство покорения Западного Кавказа, которое дает возможность не доводить горцев до отчаяния и открывает свободный выход тем из них, которые предпочитают скорее смерть, чем покорность русскому правительству»⁶⁴. Тем самым, как намечалось первоначально, «с выселением горцев, изъявивших на это желание, Кавказ избавлялся от населения... беспокойного и враждебного»⁶⁵, что должно было

⁶³ Кумыков Т.Х. Указ. соч. С. 93–94.

⁶⁴ Цит. по: Берже А.П. Выселение горцев с Кавказа // Русская старина. Т. 33. Кн. 2. СПб., 1882. С. 342–343.

⁶⁵ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1551. Л. 87.

способствовать завершению установления российской юрисдикции в последних его ареалах.

Остававшихся непокорными русские войска именно с этой целью вытесняли с занимаемых в горах селений, и им предлагалось «смотря по желанию, или уйти в Турцию, или переселиться на указанные... места», с предоставлением гарантий «устройства их быта на более плодородных землях»⁶⁶. Для этого выделялось от 1 до 1,5 млн. десятин⁶⁷. Принимаемые же решения горцы могли открыто обсудить на аульных сходах⁶⁸. Таким образом, «непримиримые» горцы должны были сделать вполне добровольный выбор: либо переселиться на равнину или эмигрировать в единоверную Османскую империю. Во избежание затягивания конфликта, тех, кто постоянно нарушал спокойствие российских границ, невозможно было оставить, по утвердившемуся мнению, в прежних местах. Предшествующий опыт показывал, что если сохранить все как есть, то меры борьбы с «грабительскими набегами» не дают каких-либо результатов⁶⁹.

В реализации замысла судя по всему не учитывалась степень влияния совпадавшей по времени провокационной агитации эмиссаров турецкого султана, привлекавших заманчивыми обещаниями «всех правоверных к переселению в пределы своей империи»⁷⁰. В письме от 12 декабря 1863 г. на имя генерала А.П. Карцова русский поверенный в делах в Стамбуле (Константинополе) Е.А. Новиков поделился следующими наблюдениями: «Турки сами старались поддерживать между горцами симпатию к турецкому правительству и вражду против русских, и настоящее переселение горцев составляет единственное последствие их собственного образа действия»⁷¹.

Среди горцев через мусульманское духовенство распространялись тайные прокламации с настойчивым приглашени-

⁶⁶ Кумыков Т.Х. Указ. соч. С. 24–25, 78, 85–89.

⁶⁷ История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). М., 1988. С. 202–203.

⁶⁸ ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 698. Л. 26.

⁶⁹ Кипкеева З.Б. Российский фактор в миграциях и расселении закубанских аулов XIX в. Армавир; Ставрополь, 2002. С. 24, 27.

⁷⁰ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1551. Л. 87.

⁷¹ ЦГИА РГ. Ф. 416. Оп. 3. Д. 1097. Л. 1.

ем «идти в Турцию, где для них устраивается Оттоманским правительством самый щедрый прием и где им будет жить несравненно лучше»⁷². Немаловажную роль сыграли ссылки в прокламациях на «мусульманское братство», обещания «всех благ в случае переселения»⁷³. С помощью их распространялись также слухи о заключенном, якобы, соглашении между турецким султаном и русским императором для обмена «иноверными подданными», разрешающим беспрепятственное переселение. Колеблущимся давались заверения, что Турция выделяет специально участки для прибывающих в ее пределы единоверцев и обеспечивает их даже денежными пособиями⁷⁴. Несмотря на то, что было известно о намерениях создать из них «ударную силу» против сопредельных христианских народов, и, главным образом, самой России, власти на местах на начальной стадии не придали серьезного значения этой агитации и недооценили опасности широкого исхода⁷⁵.

На предшествующих же стадиях, заметим, при аналогичных усилиях его не происходило. Между тем исламизация «туземных обществ» с годами возрастала и оказывала все большее влияние на обстановку в крае. Использовалась она и для поддержания сепаратистских настроений покинуть Россию и найти приют в единоверной Турции. Обеспокоенность по этому поводу существовала и в среде русских священников. Учрежденное в 1860 г. в Тифлисе как центре «главного управления» окраиной «Общество восстановления православного христианства на Кавказе» в проект своей деятельности, в частности, включило положение следующего содержания: «Ускорить высылку за границу фанатиков и уменьшить численность особенно вредных мулл и эффендиев»⁷⁶.

Следует уточнить, что данное объединение не относилось к государственным и не оказывало влияния на проводившуюся политику. Но включенное в проект «О мерах восстановления христианской веры между Кавказскими горцами» (1860) предложение вызывалось судя по всему наметившимся уже

⁷² Кумыков Т.Х. Указ. соч. С. 93–94.

⁷³ Дзидзария Г.А. Указ. соч. С. 202.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1551. Л. 87; Кокиев Г. Указ. соч. С. 32.

⁷⁶ ЦГИА РГ. Ф. 416. Оп. 3. Д. 1055. Л. 149, 154, 162.

тогда массовым выселением в Турцию. Разрастанию трагедии способствовали в значительной мере фанатично настроенные муллы и эффендии⁷⁷. Позиция мусульманского духовенства, боявшегося потерять свои привилегии в православной стране, в сочетании с турецкой пропагандой, делавшей ставку на «тяготение к... султану, как представителю правоверных»⁷⁸, оказалась немаловажной в формировании явления «мухаджирства». В призывах широко использовался миф и о «мусульманских землях», где все правоверные обеспечиваются в достаточном количестве плодородными пашнями и пастбищами для скота⁷⁹.

Необходимость отказаться от подданства России подкреплялась советами сделать это «во имя пророка Магомета и ислама», против чего, как рассчитывали организаторы кампании, верующим устоять невозможно⁸⁰. Мусульманское духовенство также увлекало горцев и своей склонностью к переселению⁸¹. Однако многие его представители совместно с русской администрацией пытались предотвратить трагедию. Для этого издавались основанные на канонических положениях ислама воззвания (фетвы), содержание которых имело направленность на формирование у верующих настроений не покидать пределы родины. Тем не менее и религиозный фактор, несмотря на предпринимавшиеся усилия, сыграл немаловажную роль в формировании явления мухаджирства⁸².

Обращения пророссийски настроенного мусульманского духовенства с воззваниями (фетвами) к верующим также опирались на религиозное сознание⁸³, но не дали, к сожалению, ожидаемого результата. Устремленность к переселению подпитывалась не только усилиями Турецкой империи. Осведомленный о происходившем на Кавказе Осман-бей, служив-

⁷⁷ ЦГИА РГ. Ф. 416. Оп. 3. Д. 1055. Л. 154.

⁷⁸ ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 1226. Л. 56.

⁷⁹ Кипкеева З.Б. Указ. соч. С. 41.

⁸⁰ История народов Северного Кавказа. С. 204.

⁸¹ Авраменко А.М., Матвеев О.В., Матющенко П.П., Ратушняк В.Н. Указ. соч. С. 16.

⁸² Бадерхан Ф. Северокавказская диаспора на Ближнем Востоке как компонент геополитической игры. С. 28.

⁸³ Исламский толковый словарь. Сост. Г.М. Гогиберидзе. Ростов н/Д, 2009. С. 231.

ший в качестве офицера в вооруженных силах этой страны, в мемуарах оставил такую немаловажную для прояснения всех обстоятельств трагедии информацию. В ней содержится, в частности, указание на то, что англичане «ничего не щадили, чтобы внушить черкесам недоброжелательство к России и вовлечь их в войну с русскими»⁸⁴. Таким образом, внешние влияния, направляемые из-за рубежа, сыграли отнюдь не последнюю роль не только в затягивании войны на Северном Кавказе, но и в разрастании масштабов выселения горцев после ее окончания.

Кроме того, на движение в меньшей степени оказывали влияние и другие неучтенные представителями русской власти факторы. Ориентацию на переселение усиливало, например, введение новых государственных повинностей, неизвестных ранее коренным народам, что порождало в их среде недовольство. Особую роль при этом играли появлявшиеся различного рода слухи о возможном привлечении горцев на основе закона к воинской службе, становившейся в России как раз в тот период всеобщей⁸⁵. Причем наибольшую обеспокоенность вызывали условия ее несения, несовместимые якобы «с требованиями мусульманской религии»⁸⁶. С подобной направленностью агитация велась на Северном Кавказе во всех мусульманских общинах.

Распространявшиеся прокламации достигали практически каждого аула. Несмотря на это, они учитывали местную специфику и отражали существовавшую в ряде случаев психологическую настроенность масс. При обращении к чеченцам отмечалась, к слову, не только «угроза» введения для них воинской повинности, высоких налоговых обложений и других ранее не ведомых им обязанностей, но и то, что для переселяющихся из России «в Турции... приготовлены благодатные места, с чудесным климатом и роскошными лугами, построены дома и мечети»⁸⁷. Такие идиллические картинки, усили-

⁸⁴ Воспоминания Осман-бея // Кавказский сборник. Т. 2. Тифлис, 1877. С. 206.

⁸⁵ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1551. Л. 87.

⁸⁶ ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5299. Л. 22.

⁸⁷ Денисова Г.С., Уланов В.П. Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. Ростов н/Д, 2003. С. 55.

вавшие эффективность воздействия, подкреплялись вместе с тем ссылкой о проживании когда-то в прошлом предков этого народа на землях Османской империи⁸⁸.

Среди распускавшихся слухов, видимо не без преднамеренности, как отмечалось представителями русской администрации, культивировались и опасения об установлении «стеснительной будто бы для правоверных организации мусульманского духовенства», об обременении населения «налогами на постройку школ, мечетей, хлебных магазинов, горских судов» и другие нужды (по аналогии с повинностями, которые несли русские общины), о лишении «обществ права свободы выборов кадиев и сельских мулл, так как начальство, по мнению горцев, утверждает не тех, кого избирает общество, а кого само желает»⁸⁹.

Однако это не соответствовало тому, что было на самом деле. Попадавшие под юрисдикцию России иноэтнические сообщества края, в том числе и горцы, например, на землях, принадлежавших казачеству Черноморья, не могли, как установил при изучении источников еще в начале XX в. кубанский краевед Ф.А. Щербина, «пожаловаться на неблагоприятные условия их жизни»⁹⁰. Они были освобождены от каких-либо повинностей, а к военной службе привлекались лишь на сугубо добровольной основе⁹¹. При этом русские власти не меняли их внутренний уклад, общественные, бытовые и семейные порядки. Нравы и религия признавались неприкосновенными. Соответственно притеснениям не подвергались и муллы. Сохранялся даже традиционный способ судопроизводства, основывавшийся на народных обычаях (адатах) и исламском праве (шариате)⁹².

Уважительные по отношению к местной самобытности подходы выдерживались по всему Северному Кавказу и Дагестану. Вместо отбывания воинской службы лишь с 1887 г. для мусульманского населения края был введен небольшой

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5299. Л. 22.

⁹⁰ Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска: в 2 т. (Репринтное воспроизведение). Екатеринодар, б/и., 1910–1913. Т. 2: История войны казаков с закубанскими горцами. 1913. Краснодар, 1992. С. 623.

⁹¹ Там же.

⁹² Там же. С. 624.

налог⁹³, дававший ему с учетом аграрного способа производства дополнительные преимущества, благоприятно влиявшие прежде всего на хозяйственную деятельность и демографические процессы в среде мусульманского населения. Тревогу у горцев вызывали и попытки расширения сферы исповедания христианства, рассматривавшегося в управленческих кругах в качестве предпочтительного средства в противостоянии враждебному исламскому миру и существенного препятствия для реализации соответствующих турецких интересов в регионе⁹⁴.

Такую же реакцию поначалу вызывало и открытие русских школ грамотности, воспринимавшихся сквозь призму сохранявшейся фанатичности как «посягательство на ослабление... языка, и, вместе с тем... религиозных чувств»⁹⁵. Следует отметить, что не все жители аулов разделяли мнение переселявшихся. В таких случаях для вовлечения нередко использовался авторитет народных собраний и родовых общественных норм, унаследованных от предшествующих поколений и игравших наряду с мусульманством мировоззренческие функции⁹⁶. Для этнолокальных объединений, имевших сильную внутреннюю психологическую привязанность, подобное воздействие, как правило, оказывалось результативным и не давало сбоев.

В одном из служебных разъяснений по поводу сложившейся ситуации начальник Баталпашинского отдела поделился следующим наблюдением: «многие горцы, помимо личного своего желания, находились под давлением влиятельных фамилий или большинства и дабы не препятствовать остальным одноаульцам, вносят свои имена в списки изъявивших намерение переселиться в Турцию, тогда как при иных условиях они, вероятно, навсегда остались бы подданными России»⁹⁷. Следовательно, массовость подпитывалась в ряде случаев давлением специфики традиционных укладов «туземных об-

⁹³ Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т.1. Грозный, 1967. С. 164–165.

⁹⁴ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1551. Л. 87.

⁹⁵ ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 1229. Л. 56.

⁹⁶ Приложения архивных материалов // Думанов Х.М. Указ. соч. С. 28.

⁹⁷ Цит. по: Кипкеева З.Б. Указ. соч. С. 27–28.

ществ», против которых вовлекавшиеся в движение устоять были не в силах.

Размах переселения обуславливался наряду с этим стремлением привилегированных сословий горцев сохранить свои феодальные права на крестьян и забрать их в Турцию, где крепостнические порядки еще прочно удерживались, тогда как в России они были отменены реформой 1861 г.⁹⁸, что, безусловно, необходимо принимать во внимание при выявлении истоков разыгравшейся трагедии. После издания 19 февраля «Манифеста», предоставившего «крестьянскому сословию... права свободных сельских обывателей», встал вопрос «о применении... по мере возможности» его положений «к различным видам зависимых сословий... на Кавказе», существовавших «между туземными племенами»⁹⁹, и который был возбужден перед вышестоящими правительственными инстанциями «кавказским начальством»¹⁰⁰. Российская политика на этом направлении стала претерпевать изменения.

В Дагестанской области, например, от «невмешательства во внутренние дела ханств» местные власти перешли, учитывая «неудовольствие народных масс ханами и их управлением», к преобразованиям¹⁰¹. С 1863 по 1867 гг. «все ханства и отдельные владения ликвидируются»¹⁰². Подвластное население освобождается «от всех видов повинностей в пользу правителей»¹⁰³, что способствовало устранению феодальных пережитков. Для смягчения обстановки и предотвращения возможных конфликтов ханам назначаются государственные пенсии, некоторым из них «были пожалованы и земли»¹⁰⁴. Необходимо заметить, что реформы на Северо-Восточном Кавказе пришлись как раз на период наиболее массового переселения горцев в Турцию. При их проведении, видимо, недоучитывали последствий ломки для других частей края, где

⁹⁸ Напсо Д.А., Чекменев С.А. Надежда и доверие. Из истории дружественных связей народов Карачаево-Черкесии с русским народом. Черкесск, 1993. С. 111.

⁹⁹ ЦГИА РГ. Ф. 416. Оп. 3. Д. 266. Л. 1.

¹⁰⁰ ЦГИА РГ. Ф. 416. Оп. 3. Д. 266. Л. 1.

¹⁰¹ ЦГИА РГ. Ф. 416. Оп. 3. Д. 205. Л. 9.

¹⁰² ЦГИА РГ. Ф. 416. Оп. 3. Д. 205. Л. 9.

¹⁰³ ЦГИА РГ. Ф. 416. Оп. 3. Д. 205. Л. 9.

¹⁰⁴ ЦГИА РГ. Ф. 416. Оп. 3. Д. 205. Л. 9.

степень влиятельности феодальной аристократии на массы оказывалась выше.

Расширению масштабов мухаджирства в немалой степени способствовали переселившиеся родственники. Существовали и иные не зависевшие от местных и центральных властей обстоятельства¹⁰⁵. Сказалось, видимо, и то, что вовлеченные в массовое переселение «туземные общества», не достигли на предшествующем этапе устойчивой этнической консолидированности в пределах какой-либо определившейся территории, сохраняли племенную и политическую обособленность, не имели единого управления, финансовой системы и военных подразделений¹⁰⁶. Сдерживающих противовесов в этом отношении не сложилось. Объединения, не изжившие еще племенные деления, как показывает мировой опыт, имеют повышенную предрасположенность к распаду. Происходит он и под влиянием появляющихся разрушительных мифов, особенно если прикрытием для них служит утвердившаяся ранее религиозная система.

Необходимо отдать должное, понимание причин, влиявших на массовое переселение горцев в пределы Османской империи, у представителей русской администрации на Кавказе существовало. В служебной переписке по горячим следам событий среди них выделялись «религиозные и племенные симпатии туземцев к ушедшим в Турцию... единоплеменникам... распространение между жителями туземных округов прокламаций турецкого правительства... опасение владельцев лишиться крестьян... ограниченный земельный надел по 6 десятин на душу, определенный для туземцев Высочайше утвержденным положением о заселении предгорий Западного Кавказа». Такие причины указаны, в частности, в отзыве от 5 декабря 1864 г. временно командующего войсками Кубанской области генерал-лейтенанта М.Я. Ольшевского¹⁰⁷.

Уход в Турцию нередко происходил тайно. Так, в 1876 г. из Стамбула (Константинополя) в Кавказское горское управле-

¹⁰⁵ ГАКК. ф. 454. Оп. 2. Д. 1229. Л. 55-об.–56.

¹⁰⁶ Щербина Ф.А. Указ. соч. С. 21.

¹⁰⁷ Матвеев О.В. «Казаки высказали замечательное добродушие и чело-
веколюбие...». К вопросу о последствиях Кавказской войны // Казачество Рос-
сии: прошлое и настоящее. Сб. науч. статей. Вып. 3. Ростов н/Д, 2010. С. 64.

ние 7 февраля поступило очередное тревожное предупреждение от посла России Н.П. Игнатьева, в котором говорилось, что возглавляемое им дипломатическое ведомство уже не раз обращало на это внимание краевых властей. В послании также указывалось на недостаточность «надзора на границе и об огромном количестве лиц, находящихся возможность прибыть в Турцию без паспортов и без дозволения начальства»¹⁰⁸. В силу этого немалое число горцев выселялось, как заметил Я. Абрамов, многие годы занимавшийся на рубеже XIX–XX вв. изучением данного вопроса, «без ведома русского правительства»¹⁰⁹. Противодействие при таких обстоятельствах оказывалось весьма затруднительным, а в ряде случаев и невозможным. Попытки налаживания его чаще всего не давали результатов.

Осуществлявшийся же на основе разрешений контроль предпринимался в интересах самих мухаджиров. Переселявшимся официально оказывалась помощь. Еще в 1857 г. начальник штаба Кавказского корпуса Д.А. Милютин в донесении военному министру предельно четко изложил представления офицерского корпуса на этот счет: «обязанности к человеческому роду требуют, чтобы мы заблаговременно приняли меры для обеспечения существования даже и враждебных нам племен, которых по государственной надобности вытесняем из их земель»¹¹⁰. На оказании помощи переселявшимся в Турцию горцам настаивали и другие представители высшего командования русской армии, действовавшей на Кавказе. Эта инициатива получила «высочайшее утверждение»¹¹¹.

Оказание материальной поддержки мухаджирам предусматривалось при разработке постановления «Кавказского комитета о переселении горцев», вступившего в силу 10 мая 1862 г. После этого для практической реализации принятых решений формируется специальная комиссия, призванная координировать деятельность подключенных к содействию

¹⁰⁸ Цит. по: Дзидзария Г.А. Указ. соч. С. 294.

¹⁰⁹ Абрамов Я. Кавказские горцы. Материалы для истории черкесского народа. Вып. 3. Краснодар, 1927. С. 6.

¹¹⁰ Акты Кавказской археографической комиссии (АКАК). Т. 12. Тифлис, 1904. С. 763.

¹¹¹ Цит. по: Ганич А.А. Указ. соч. С. 17.

ей различных административных подразделений¹¹². Для организации помощи были созданы специальные комиссии и на местах с возложением на них обязанностей «вникать во все нужды переселенцев», помогать им в более выгодной «продаже имущества, которое они не могут взять на пароходы», смотреть, чтобы «судохозяева их не притесняли»¹¹³. Комиссии следили даже за тем, чтобы «суда из-за своекорыстных расчетов владельцев излишне не перегружались и тем не развивали между ними смертности во время переезда»¹¹⁴. Благодаря поддержке русских властей, горцы стали продавать имущество по довольно выгодной цене¹¹⁵.

Наиболее нуждающимся из них на переселение выдавались от российской казны пособия: лицам среднего достатка как дополнения «к их собственным средствам», малоимущие перевозились полностью на выделенные средства от казны. При этом в первую очередь они предоставлялись «беднейшим многодетным семьям»¹¹⁶. Переселенцам заготавливались, кроме того, одежда и провиант. За свой счет отправлялись только состоятельные¹¹⁷. Таким образом, переселение горцев в Турцию осуществлялось в какой-то степени и на средства, выделенные российской казной.

Выходившим с покорностью горцам также предоставлялась имперской администрацией материальная поддержка, для чего целенаправленно «ассигновывались средства на вспомоществование... заготавливался провиант для прокормления их во время зимы»¹¹⁸. Такая помощь государством не оказывалась русским переселенцам, например духоборам, выезжавшим в конце XIX в. за рубеж, в Канаду и другие страны, вследствие нежелания подчиниться все тому же закону о всеобщей воинской повинности, который на них, в отличие от мусульманских народов, в действительности распространялся и по отношению к ним власти не хотели идти ни на какие

¹¹² Там же.

¹¹³ Кумыков Т.Х. Указ. соч. С. 15, 34, 99–100.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ Там же. С. 24–25, 39, 106.

уступки¹¹⁹. В связи с этим производились массовые аресты, расселения по чужим селам, применялись и иные меры предельно жесткого административного воздействия¹²⁰. Под них попадали все русские сектанты без исключения¹²¹.

Заселявшим край переселенцам из внутренних губерний незначительные пособия стали выделяться от казны лишь в начале XX в., преимущественно в период столыпинских аграрных преобразований, и то «сугубо при водворении» и далеко не во всех случаях. В дальнейшем они могли полагаться только на свои силы¹²². Покидавшим же Россию мухаджирам помощь оказывалась из гуманных соображений вплоть до того, пока они находились в ее пределах. Начальник Кубанской области обязал станичных атаманов и аульных старшин обеспечивать им всяческую поддержку при прохождении через все без исключения поселения вверенного в его управление края. Исполнение этого распоряжения он взял под свой личный контроль, а в ряде случаев для предотвращения затруднений участковым начальникам приказывал опекать переселяющихся с места их жительства до Новороссийска, не исключая варианта при необходимости личного участия в передвижении, чтобы оперативно решать вопросы обеспечения¹²³.

Помощь и содействие по пути следования получали и те, кто отправлялся в Турцию сухопутным путем. Маршрут их продвижения заранее подготавливался, оборудовались места для ночлега, с запасом сена и дров. Переселенцев до самой границы сопровождали русские офицеры, на которых прежде всего возлагались организаторские обязанности. Они также были ответственны за снабжение мухаджиров и их безопасность до пересечения турецкой границы. Вследствие принятых мер продвижение по российской территории проходило, как правило, без особых сложностей и происшествий¹²⁴.

¹¹⁹ Туманов Г.М. Земельные вопросы и преступность на Кавказе. СПб., 1901. С. 24.

¹²⁰ Там же. С. 60.

¹²¹ Там же. С. 24.

¹²² ГАКК. Ф. 468. Оп. 2. Д. 164. Л. 3.

¹²³ Кипкеева З.Б. Указ. соч. С. 51.

¹²⁴ Бадаев С.-Э.С. Чеченское мухаджирство второй половины XIX в. как следствие политики самодержавия на Северном Кавказе // Научная мысль Кавказа. 1999. № 4. С. 53.

Попавшим в затруднительное положение мухаджирам приют давало и русское население. Для них по распоряжению начальства высылались «необходимое количество подвод для своза имущества». Семьи переселявшихся принимались на постой, снабжались пропитанием и всем необходимым. Повсеместно казаки проявляли к ним «приязнь и человеколюбие», хотя размещение требовало «немало хлопот». Примеры «радушия» подавали сами офицеры¹²⁵. Прием мухаджиров в казачьих станицах убедил многих в необходимости «остаться на родине». Начальник Кубанской области (наказной атаман) лично объезжал станицы, где размещались на постой спасавшиеся «от голода и холода» переселенцы, проводил с ними беседы, непосредственно знакомясь с ситуацией¹²⁶.

«За приют, предоставленный казаками» переселенцы при встречах с ним выражали благодарность. «Семействам горцев» русским населением оказывалась и материальная помощь. Для сбора средств по его инициативе открывалась добровольная подписка. В ней принимали участие, как можно судить по происходившему обмену служебной информацией, и иногородние¹²⁷. «Заботы русского населения» и представителей администрации края, направленные на облегчение участи «покидавших родину», высоко оценивались в свое время даже агентами турецкого правительства. Они сообщали «о попечительности русского начальства, человеколюбием которого спасено от гибели много несчастных горцев». Это, в частности, отражено и в донесении, направленном «наместнику Кавказскому» назначенным турецким правительством комиссаром «по делу переселения горцев»¹²⁸.

Во владениях же султана соответствующих подготовительных мероприятий не проводилось и условия к приему переселенцев отсутствовали. Места для размещения прибывающих партий не были намечены, достаточных запасов провианта и фуража, в отличие от России, предварительно не заготов-

¹²⁵ См. подробнее: Матвеев О.В. «Казаки высказали замечательное добродушие и человеколюбие...». С. 68.

¹²⁶ Там же. С. 73.

¹²⁷ Там же. С. 67, 73.

¹²⁸ Там же. С. 73.

ливалось¹²⁹. Хотя, нужно сказать, в этой стране в 1862 г. для содействия «беженцам» также были учреждены соответствующие структуры: специальный комитет в Стамбуле и «Верховная комиссия по переселению», руководство которой было поручено Хафизу-паше, являвшемуся губернатором Трапезунда¹³⁰. Но их деятельность носила скорее показательный характер и являлась формальной, вследствие чего прибывавшие партии оказывались в сложном положении.

Поддержки мухаджеры не встречали и со стороны населения Османской империи. Причем само их размещение порождало нередко конфликты, так как под создаваемые поселения существенно урезались земли, использовавшиеся кочевниками для пастбищ, в Мушском санджаке с традиционной территории проживания были вытеснены армяне. Такие же перемещения предпринимались на Балканском полуострове, находившемся тогда в составе Турции¹³¹. На этой почве столкновения с прибывающими из России переселенцами происходили в ее пределах повсюду: от арабских провинций на Ближнем Востоке до христианских на юге Европы¹³².

В ходе стычек мухаджеры несли дополнительные потери. По многим параметрам ряд из них обретал сходство с настоящими межэтническими войнами, как, например, с племенем ал-Балкавийа в 1910 г., в которых даже фактор единства веры и приверженности ценностям ислама не имел никакого значения. В России же отношение к мухаджерам в преобладающей степени было сочувственное. Так, тебердинских переселенцев казаки настойчиво уговаривали вернуться, и для того, чтобы предотвратить переселение соседей, ехали за их подводами на весьма большое расстояние, вплоть до самого Армавира¹³³.

В воспоминаниях потомков мухаджиров, основанных на рассказах представителей старших поколений, по сведениям, изложенным в монографии З.Б. Кипкеевой, сохранились упоминания не только об этом, но и о том, что в переселении

¹²⁹ Бадаев С.-Э.С. Указ. соч. С. 53.

¹³⁰ Там же.

¹³¹ Ганич А.А. Указ. соч. С. 17, 19–20; Кипкеева З.Б. Указ. соч. С. 37.

¹³² Там же.

¹³³ Там же.

мирных горцев в Турцию не было заинтересовано и русское правительство, пытавшееся всеми мерами удержать их от этого намерения. Даже после посадки на корабли к ним неоднократно присылались чиновники и предлагали «еще раз все обдумать и остаться»¹³⁴. Помнят и о настойчивых попытках тех, от кого зависела проводимая политика в крае, «пресечь агитацию за переселение»¹³⁵.

Сохранились и подтверждения об обращении к горцам северо-западных частей края, откуда уже на завершающем этапе Кавказской войны наметились наиболее массовые выселения, императора Александра II. На встрече 18 сентября 1861 г. с представителями от их обществ он сделал следующее заявление: «Я к вам прибыл не как враг, а как доброжелательный друг. Я хочу, чтобы ваши народы сохранились, чтобы они не бросали родных мест»¹³⁶. Последовало от монарха также разъяснение, что признание российского подданства никого «не лишит... национальной самобытности»¹³⁷. Однако установленное на некоторое время перемирие вскоре было нарушено из-за возобновившихся нападений горцев (абадзехов) на русские военные соединения, что в немалой степени и предопределило все последующие события¹³⁸. Возобновлялась набеговая практика даже в среде размещавшихся в казачьих станицах «на зиму горцев». По сохранившимся в источниках свидетельствам, «кражи скота... приняли такой массовый характер, что начальство... вынуждено было усилить контроль»¹³⁹.

Таким образом, переселение в Турцию «непримиримых» горцев вызывалось стремлением сократить размеры кровопролития и ускорить окончание войны на Северо-Западном Кавказе. Горцы имели возможность открыто обсудить на ауль-

¹³⁴ Кипкеева З.Б. Указ. соч. С. 37.

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ Сефер-бей Сиюхов – адыгский просветитель. Майкоп, 1991. С. 88, 91; Скибицкая И.М. «Рад видеть своими подданными...» (Еще раз о встрече Императора Александра II с горцами осенью 1861 г.) // Александровские чтения. Краснодар, 2004. С. 53.

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ Скибицкая И.М. Указ. соч. С. 55.

¹³⁹ См. подробнее: Матвеев О.В. «Казачи высказали замечательное добродушие и человеколюбие...». С. 70.

ных сходах принимаемые решения и сделать вполне добровольный выбор. Трагедия явилась следствием множества не зависевших от России влияний. Пагубную роль сыграл обман со стороны влиятельных соплеменников.

Для формирования сепаратистских настроений покинуть Россию задействовались мусульманским духовенством, позиция которого также была немаловажной, фактор единства веры. Необходимость отказаться от ее подданства подкреплялась соответствующей религиозной пропагандой. Сказывалось введение новых государственных повинностей, давление традиционных укладов, авторитет народных собраний и родовых общественных норм. Для этнолокальных объединений, имевших сильную внутреннюю психологическую связь, это оказывалось решающим обстоятельством.

Неучтенные детали трагедии

Официальное разрешение на эмиграцию горцам, не хотевшим принимать российское подданство и сделавшим в пользу ее добровольный выбор, последовало в 1862 г., но уже к 1865 г. она приняла, вопреки тому, что ожидалось, массовые, не предвиденные размеры¹⁴⁰. Столкнувшись с этим, представители русской администрации на Кавказе практически сразу стали предпринимать усилия остановить выселение. Так, секретным предписанием от 30 марта 1862 г. начальник Кабардинского округа возложил обязанность на управляющих участков «строго следить... за людьми, которые распространяют слухи в народе, будто бы начальство разрешило всем туземцам переселиться в Турцию... Слухи эти... приняли постепенно такие размеры, что бессознательно воспламенили большую часть народа желанием оставить родину и переселиться в пределы Турецкой империи»¹⁴¹.

А в рапорте начальнику Терской области от 4 мая 1862 г. одного из начальников округов, обеспокоенного тем, что распускаемые «разные неосновательные толки» могут «вовлечь легковерных жителей в ошибку и разорения, напрямую предлагалось «удалить ведущих агитацию за переселение

¹⁴⁰ Алиев У., Городецкий Б., Сиухов С. Адыгея. Ростов н/Д, 1927. С. 53.

¹⁴¹ Приложения архивных материалов // В кн.: Думанов Х.М. Указ. соч. С. 26.

в Турцию лиц»¹⁴². По предположению составителя рапорта, это явится «самым лучшим средством к успокоению народонаселения»¹⁴³. Русские чиновники, осуществлявшие управление на местах, выезжали в аулы и «при общем сборе увещевали ясными доводами народ оставить намерение перейти в Турцию» и даже «строго объявили, что жители, которые будут продавать свое имущество, подвергнутся наказанию»¹⁴⁴. С горскими обществами для прекращения переселения подписывались и специальные приговоры, которые должны были выполнять, по мнению властей, сдерживающие функции¹⁴⁵. В служебной переписке того времени неоднократно выражалось глубокое сожаление о том, что «мирное трудолюбивое население» покидает пределы России¹⁴⁶.

Во взглядах на ситуацию господствовала точка зрения, что страна не сможет очень долго освоить край людскими ресурсами и такой исход не отвечает ее государственным интересам. Существовавшие противоположные представления в среде тех, кто был причастен тогда к выработке мер по стабилизации обстановки, «не нужно жалеть об уходе... ущерба от него... не будет»¹⁴⁷, как заметно по изложенным фактам, не являлись определяющими в российской политике. Не получило в правительственных кругах, в том числе у других представителей краевой власти, поддержки и мнение о том, что если, в частности абхазское население, «возымеет намерение удалиться в Турцию, то... этому препятствовать не следует», высказанное 27 февраля 1864 г. кутаисским генерал-губернатором Святополком-Мирским¹⁴⁸. Поэтому его можно рассматривать лишь как частное.

Поборники таких настроений подвергались критике за непонимание подлинных интересов России на Кавказе, а также за прямые в ряде случаев злоупотребления¹⁴⁹. Они, как пра-

¹⁴² Там же.

¹⁴³ Там же.

¹⁴⁴ Там же.

¹⁴⁵ Там же. С. 28.

¹⁴⁶ ЦГИА РГ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 104. Л. 24.

¹⁴⁷ Дзидзария Г.А. Указ. соч. С. 215.

¹⁴⁸ Там же.

¹⁴⁹ Абрамов Я. Указ. соч.

вило, снимались с должностей и понижались в званиях. Еще командующий на Кавказской линии и Черномории Вельяминов настаивал на незамедлительном удалении скомпрометировавших себя в отношении местных народов управленцев и замене их «людьми бескорыстными»¹⁵⁰. Представители русской власти стремились всячески способствовать тому, чтобы «туземцы не возмущались и завоевывать их доверие». При назначении на должности предпочтение отдавалось тем, кто проявлял к ним гуманность и заботливость¹⁵¹. Учитывалось вместе с тем знание местной специфики, наличие практического опыта работы в данных условиях.

В 1867 г. эмиграция горцев в Турцию была в России запрещена и разрешена «частным порядком, в отдельных исключительных случаях»¹⁵². Последовало жесткое предупреждение, что даже само «заявление о переселении будет считаться преступным»¹⁵³. Некоторые уступки впоследствии тем не менее под давлением обстоятельств, вызванных поступлением многочисленных просьб, вынужденно все-таки делались¹⁵⁴. В том же году произошла и продажа Аляски «сроком на 99 лет»¹⁵⁵. Такое совпадение по времени вряд ли случайно. Судя по всему, события на Кавказе и продажа Аляски (1,5 млн. кв. км.) имели взаимосвязь. По крайней мере, эта продажа была вызвана все той же неуверенностью в возможности России «освоить окраины».

Существует мнение, что сделка по бывшей российской провинции в Америке заключалась навсегда. И из-за произошедшего впоследствии с ним трудно не согласиться. Территория Аляски в кратчайший период оказалась колонизованной населением другого государства. Именно этот фактор, на мой взгляд, предопределил не в последнюю очередь вектор ее принадлежности независимо от того, какие перспективы обозначались при подписании договора. В этом отношении

¹⁵⁰ Напсо Д.А., Чекунов С.А. Указ. соч. С. 146.

¹⁵¹ Дзидзоев В.Д. Национальные отношения на Кавказе. Владикавказ, 1995. С. 72.

¹⁵² РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1277. Л. 2.

¹⁵³ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1277. Л. 2.

¹⁵⁴ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1277. Л. 2.

¹⁵⁵ Россия: Опыт национально-государственной идеологии / Под ред. В.В. Ильина, А.С. Панарина и др. М., 1994. С. 7.

выселение горцев обернулось для империи территориальными потерями и относится, безусловно, к числу крупнейших геополитических неудач.

При оценке последствий во внимание должно приниматься и то, что часть мухаджиров, как уже указывалось, в дальнейшем использовалась во враждебных для России целях, в том числе и на Балканах. Установленные для «исключительных случаев» законодательные препятствия не смогли, к сожалению, как и другие меры, сдержать переселение¹⁵⁶. В приказе по Кабардинскому округу от 10 октября 1869 г. этому давалось следующее объяснение: «Существовавшие до сего частные разрешения на переселение в Турцию возбудили... в населении надежды, что каждый сможет воспользоваться таковым... а это повлекло за собою... упадок... в хозяйстве» и стало «неблагоприятно влиять на благосостояние населения». По этой причине «высшее начальство сочло нужным... воспретить... переселение в Турцию, под каким бы то ни было предлогом»¹⁵⁷.

По распоряжению, например, начальника Терской области начальники участков сделали «объезд по аулам и в каждом из них при полном сборе аульного общества» через переводчиков объявили, что впредь «никто не может рассчитывать на получение разрешения на переселение в Турцию, и никакие просьбы о том принимаемы не будут»¹⁵⁸. Местные власти предпринимали и другие попытки «привести население к утверждению, что нельзя ожидать добра от переселения»¹⁵⁹. В Дагестанской области до 1873 г. даже для «исключительных случаев» была установлена особая норма численности переселенцев, которым «дозволялось выселяться легальным образом»¹⁶⁰.

Отмена ее произошла только после того, как стало очевидным, что движение не примет массового характера. В Кубанской области, чтобы закрепить горцев «на местах... настоящего поселения», предоставлялись некоторые льготы, а просьбы

¹⁵⁶ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1551. Л. 87-об.

¹⁵⁷ Думанов Х.М. Указ. соч. С. 86–87, 96.

¹⁵⁸ Там же.

¹⁵⁹ Там же.

¹⁶⁰ Абрамов Я. Указ. соч. С. 10.

об этом исходили и от казачьих офицеров. Так, атаман Баталпашинского отдела Братков, опасаясь, что «все горцы уйдут в Турцию», 1 декабря 1888 г. писал наместнику Кавказа «о безусловной необходимости остановить... их», и, в частности, разрешить для достижения этого бесплатное пользование пастбищными полянами нагорной полосы «и, по возможности, остающимся предоставить другие материальные выгоды»¹⁶¹.

В ряде случаев, как уже упоминалось, для остановки переселения использовались и «меры строгости», но они сводились чаще всего лишь к ограничениям и затруднениям при выдаче разрешений. Представители русской власти задействовали для этой цели «силу местных обычаев», обращаясь с возваниями «к почетным представителям горских племен, убеждая их повлиять... на настроенность масс»¹⁶². В рекомендациях атаманам отделов и начальникам округов указывалось на важность обращений «к чувству чести и совести горского населения», так как они нередко давали положительные результаты. О том, что «горцы... подчиняются воздействию администрации», свидетельствовало вместе с тем «значительное уменьшение числа преступлений и возникновение в аулах русских школ грамоты»¹⁶³.

Однако, как не раз с сожалением отмечалось управлением всех уровней, «население не совсем доверяет... заботливости... местному начальству и его намерениям... обратить горцев на путь мирного, честного труда, идти навстречу их нуждам»¹⁶⁴. Для преодоления данного психологического барьера необходимы были не только конкретные подвижки в разрешении существовавших проблем, но и время. Доверие к русской власти существенно подрывалось пропагандой турецкой агентуры, поддерживавшей стремления к переселению в пределы Османской империи и тайно распространявшей соответствующие «агитационные идеи, поселяя между народом разные неудовольствия на действия местного начальства, старающегося подавить движение их в Турцию»¹⁶⁵.

¹⁶¹ Победоносцев А. Черкессия. М., 1940. С. 32.

¹⁶² ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 698. Л. 21-об.

¹⁶³ ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 698. Л. 21-об.

¹⁶⁴ ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5299. Л. 21-об.

¹⁶⁵ ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 215. Л. 15.

Вследствие этого остановить переселение, несмотря на предпринимавшиеся усилия, полностью не удавалось, продолжалось оно еще и в 90-е гг. XIX в.¹⁶⁶ По информации имевшейся в распоряжении управленческих структур, «с 1893 г. среди мусульманского населения Кавказского края стало усиленно обнаруживаться стремление к оставлению своего отечества и переселению в пределы соседней единой Турции»¹⁶⁷. В отличие от предшествующих этапов, в движении, имевшем «вначале почву в чисто экономических причинах», усилились, как отмечалось в служебной переписке, религиозные и политические мотивы¹⁶⁸.

В 1899 г. в Министерстве внутренних дел было образовано особое совещание для обсуждения новых мер, которые «надлежало бы принять против указанного ненормального явления» и для «выработки правил, долженствующих служить к руководству при заявлении русско-подданными из мусульман желания навсегда переселиться в Турцию»¹⁶⁹. Несмотря на это его разрастание продолжалось. В 1902 г. главноначальствующий гражданской частью на Кавказе (должность заменявшая до 1905 г. наместника) генерал-адъютант князь М.С. Голицын вынужден был признать, что движение охватило почти все области и губернии окраины, в которых проживало мусульманское население¹⁷⁰.

Эти наблюдения подтверждались и поступающими в органы власти прошениями о разрешении на переселение в Турцию. Ходатайства в начале XX в. стали подкрепляться все более частыми ссылками на «неблагоприятные жизненные условия, малые земельные наделы, не обеспеченность существования... семей»¹⁷¹, что так или иначе являлось отражением появления признаков экономического кризиса в стране. Средства к разрешению возникших проблем по-прежнему изыскивались. Но попытки удержания тем не менее оказывались безуспешными.

¹⁶⁶ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1551. Л. 87.

¹⁶⁷ Кипкеева З.Б. Указ. соч. С. 30–31.

¹⁶⁸ Там же.

¹⁶⁹ Дзагуров Г.А. Указ. соч. С. 191.

¹⁷⁰ Кипкеева З.Б. Указ. соч. С. 31.

¹⁷¹ Там же.

В донесении войсковому наказному атаману казачьих войск начальник Кубанской области и наказной атаман кубанского казачьего войска генерал-лейтенант Я.Д. Малама по этому поводу сообщал следующее: «мною было предложено... принять все меры к успокоению жителей, вознамерившихся переселиться в Турцию, и разъяснить им все те невыгодные последствия, с какими сопряжено для них это переселение»¹⁷². Однако, по его словам, после исполнения поручения последовал ответ, что все «убеждения не привели к желательным результатам; просители упорно заявили свое желание переселиться в Турцию»¹⁷³. Сталкиваясь даже с такой одержимостью, ответственные чиновники прилагали дополнительные усилия для изменения ситуации.

В 1903 г. начальник штаба кавказских казачьих войск передал на места предписание командующего генерал-лейтенанта Фрезе, в котором рекомендовалось объявить просителям о том, что при переселении они могут рассчитывать только на свои собственные средства, так как поддержка от казны будет прекращена, и, кроме того, они должны погасить все недоимки по налогам, если они числятся за ними. Вместе с тем предлагалось проводить разъяснительную работу о бедственном положении тех, кто уже покинул пределы родины и невозможности получить какую-либо помощь от турецкого правительства¹⁷⁴. Изложенное показывает что, представители русской власти на разных этапах, в том числе, и в начале XX в., последовательно пытались предотвратить переселение, и все утверждения о том, что горцев «не удерживали... и даже поощряли их выезд», отбирая у них земли, и т.д.¹⁷⁵ не опираются на источники. Нередко такие утверждения сопровождаются и прямой подтасовкой фактов.

По каждому случаю легального переселения горцев в Турцию, например, в начале XX в. писались рапорты в краевую администрацию с разъяснением мотивов, которыми руководствовались представители русской власти на местах при вы-

¹⁷² Там же.

¹⁷³ Там же.

¹⁷⁴ Там же.

¹⁷⁵ История народов Северного Кавказа. С. 203, 204.

даче разрешений¹⁷⁶. Так, в одном из них военный губернатор Дагестанской области сообщал в 1907 г. наместнику его императорского величества на Кавказе И.И. Воронцову-Дашкову: «Жители Кайтаго-Табасаранского округа, селений Шира и Кишия, ходатайствуют о разрешении им с семьями переселиться навсегда в Турцию»¹⁷⁷. Указывая на отсутствие препятствий «к означенному переселению», генерал-губернатор в приложении отметил, что при рассмотрении просьб во внимание принимались «шесть общественных приговоров»¹⁷⁸. Учитывались и личные подписи переселявшихся «о невозвращении в пределы Российской империи»¹⁷⁹, использовавшиеся в качестве сдерживающего средства от намерения на переселение в Турцию.

Рапорт был зафиксирован в канцелярии военного губернатора Дагестанской области в Темир-Хан-Шуре, проходил на этом же уровне по военно-народному управлению и соответственно взят на заметку в аппарате наместничества на Кавказе в Тифлисе¹⁸⁰. Наличие такой системы служебной переписки свидетельствует о наличии контроля за деятельностью чиновников нижестоящих инстанций в данном вопросе. Между тем в попытках предотвращения переселения для кавказской администрации существовало и обстоятельство, не подлежавшее каким-либо изменениям, что также понижало эффективность всех принимавшихся решений.

Одним из распространенных предлогов, которым пользовалось мусульманское население, было заявление о желании совершить паломничество (хадж) в Мекку, «для поклонения гробу пророка Магомета сроком на один год»¹⁸¹. Получавшие разрешение не всегда возвращались в Россию. Императорское посольство в Стамбуле (Константинополе) неоднократно сообщало в Петербург «об отъезде... горцев в Турцию под предлогом путешествия в Мекку»¹⁸². Относясь с уважением к исламской традиции, предписывавшей каждому верующему

¹⁷⁶ ЦГИА РФ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 104. Л. 24.

¹⁷⁷ ЦГИА РФ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 104. Л. 24.

¹⁷⁸ ЦГИА РФ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 104. Л. 24.

¹⁷⁹ ЦГИА РФ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 104. Л. 24.

¹⁸⁰ ЦГИА РФ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 104. Л. 24.

¹⁸¹ ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 215. Л. 17.

¹⁸² ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 215. Л. 17.

хотя бы раз в жизни совершить такое паломничество, русские власти оказывались в затруднительном положении при применении ограничений.

Выявление потенциальных эмигрантов под прикрытием религиозных намерений было невозможным. Хорошо знакомый с особенностями подрывной в делах веры миссионерской деятельностью западноевропейских конфессий в различных ареалах мира, француз Г де Лакост заметил, что русские «хотят приобрести доверие покоренных народов, не противоречить им ни в их верованиях, ни в их обычаях»¹⁸³. Об этом было известно и на зарубежном Востоке, где наблюдалась иная практика владычества других империй. Отсутствие в России «притеснений по религиозным мотивам» отмечали, делаясь воспоминаниями своих предков в беседах с З.Б. Кипкеевой, и потомки мухаджиров в Турции¹⁸⁴.

Напротив, по их заверениям, именно в этой стране переселенцы столкнулись с запретами на использование родного языка и культуры. Обучение детей и отправление религиозных обрядов разрешалось только на турецком языке. Для этой цели во все мечети, связанные с местами расселения выходцев с Кавказа, направлялись представители «турецкой национальности». В школах же, открывавшихся во многих аулах в российских пределах, право на преподавание основ ислама предоставлялось представителям от коренного населения, получавшим духовный сан, также как и отправление обрядов в мечетях¹⁸⁵.

Препятствий не было и для желающих посетить мусульманские святыни. Утверждение М. Гаммера, что «политика России всегда была антиисламской», предполагала запрет «на отправление религиозных мусульманских обрядов» и «невозможность совершить хадж, паломничество в Мекку и Медину»¹⁸⁶, является не более чем надуманным. В подтверждение им приводится всего лишь небольшой фрагмент из

¹⁸³ Лакост Г. Россия и Великобритания о Центральной Азии. Ташкент, 1908. С. 42.

¹⁸⁴ Кипкеева З.Б. Указ. соч. С. 41, 56.

¹⁸⁵ Там же.

¹⁸⁶ Гаммер М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. М., 1998. С. 77–78.

документа, который содержит частное размышление составителя о предпочтительности восстановления христианства на Северном Кавказе. К тому же предпосылки для этого в действительности существовали, так как оно до начала исламизации в крае имело более широкое распространение, чем предполагалось ранее¹⁸⁷.

Приведенное М. Гаммером в подтверждение «доказательство» не может служить в качестве «неоспоримого свидетельства», так как, во-первых, не отражает ни в коей мере официальной позиции, а во-вторых, существуют многочисленные факты, позволяющие делать выводы прямо противоположного свойства. Упование в источнике на неизбежность правления с использованием силы оружия «до тех пор, пока не будет Крест... воздвигнут над горами и долинами», а мечети «заменены Храмами Спасителя»¹⁸⁸, должно восприниматься с учетом данных уточнений. Без этого заключение М. Гаммера об «антиисламском» характере российской политики не может быть признано объективным, а соответственно и научным.

О том, какое отношение к явлению «хаджа» было в России, говорит хотя бы такой факт: паломникам в отдельных случаях выделялась помощь от казны¹⁸⁹. К содействию были подключены и государственные структуры, наделенные соответствующими полномочиями¹⁹⁰. Разрешено было совершить паломничество вскоре после наступления мира на Кавказе и имаму Шамилю¹⁹¹. Запрета на хадж не появилось в России даже в период первой революционной смуты¹⁹². Не прерывался хадж и тогда, когда накануне Первой мировой войны при помощи турецкой агентуры, «богомольцев возвращавшихся из Мекки», были предприняты попытки активизировать исламский фактор¹⁹³.

¹⁸⁷ Матвеев В.А. «Русские покушались строить мечети...» // Российский исторический иллюстрированный журнал «Родина». 2004. № 4. С. 8–12.

¹⁸⁸ Гаммер М. Указ. соч. С. 78.

¹⁸⁹ Шамиль на Кавказе и в России. Биографический очерк / Сост. М.Н. Чичагова. СПб., 1889. С. 200, 202.

¹⁹⁰ Приложения архивных материалов // В кн.: Думанов Х.М. Указ. соч. С. 60.

¹⁹¹ Шамиль на Кавказе и в России. Биографический очерк / Сост. М.Н. Чичагова. С. 202, 206.

¹⁹² Приложения архивных материалов // В кн.: Думанов Х.М. Указ. соч. С. 58.

¹⁹³ ЦГИА РГ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 1133. Л. 1.

Несмотря на то, что такого рода подрывная деятельность проводилась с размахом, это не изменило отношение представителей русской администрации к явлению. Разрешения продолжали выдаваться. Совершая паломничество в святые места, российские мусульмане, исполнив свой священный долг, в подавляющем большинстве возвращались на родину. Поэтому проверить истинные намерения тех, кто использовал хадж как предлог для эмиграции, практически было невозможно. Общее количество переселившихся в конечном итоге вопреки первоначальным ожиданиям, было значительным и весьма поверхностно учтено в сохранившейся статистике. По имеющимся в ней данным можно только предполагать, что оно составило от 400 до 500 тыс. человек¹⁹⁴, хотя исследователями называются и другие цифры.

При определении их не учитываются между тем эпидемии, также оказывавшие влияние на демографические показатели. От них в неменьшей степени страдало и русское население. По наблюдениям краевой администрации «из недугов более всего и было жертв»¹⁹⁵. Из-за несовершенства составления статистических сведений их невозможно выделить из общей убыли горского и тюркского населения в тот период. На западную часть края приходилось 95% покинувших родину, а на восточную, где те же оперативные мероприятия, направленные на ограниченное выселение «наиболее беспокойных и враждебных» России племен, так и не привели к ожидаемым последствиям, – только 5%¹⁹⁶. Такая неравномерность, безусловно, неслучайна, и объяснение ее может вскрыть некую закономерность столь масштабного выселения горцев, которое, как видно из проведенного анализа, было не в интересах России.

Целенаправленное воздействие для побуждения к переселению наиболее враждебных России племен было, как уже сказано, сугубо ограниченным и при одинаковом использова-

¹⁹⁴ ЦГИА РГ. Ф.416. Оп. 3. Д. 1055. Л. 12; ЦГА РД. Ф.Р-621. Оп.1. Д.28. Л. 7.

¹⁹⁵ Цит. по: Матвеев О.В. «Казачи высказали замечательное добродушие и человеколюбие...». С. 64.

¹⁹⁶ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1277. Л. 2–3; Абрамов Я. Кавказские горцы. Материалы для истории черкесского народа. Вып. 3. Краснодар, 1927. С. 11; Дзагуров Г.А. Указ. соч. С. 40, 46–47. (Подсчет авт.).

нии в восточных и западных частях северокавказского края дало совершенно разные результаты. Разгадку этому нужно искать, несомненно, не только в том, что Турция, дав согласие, например, на переселение нескольких чеченских племен, в 1866 г. вероломно отказала им в приеме¹⁹⁷. Следовательно, целенаправленное воздействие, применявшееся к тому же лишь на начальной стадии, не могло быть определяющим в формировании явления мухаджирства. Переселение мусульман в Османскую империю, кстати сказать, происходило и из внутренних губерний России, но оно никогда не принимало столь массового характера так же, как и с других восточных окраин¹⁹⁸.

С.-Э.С. Бадаев в специальной разработке по распространению мухаджирства в вайнахской среде преувеличивает, на мой взгляд, размеры исхода, ссылаясь в качестве доказательства на содействие «генерала из мусульман» М. Кундухова, за которым последовало в Османскую империю незначительное количество переселенцев (до 3 тыс.). Это касается и проекта по заселению Северного Кавказа южными славянами, так и оставшегося проектом, так как от его реализации отказались вскоре после возникновения. Об этом свидетельствует и предельно низкий процент соответствующих этнических групп в составе населения края. Из представленной же выборочной иллюстрации фактов следует, что намерения, отраженные в нереализованном проекте, будто бы являлись главными в российской политике¹⁹⁹.

На протяжении ряда веков установилось следующее распределение влияния на Кавказ сопредельных государств: Ирана – в восточной части, по побережью Каспийского моря, России – в северо-восточной и центральной частях, Турции – в западной части, по побережью Черного и Азовского морей²⁰⁰. На это обратил внимание еще в 20-е гг. XIX в. генерал А.П. Ермолов, имевший разностороннюю осведомленность о геополитических особенностях края: «Турки... сильное... имея

¹⁹⁷ Абрамов Я. Указ. соч. С. 10–11.

¹⁹⁸ Дзагуров Г.А. Указ. соч. С. 191.

¹⁹⁹ Бадаев С.-Э.С. Указ. соч. С. 45–55.

²⁰⁰ Напсо Д.А., Чеменев С.А. Указ. соч. С. 63.

влияние на многочисленные закубанские народы»²⁰¹. Выделялось это и в отечественной историографии в 20–30-е гг. XX в., когда, собственно говоря, в соответствии с идеологическими установками и происходило становление версии «исторической вины» России за «истребление туземного населения»²⁰². В начале 90-х гг. XX в. эта особенность выделена также в исследованиях А.Х. Бижева, А.Х. Касумова и др.²⁰³

Однако из изложенного выше очевидно, что в преобладающей степени выселение произошло из зоны традиционного турецкого влияния, что в сопоставлении с приведенными фактами показывает, кто является главным виновником разыгравшейся трагедии. На выселение исключительно только с «Западного Кавказа» после «окончания в 1864 г. войны» представителями русской власти обращалось внимание и по мере разрастания масштабов мухаджирства²⁰⁴. В служебной документации констатировалось, что «огромное большинство горского населения... переселилось в Турцию» именно из «этой части края»²⁰⁵. П.И. Ковалевский при раскрытии употреблявшегося определения «кавказские горцы Западного Кавказа» отметил: «Все эти народы были магометанского вероисповедания и считали своим главою турецкого султана»²⁰⁶.

Преследуя свои цели в крае, Османскую империю всемерно поддерживали некоторые западные державы, и прежде всего Англия, игравшая, используя приемы своей колониальной политики, на «религиозных чувствах горцев» для «восстановления их против России»²⁰⁷. Так что картина произошедшего вырисовывается совершенно иная. Надлом был вызван не в последнюю очередь скрытыми обстоятельствами, которые

²⁰¹ Записки А.П. Ермолова. 1798–1826 гг. / Сост.: В.А. Федоров. М., 1991. С. 368.

²⁰² Янчевский Н. От победы к победе. (Краткий очерк истории гражданской войны на Северном Кавказе). Ростов н/Д, 1931. С. 5 и др.

²⁰³ Касумов А.Х., Касумов Х.А. Геноцид адыгов. Из истории борьбы адыгов за независимость в XIX в. Нальчик, 1992; Бижев А.Х. Адыги Северо-Западного Кавказа и кризис Восточного вопроса в конце 20-х – начале 30-х годов XIX в. Майкоп, 1994.

²⁰⁴ ЦГИА РГ. Ф. 416. Оп. 3. Д. 1055. Л. 12.

²⁰⁵ ЦГИА РГ. Ф. 416. Оп. 3. Д. 1055. Л. 12.

²⁰⁶ Ковалевский П.И. История Малороссии. С.-Петербург, 1912. С. 158.

²⁰⁷ Кокиев Г.А. Указ. соч. С. 32.

представители русской администрации не смогли своевременно учесть в проводившейся политике. Предопределенность прошлым в складывавшихся условиях выступала не только как объективная реальность недопонятая современниками. Это понижало эффективного противодействия. На ситуацию оказывали воздействие также случайности, что допускается теорией исторической синергетики, являющейся пока новацией среди прочих научных направлений²⁰⁸. Действительность была многообразной. Распознавание порождаемых происходившими трансформациями состояний облегчается лишь при наличии опыта.

Анализ фактов указывает на исключительную роль в формировании явления мухаджирства именно турецкого фактора. Показательны в этой связи и личные представления о подоплеке этой трагедии сына Шамиля Джемал-Эддина, который с гневом констатировал: «я напишу султану Абдул-Меджиду, чтобы он перестал морочить горцев... Турецкое правительство вело в отношении горцев точно такую политику, как европейцы в отношении негритосов. У турецкого правительства не хватило и благородства даже для дачи приюта горцам-переселенцам в Турцию, которые с трепетом ехали туда, как в святые места, думая найти в единой Турции для себя новую родину. Правительственный цинизм Турции доходил до того, что турки, в начале чуть ли не воззваниями поощряя переселение, думали использовать беглецов, по-видимому, для своих военных целей... но, столкнувшись с лавиной беженцев – испугались и позорно обрекли на вымирание людей, которые умирали и готовы были умереть по одному знаку – за величие Турции»²⁰⁹.

Вспоминая пережитое в одном из номеров парижского журнала «Мусульманин», Хотко Довлет-Гирей, увезенный из России еще ребенком в Османскую империю, спустя годы дал сходную оценку произошедшему: «Я смею думать, что именно Турция и никто более погубила горцев в нравственном, моральном и физическом отношении. Притворный и гнус-

²⁰⁸ Бородкин Л.И. «Надломы цивилизаций» в свете исторической синергетики // Россия в XX веке. Сб. науч. ст. М., 2003. С. 7–34.

²⁰⁹ Цит. по: Алиев У. Очерк исторического развития горцев Кавказа и чужеземного влияния на них ислама, царизма и пр. Ростов н/Д, 1927. С. 109–110.

ный режим... Нет и нет, Турция не родина нам, а самая злая мачеха... Здесь начинается трагедия жизни... Когда-то, чтобы насолить гяурам, они (турки. – В.М.) сманивали черкесов Кубани, но прошло то время, и они им больше не нужны»²¹⁰. Осознание, что «в христианской России... было бы лучше во всех отношениях, чем в магометанской Турции» приходило к покинувшим родину неоднократно²¹¹.

В Османской империи и других странах Ближнего Востока горцев вскоре постигло «полнейшее разочарование», и большая их часть была преисполнена желанием вернуться в Россию²¹². Дипломатические миссии последней в этом зарубежье, посольство в Стамбуле и различные консульства, были буквально завалены многочисленными прошениями горцев о возвращении²¹³. При А.И. Барятинском как представителе его императорского величества в крае учреждалась даже особая дипломатическая канцелярия²¹⁴. Главное управление наместника на Кавказе не раз ставило в известность начальников областей, губерний и отдельных частей края о том, что «многие переселенцы прежних лет, по достоверным сведениям недовольны своим настоящим положением» имеют «общее стремление к возвращению»²¹⁵. Против этого было прежде всего само турецкое правительство, заселившее горцами малопригодные для жизни регионы и использовавшее их на самых тяжелых и изнурительных работах²¹⁶. Россия и в этой ситуации в приеме им не отказывала.

Однако на реэмиграцию также были установлены ограничения для исключения ее стихийности и непредсказуемых последствий. Следует учитывать, что ходатайства о разреше-

²¹⁰ Цит. по: Наурзов Б.Б. История Кавказской войны. Майкоп, 1997. С. 36–37.

²¹¹ Напсо Д.А., Чекменев С.А. Указ. соч. С. 114.

²¹² Жизнь национальностей. 1919. 27 апр.

²¹³ Напсо Д.А., Чекменев С.А. Указ. соч. С. 113–114.

²¹⁴ Трепалов В.В., Гатагова Л.С. Государственная национальная политика на Северном Кавказе до 1917 года: особенности, специфика // Проблемы истории народов Северного Кавказа: межнациональные отношения (XX – XXI вв.). М., 2009. С. 45.

²¹⁵ Приложения архивных материалов // В кн.: Думанов Х.М. Указ. соч. С. 98.

²¹⁶ Напсо Д.А., Чекменев С.А. Указ. соч. С. 113–114.

нии вернуться в Россию охватывали, как правило, большие группы семей (до 8,5 тыс. и более), и их одновременный прием и обустройство представлялись делом сложным и весьма проблематичным. Существовало также опасение, что возвращавшиеся «скроются в горах, составят шайки и снова возобновят набеги и, может быть, “горную войну”», на которую в прошлом Россия тратила огромные средства. В Кавказской войне гибло ежегодно немало людей, а на ее ведение расходовалась шестая часть государственного бюджета²¹⁷.

К тому же было известно, что переселившимся горцам в Турции специально подсланные эмиссары, представлявшие как панисламистские объединения, так и заинтересованные управленческие инстанции, вплоть до окружения султана, а также дипломаты западных стран усиленно внушали мысль о скором возвращении их на родину для продолжения борьбы²¹⁸. Для организации выступлений против России на Кавказ засылалась агентура, состоявшая главным образом из мухаджиров, проникнутых религиозным фанатизмом и хорошо знавших местные условия. Во многом из-за этого последовавшее в 1872 г. разрешение на возвращение было отменено²¹⁹. Этим же была продиктована и жесткость предписания: «С возвратившимися на Кавказ поступать по всей строгости законов, как с абреками»²²⁰, в действительности фактически не исполнявшегося. Но все предпринимавшиеся меры указывают на масштабность угрозы.

Именно в этом контексте необходимо рассматривать, на мой взгляд, и резолюцию российского императора Александра II на одном из массовых прошений: «О возвращении и речи быть не может»²²¹, которую используют до сих пор как решающий аргумент в подтверждение версии «об исторической ответственности» за произошедшую трагедию, лежащей якобы исключительно на России. С высоты пережитого теперь эту резолюцию можно, конечно, признать и как ошибочную.

²¹⁷ Дзидзария Г.А. Указ. соч. С. 238, 240–241, 246.

²¹⁸ Дзидзария Г.А. Указ. соч. С. 238, 240–241, 246.

²¹⁹ Кипкеева З.Б. Указ. соч. С. 25.

²²⁰ Там же.

²²¹ Приложения архивных материалов // В кн.: Думанов Х.М. Указ. соч. С. 98.

На реэмиграцию же более мелкими партиями запрета не существовало и она происходила. Начальник Сухумского отдела отмечал, что «допущение исключений для отдельных лиц, а затем и для целых групп привело к массовому движению переселенцев»²²².

Отмена разрешения на возвращение при таком раскладе оказывалась формальностью. Еще до ее введения из общего количества переселившихся в Турцию в 1861 г. из Кубанской и Терской областей вернулось обратно более 70%²²³. В 1862 г. генерал Н.И. Евдокимов в служебной переписке впервые отметил устойчивый характер этого процесса. По имевшимся в его распоряжении данным, «каждое лето по несколько тысяч душ этих переселенцев возвращаются из Турции» на Кавказ²²⁴. Поток не стал меньше и после принятия запрета в 1872 г. К сожалению, из-за неполноты статистических сведений подсчеты невозможно произвести по другим годам и тем более десятилетиям.

Столкнувшись с данными пробелами при изучении проблемы, О.М. Цветков в свою очередь также заметил, что подсчеты охваченных мухаджирством в тот промежуток времени в российских источниках «весьма приблизительные». Из-за этнической разобщенности каких-либо адыгских сведений вообще не существует²²⁵, так как статистика появляется лишь при наличии потребностей в ней у государства. Во многом это объясняется стихийностью и непредсказуемостью самого явления. Неорганизованность официальной имперской статистики подтверждает отсутствие намерений и у русских властей на массовое переселение горцев в Турцию. Они к этому оказались не готовы, рассчитывая лишь на ограниченный отток враждебного населения.

Возвращавшиеся же на родину семейства горцев по решению или нелегально поселялись русскими властями «в прежних местах из человеколюбия и снисхождения к их бедственному положению»²²⁶. Многие из них рассказывали, что в

²²² Дзидзария Г.А. Указ. соч. С. 381.

²²³ Напсо Д.А., Чекунов С.А. Указ. соч. С. 115. (Подсчет авт.).

²²⁴ Цит. по: Дзидзария Г.А. Указ. соч. С. 235.

²²⁵ Цветков О.М. Указ. соч. С. 98.

²²⁶ Приложения архивных материалов // В кн.: Думанов Х.М. Указ. соч. С. 98.

Турции «вынуждены были для своего пропитания распродавать детей, жен и даже оружие»²²⁷. Широкое распространение в среде мухаджиров получали настроения на возвращение в Россию, главным образом, из-за неустроенности. В Османской империи ничего не делалось для облегчения их участи, несмотря на складывавшееся крайне тяжелое для переселившихся положение²²⁸.

Отдельные эпизоды имели лишь пропагандистское предназначение, использовавшееся для поддержания выселения с Северного Кавказа. Военный губернатор Эривани генерал М.И. Астафьев в своем донесении от 26 октября 1863 г. сообщал: «В бытность мою две недели тому назад в Александрополе явилось к границе 198 душ обоего пола чеченцев и просили дозволения возвратиться к нам, на прежнее местожительство. Узнав о крайне бедственном положении этих переселенцев, о которых турецкое правительство вовсе не заботится, я дозволил прислать ко мне депутацию для личных объяснений»²²⁹.

В информации об инциденте в вверенной приграничной области военный губернатор счел нужным сообщить кроме того, о следующем: «Депутаты эти объяснили мне, что они никогда бы не переселились из России, если бы не были обмануты влиятельными людьми, что им не оказывали никакого содействия в Турции, что они впали в крайнюю нищету, что им отвели для поселения самые нездоровые места и что они желают лучше быть сосланными в Сибирь или умереть на нашей границе, нежели возвратиться в Турцию»²³⁰. Далее говорилось, что эти горцы изъявляли даже готовность принять православную веру²³¹.

В 1865 г. в обращении к наместнику на Кавказе другие мухаджеры также жаловались, что стали жертвой «бессовестного обмана». Свою просьбу о возвращении они подкрепили заявлением: «Мы гораздо охотнее пойдем в Сибирь, чем будем жить... (в Турции. – В.М.), мы можем избавить многих горцев

²²⁷ Дзидзария Г.А. Указ. соч. С. 207.

²²⁸ Цит. по: Там же. С. 236.

²²⁹ Там же.

²³⁰ Там же.

²³¹ Там же.

от гибели своим возвращением»²³². Прошедшие через турецкую эмиграцию, резко изменили свое отношение к России, в их самосознании произошли существенные подвижки в ее восприятии. В подавляющей же массе, как свидетельствуют различного рода источники, мухаджиры негативно к России не относились. Такая настроенность прослеживалась в турецком зарубежье даже у тех выходцев с Кавказа, которые так и не вернулись по разным причинам из эмиграции. Сталкивавшиеся с ними неоднократно были удивлены «теми симпатиями и той глубокой любовью, с которыми черкесы» относились к России²³³.

Редактор журнала «Мусульманин» черкес Магомет-бек Хаджетлаше, подписывавший публикации псевдонимом «Мбх», призывал: «Не забудьте... что Россия для всех одна родина, и живущие в ней... должны быть братьями»²³⁴. Такая оценка отражала настроения многих мухаджиров. Сохранялась она некоторое время и на последующих этапах. В 1910 г. наместник его императорского величества на Кавказе генерал-адъютант И.И. Воронцов-Дашков сообщал в Петербург о «кубанских горцах» как «безусловно преданных русскому правительству»²³⁵. Добиваясь разрешения проблемы аграрного перенаселения, возникшей из-за позитивных демографических изменений, он старался как представитель центральной власти в крае и дальше укреплять сознание, что «они иноплеменики и иноверцы – не пасынки в своем отечестве»²³⁶.

Немалая часть мухаджиров именно с Россией, в пределах которой существовала свобода вероисповеданий, начинала связывать лучшие надежды на будущее²³⁷. Вернувшись, например, на Северный Кавказ в Баталпашинский отдел Даль-бек-Джаттаев, через некоторое время стал посещать карачаевские аулы и «проповедовать правила магометанской религии относительно чести и добра», из-за чего «имя

²³² Там же. С. 235.

²³³ Там же. С. 487.

²³⁴ Мбх. О братстве // Мусульманин. 1910. № 23.

²³⁵ РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 250. Л. 38, 40.

²³⁶ РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 250. Л. 40.

²³⁷ Приложения архивных материалов // В кн.: Думанов Х.М. Указ. соч. С. 111.

его дошло до фанатичного обожания» и этим обратило на себя особое внимание полиции. Однако вопреки опасениям в проповедях он высказывался «против переселения горцев», признавая, ссылаясь на собственные впечатления, что «личность и имущество законом России ограждены более, нежели в Турции»²³⁸. Это подтверждалось и другими наблюдениями.

Изменение отношения к России в среде мухаджиров происходило даже в условиях Первой мировой войны. Генерал-майор Е.В. Масловский в воспоминаниях об операциях на Кавказском фронте изложил, в частности, такой случай, произошедший в начале мая 1916 г.²³⁹ В его передаче разъезд 3-го Черноморского казачьего полка при выполнении одного из заданий командования «захватил в плен в районе Киги турецкого майора». При нем оказались весьма важные документы, дополнявшие разведывательные данные ценными сведениями. Оказавшись в плену, «турецкий майор» заявил, что сам искал возможности сдаться. Поступок он просил считать добровольным. Пленный вместе с тем заявил о готовности передать «серьезные сведения», которые помогут в организации дальнейших наступательных операций²⁴⁰.

Майор оказался начальником оперативного отделения штаба 2-й турецкой армии. В местность, где произошла сдача в плен, он был командирован, по его словам, «для производства необходимых рекогносцировок» перед развертыванием частей на этом направлении. Майор заверил, что в плен сдался вследствие принятого осознанного решения из-за нанесенной начальством обиды и допущенной по отношению к нему несправедливости. После «победной Галлиполийской операции», одержанной турецкими войсками над английскими и французскими соединениями, командование наградило «почти всех офицеров штата», но его заслуги умышленно проигнорировало. По разъяснению майора, произошло это «ввиду его черкесского происхождения»²⁴¹.

²³⁸ Там же.

²³⁹ Масловский Е.В. Великая война на Кавказском фронте. 1914–1917 гг. (Военные мемуары). М., 2015. С. 352.

²⁴⁰ Там же.

²⁴¹ Там же.

Рассказал он и о недоверии, с которым по этой причине приходилось сталкиваться постоянно по службе. Дискриминацию майор воспринял как оскорбление. Затаив обиду, он «постепенно пришел к мысли... перейти на сторону русских, где у него имеются много родственников среди русских черкесов». Это намерение майор и привел в исполнение, приблизившись с небольшой группой сопровождения к линии фронта, стремительно отошедшей при неожиданном столкновении с «сильным разъездом» 3-го Черноморского казачьего полка. Симулировав ранение, по его разъяснению, «остался на месте», позволив взять себя в плен. Правдивость же показаний подтверждалась обстановкой. Русским командованием тем не менее были приняты меры по проверке «всех сведений» и предоставленных данных, в ходе которой также «выяснилась их полная правдивость»²⁴².

Информация о 2-й турецкой армии, полученная от пегиванца, оказалась весьма ценной для планирования последующих военных операций. Майор при ее передаче предоставил все «исчерпывающе» без каких-либо утаек и недоговоренностей. Интерес к полученным русским командованием от него сведениям проявила и английская разведка. По просьбе ее «военного агента», находившегося при Кавказской армии, сдавшемуся в плен офицеру «было предложено составить описание операции турок на Галлиполийском полуострове», где англичане и французы не так давно, несмотря на техническое превосходство, потерпели поражение²⁴³.

Записка о произошедшем, с изложением важных для английских спецслужб подробностей, была составлена майором на турецком языке. Для передачи их представителю в разведывательном отделении Кавказской армии они были переведены подъесаулом Большаковым. За оказанную услугу майор попросил лишь разрешения «поселиться в Кубанской области, в одном из черкесских аулов, откуда были родом его предки»²⁴⁴. Такое желание у него судя по всему сформировалось под влиянием близких и других переселенцев в Турцию

²⁴² Там же.

²⁴³ Примечания // В кн.: Масловский Е.В. Великая война на Кавказском фронте. 1914–1917 гг. (Военные мемуары). М., 2015. С. 537.

²⁴⁴ Там же.

из Российской империи. Это являлось проявлением одного из направлений, в котором действовал контакт поколений в среде мухаджиров.

Представляя их поколение, знавшее о Северном Кавказе уже по рассказам старших возрастных групп, майор отразил в какой-то мере своим поступком и существовавшие настроения на возвращение. С санкции главнокомандующего великого князя Николая Николаевича просьба майора была удовлетворена. Ему было разрешено вернуться на родину. Кроме того, бывшему офицеру турецкой армии за оказанное содействие России до «крушения... фронта... ежемесячно выплачивалась небольшая пенсия»²⁴⁵. Знавшие о поступке потомка мухаджиров представители власти и военные продолжали заботиться о нем и впоследствии. При возникавших же затруднениях ему оказывалась необходимая поддержка²⁴⁶.

Выходцы с Северного Кавказа, «имевшие всю родню» в Османской империи, напротив, по наблюдениям командования русской армии, являлись «преданными шпионами турок», передавая им сведения о происходившем в прифронтовой полосе. Так поступали, например, черкесы из селения Верхний Сарыкамыш. После «разгрома турок», по сохранившимся свидетельствам, «они все выселились», уйдя с ними при отступлении²⁴⁷. Определяющую роль судя по всему при таких перемещениях играл фактор единства веры так же, как и ранее при формировании явления мухаджирства. Подтверждается это и тем, что в период Первой мировой войны в пределы Российской империи из Турции переместилась немалая часть христианского населения. При отходе тех или иных подразделений Кавказской армии с ними уходило, в частности, армянское население. Искать спасение из-за возникавших угроз в связи с религиозными различиями, вынуждены были и ассирийцы.

²⁴⁵ Там же.

²⁴⁶ При эвакуации участников белого движения на Юге России на завершающем этапе гражданской войны майор, к слову, также намеревался уйти вместе с ними. Однако генерал Шатилов, к которому он обратился за советом, убедил его «не покидать Кубанской области», так как «пути... эвакуации, неизбежно идущие через Турцию, для него были закрыты». (Примечания // В кн.: Масловский Е.В. Великая война на Кавказском фронте. 1914–1917 гг. (Военные мемуары). М., 2015. С. 537).

²⁴⁷ Там же. С. 512.

Возвращались мухаджиры и с враждебной настроенностью по отношению к России. Так, выбранный в 1917 г., вскоре после Февральской революции, комиссаром Хасав-Юртовского округа Терской области как представитель кумыкского народа князь Р.-Х.З. Капланов, проживавший до возвращения на родину в Стамбуле (Константинополе) и служивший в турецкой армии офицером, изъял оружие «у хуторян русских и колонистов», раздав его «туземцам»²⁴⁸. Кроме того, им были переданы все арсеналы, находившиеся в округе. Тем самым Р.-Х.З. Капланов предоставил возможность «грабить и убивать» беззащитное русское население, спровоцировав судя по всему не без умысла этническую чистку находившейся под его управлением территории²⁴⁹.

В Россию он вернулся «со дня объявления войны Турцией», как отметил в докладе председателю Совета министров 1 августа 1917 г. военный чиновник И. Коломиец, именно с такими намерениями²⁵⁰. Расследуя обстоятельства инцидента, он обратил внимание на целенаправленное стремление комиссара к подрыву государственных устоев. Необходимо заметить, что по российским законам мусульмане служили в армии только добровольно, в то время как с началом Первой мировой войны восточнославянское мужское население призывных возрастов оказалось мобилизованным по принципу всеобщей воинской повинности и находилось на фронтах. ТERRORизируя семьи защитников отечества, Р.-Х.З. Капланов способствовал тем самым дестабилизации ситуации не только в тылу. Его примеру, как заметил военный чиновник в докладе Временному правительству, следовали и другие представители власти, пришедшие ему на смену после смещения²⁵¹.

После пребывания в Турции в течение двух с половиной лет в начале XX в. неутешительные наблюдения о подлинной роли ее в судьбе горских народов между тем остались и у С.Г. Буачидзе, ставшего по ходу последующих революционных событий в России первым председателем Терского совнаркома²⁵².

²⁴⁸ РГИА. Ф. 1276. Оп. 21. Д. 69. Л. 10-об.

²⁴⁹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 21. Д. 69. Л. 10-об.

²⁵⁰ РГИА. Ф. 1276. Оп. 21. Д. 69. Л. 10-об.

²⁵¹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 21. Д. 69. Л. 10-об.

²⁵² Никонов И.Н., Гальцев В.С. Ной Буачидзе. Орджоникидзе, 1957. С. 7.

Выступая с докладом на III областном съезде 23 мая 1918 г., он выделил «с болью в сердце», как особо запомнившееся, встречи с мухаджирами. Покинувшие родину рассказывали ему, что турецкие беки издевались над ними и смотрели на выходцев с Кавказа, «как на пасынков, как на гяуров, они не имели земли, не имели даже голоса на судах»²⁵³. И признавая с горечью свою ошибку, горцы-эмигранты говорили С.Г. Буачидзе, что «положение их при царизме в России было гораздо лучше, чем в Турции»²⁵⁴.

Находившийся в Турции в 1919 г. по поручению организаторов Горской республики, взявших курс на создание на Северном Кавказе самостоятельного государства, Хасан Хадзарат с недоумением сообщал из Стамбула в письме от 28 февраля занимавшему пост председателя в правительстве П.Т. Коцеву: «Дорогой Пшемахо... Теперь кое-что о турецких черкесах... Как это ни покажется странным, они не относятся к России отрицательно, полагая, что нам ни в коем случае не следует ссориться с ней»²⁵⁵. М.В. Фрунзе, посетивший Турцию в 1921 г. в качестве чрезвычайного представителя украинской республики для заключения договора с правительством этой страны, проезжая через занятый черкесскими поселениями район, также столкнулся с подобными настроениями: «все старики, помнящие Россию, вспоминают о ней с любовью»²⁵⁶. Оставшиеся на Северном Кавказе черкесы, как видно по служебной переписке краевой администрации, перестали под российской юрисдикцией совершать грабительские набеги и «всецело предалась мирным занятиям»²⁵⁷.

Сам же исторический опыт преодоления препятствий на пути интеграции всех частей Северного Кавказа на завершающих стадиях противостояния и эпоху после окончания затяжного вооруженного конфликта имел, таким образом, как положительные, так и отрицательные последствия. В нем, безусловно, не существовало одномерности. Комплекс же

²⁵³ Съезды народов Терека. Сборник документов и материалов. В 2 т. Т. I. Орджоникидзе, 1977. С. 271.

²⁵⁴ Там же.

²⁵⁵ ЦГА РД. Ф. Р-621. Оп. 1. Д. 28. Л. 7.

²⁵⁶ Цит. по: Дзидзария Г.А. Указ. соч. С. 491.

²⁵⁷ РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 296. Л. 10-об.

мер, направленных на укрепление единства края с Россией, был разнообразным и во многом соответствовал его особенностям. Однако в проводимой политике допускались и просчеты. В оценках же должен учитываться, как уже неоднократно отмечалось в моих исследованиях, эпохальный контекст, с наличием различных составляющих, повлиявших на осуществление российской политики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Государственное объединение соответствовало не только интересам русских, но и всех народов Кавказа. Впервые за многие века они получили спасительную для себя защиту от внешних агрессий. Спасая сопредельные народы, Россия обретала нравственный потенциал. Он так же оказывал воздействие на интеграционный процесс. При укреплении позиций на Кавказе авторитет России имел большую эффективность, чем ставка на силу оружия. Пребывание в ее составе создало более благоприятные условия для этнической консолидации. Вместе с тем преодолевались многовековая вражда и разобщение, достигалась континентальная стабилизация. Интеграция в систему российских государственных отношений происходила как накануне, так и по ходу присоединения.

Этот процесс в той или иной мере охватывал значительную часть иноэтнических сообществ. Расширение его масштабов происходило не без противоречий, но в итоге оказывалось определяющим. Проводившаяся на северокавказской окраине политика основывалась на принципе единого отечества. При этом Россия выступала своего рода идеей объединения. Кавказская война соответственно также явилась не только фактором длительного полувекового противостояния, но и государственного объединения под юрисдикцией России другой более значительной части «туземного населения». Этот процесс в последующую после ее окончания эпоху затронул и «непримиримых».

Подданными признавались все народы. Особенности проводившейся политики являлось отрицание подходов основанных на «узком национализме». В формировании государственного единства не существовало одномерности. Но российская ориентация играла для большинства местного населения определяющую роль. В отличие от европейских и азиатских империй в России этничность не подавлялась. В обустройстве окраин существовала не только унитарная централизация, но и федерализация с самоуправлением «туземных обществ». Принудительные связи, присущие всем имперским образованиям, в российской государственной системе не преобладали, а там, где они устанавливались не

начальных стадиях контакта, со временем заменялись общегражданскими. Достигалось объединение не всегда мирными средствами, однако добровольная солидаризация оказывалась преобладающей.

В затягивании войны на Северо-Западном Кавказе и разрастании масштабов трагедии выселения горцев в Турцию после ее окончания не последнюю роль сыграли внешние влияния. Формированию феномена мухаджирства способствовали различные причины: пропаганда турецкой агентуры, отсутствие устойчивой этнической консолидированности, кризисные обострения в экономике, и т.д. В формировании явления мухаджирства исключительную роль играл турецкий фактор. Заинтересованности же в выселении горцев в пределы Османской империи у России не было. По поводу наметившейся эмиграции неоднократно выражалось сожаление. Во взглядах на ситуацию господствовала точка зрения, что Россия не сможет очень долго освоить край, равно как и другие окраины, людскими ресурсами.

Столкнувшись с массовым переселением, представители русской администрации принимали меры его остановить. Осуществлялись выезды в аулы, с горскими обществами подписывались специальные приговоры, затруднялась выдача разрешений, задействовались сила местных обычаев. Утверждения о том, что горцев не удерживали, поощряли их выезд, не соответствуют действительности. Переселявшимся оказывалась помощь. Благодаря поддержке русских властей участь мухаджиров была существенно облегчена. Установленные ограничения на возвращение вызывались опасением возобновления войны, на которую в прошлом Россия несла огромные затраты.

В Турции усиленно велась агитация в среде переселенцев о скором возвращении на родину для продолжения борьбы. Для организации выступлений против России на Кавказ высылались агентура, состоявшая из мухаджиров, проникнутых религиозным фанатизмом. Прошедшие через турецкую эмиграцию изменили свое отношение к России, в их самосознании произошли существенные подвижки. Часть из них вернулась на родину. Оставшиеся в России сохранили, в отличие от тех, кто попал в Турцию, где в проводимой политике применялся

принцип узкого национализма, свою уникальную культуру и соответственно этническую самобытность.

Не относились к России негативно в подавляющей массе и те горцы, которые так и не вернулись из эмиграции. Массовое переселение произошло только из зоны традиционного турецкого влияния. Но оно, безусловно, относится к числу крупнейших геополитических неудач России. В переселение была вовлечена и значительная часть мусульманского населения, не испытывавшая к России враждебности, а не только племена, не желавшие принять ее подданство. Страна теряла, таким образом, своих потенциальных соотечественников, способных приумножить ее государственную силу и экономическое благосостояние. Переселение горцев является трагедией не только тех, кто потерял свою историческую родину, но и самой России.

Связи между вошедшими в ее состав народами устанавливались отнюдь не насильственными. Принуждение, присущее в прошлом всем без исключения имперским образованиям, в системе российских государственных отношений не преобладало, а устанавливавшееся на начальных стадиях, — трансформировалось в общегражданский контент. Периферия утрачивала окраинные признаки, втягиваясь постепенно в совместное развитие с собственно русскими областями и губерниями. Она не подпадает под типологию колониальной.

Отечественное же прошлое должно иметь человеческое измерение, а не классовое, партийное или какое-либо иное. Некоторые специалисты полагают, что России, так же как и зарубежным странам, проявлявшим активность на Кавказе, нужны были геополитические и другие выгоды. Конечно, это не мелочь, как не мелочь и судьба людей. При установлении государственного единства России с Кавказом ставка делалась прежде всего на соотечественников, на тех, кто признавал ее своей родиной.

БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ

Архивные материалы

***Российский государственный
военно-исторический архив
(РГВИА, г. Москва)***

Ф. 400. Главный штаб. Оп. 1.

***Российский государственный
исторический архив
(РГИА, г. Санкт-Петербург)***

Ф. 932. Дондуков-Корсаков. Оп. 1.

Ф. 1276. Совет министров. Оп. 19, 21.

***Государственный архив Краснодарского края
(ГАКК, г. Краснодар)***

Ф. 454. Канцелярия начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска. Оп. 1, 2.

***Центральный государственный архив
Республики Дагестан
(ЦГА РД, г. Махачкала)***

Ф. Р-621. Правительство республики Союза горских народов Северного Кавказа и Дагестана. (Горское правительство). Оп. 1.

***Центральный государственный исторический архив
Республики Грузия
(ЦГИА РГ, г. Тбилиси)***

Ф. 13. Канцелярия наместника на Кавказе. 1905–1917 гг. Оп. 1, 3.

Ф. 13-с. Канцелярия наместника на Кавказе. 1905–1917 гг. Оп. 29.

Ф. 17. Канцелярия Тбилисского губернатора. 1860–1917 гг. Оп. 2.

Ф. 416. Кавказская археографическая комиссия 1866–1885 гг. Оп. 3.

Ф. 1087. Военно-исторический отдел Кавказского военного округа за 1876–1917 гг. Оп. 1.

Нормативные акты и докладная документация

Государственная дума. 3-й созыв. Сессия 5. Засед. 120–153 (с 30 апреля по 9 июня 1912 г.): Стенографический отчет Ч. 4. СПб., 1912.

Сборники документов

Договоры России с Востоком политические и торговые / Собрал и издал Т. Юзефович. СПб., 1869.

Архивные материалы о Кавказской войне и черкесов (адыгов) в Турцию (1848–1874 гг.). Ч. 2. Нальчик, 2003.

Приложения архивных материалов // Думанов Х.М. Вдали от Родины. Нальчик, 1994.

Проблемы Кавказской войны и выселения черкесов в пределы Османской империи (20–70-е гг. XIX в.). Сб. архивных док. Нальчик, 2001.

Съезды народов Терека. Сборник документов и материалов. В 2 т. Т. I. Орджоникидзе, 1977.

Трагические последствия Кавказской войны для адыгов II-й половины XIX – начала XX вв. (Сб. док.). Нальчик, 2000.

Богословские и теологические трактаты

Библия. Ветхий завет. М., 2009.

Коран. Перевод смыслов и комментарии Иман Валерии Пороховой. Главный редактор Мухаммад Саид Аль-Рошд. Изд. десятое, доп. М., 2008.

Философское и литературное наследие

Абовян Х. Раны Армении. Пер. с арм. М., 1978.

Бердяев Н.А. Душа России // Русская идея: Сборник произведений русских мыслителей. М., 2002.

Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990.

Даль В. Полуночник. (Уральское предание) // Даль В. Упырь: Страшные легенды, предания и сказки. СПб., 2009.

Добролюбов Н.А. О значении наших подвигов на Кавказе // Собр. соч. В 9 т. Т. 5. М.-Л., 1962.

Достоевский Ф.М. Дневник писателя (1877 и 1880 гг.). // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. В 2 ч. Ч. 1. М., 1994.

Дюма А. Кавказ. Пер. с фр. Тбилиси, 1988.

Ильин И.А. О грядущей России. Св.-Троицкий монастырь, 1991.

Толстой Л.Н. Варианты из рукописных редакций «Набега» // Полн. собр. соч. Т. 3. М.; Л., 1932.

Толстой Л.Н. Хаджи-Мурат // Толстой Л.Н. Собрание сочинений: В 20 т. Т. 13: Повести и рассказы 1903–1910 гг. Незаконченное. Наброски. М., 1998.

Церетели А. Избранные стихотворения. Пер. с груз. М.-Л., 1953.

Церетели А. Сердце поэта: Стихотворения и поэмы. Пер. с груз. М., 1991.

Теоретическая публицистика

Ленин В.И. Есть ли путь к справедливому миру? // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Издание пятое. Т. 32. Май–июль 1917. Издательство политической литературы. М., 1969.

Мемуарные и иные археографические свидетельства

Абовян Х. Раны Армении / Пер. с арм. М., 1978.

Акты Кавказской археографической комиссии (АКАК). Т. 12. Тифлис, 1904.

Берже А.П. Выселение горцев с Кавказа // Русская старина. Т. 33. Кн. 2. СПб., 1882.

Бисмарк О. Мысли и воспоминания / Пер. с нем. Т. 2. М., 1940.

Витте С.Ю. Избранные воспоминания. М., 1991.

Воспоминания Осман-бея // Кавказский сборник. Т. 2. Тифлис, 1877.

Воспоминания участников Кавказской войны XIX в. СПб., 2001.

Где Лакост. Россия и Великобритания о Центральной Азии. Ташкент, 1908.

Записки А.П. Ермолова. 1798–1826 гг. / Сост.: В.А. Федоров. М., 1991.

Кн. Мещерский. Кавказский путевой дневник. СПб., 1876
Масловский Е.В. Великая война на Кавказском фронте. 1914–1917 гг. (Военные мемуары). М., 2015.

Россикова А. Путешествие из центральной части горной Чечни // Зап.-Кавк. отд-е Имп. Рус. геогр. об-ва. Кн. 18. Тифлис, 1896.

Сефер-бей Сиюхов – адыгский просветитель. Майкоп, 1991.

Хроника Мухаммеда-Тахира Ал-Карахи. О дагестанских войнах в период Шамиля. М., 1941.

Чихачев П.А. Письма о Турции. М., 1860.

Шамиль на Кавказе и в России. Биографический очерк / Сост. М.Н. Чичагова. СПб., 1889.

Краткий исторический очерк христианства кавказских горцев со времен Св. Апостолов до XIX столетия. Сочинение Генерального Штаба полковника Ракитина. 1862. СПб (публикация В.А. Захарова) // Сборник Русского исторического общества. Т. 2. (150) / Под ред. Рапова О.М. М., 2000.

Хроника Мухаммеда-Тахира Ал-Карахи. О дагестанских войнах в период Шамиля. М., 1941.

Справочные издания

Примечания // В кн.: Масловский Е.В. Великая война на Кавказском фронте. 1914–1917 гг. (Военные мемуары). М., 2015.

Исламский толковый словарь. Сост. Г.М. Гогиберидзе. Ростов н/Д, 2009.

Периодические издания

Газеты:

Жизнь национальностей (Москва). 1918–1922;
Кавказ (Тифлис). 1907–1917.

Журналы:

Мбх. О братстве // Мусульманин. 1910. № 23.

Информация с конференций

Информационное сообщение: «В Москве обсудили “черкесский вопрос”» // <http://www.regnum.ru/news/fd-south/1387518.html#ixzzIHjiYxbDC> (дата обращения: 25. 03. 2011).

Заявление конференции «“Черкесский вопрос”: историческая память, историографический дискурс, политические стратегии» // <http://www.regnum.ru/news/fd-south/1387918.html#ixzzIHjhljHQ> (дата обращения: 25. 03. 2011).

Литература

Абрамов Я. Кавказские горцы. Материалы для истории черкесского народа. Вып. 3. Краснодар, 1927.

Авраменко А.М., Матвеев О.В., Матющенко П.П., Ратушняк В.Н. Об оценке Кавказской войны с научных позиций историзма // Кавказская война: уроки истории и современность. Матер. науч. конф. г. Краснодар, 16–18 мая 1994 г. Краснодар, 1995.

Агаян Ц.П. Роль России в исторических судьбах армянского народа. К 150-летию присоединения Восточной Армении к России. М., 1978.

Аджи М. Польша половецкого поля. М., 1994.

Алиев У. Карачай. Ростов н/Д, 1927.

Алиев У. Очерк исторического развития горцев Кавказа и чужеземного влияния на них ислама, царизма и пр. Ростов н/Д, 1927.

Алиев У., Городецкий Б., Сиюхов С. Адыгея. Ростов н/Д, 1927.

Ахмадов Я.З. Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией. Грозный, 1991.

Бадаев С.-Э.С. Чеченское мухаджирство второй половины XIX в. как следствие политики самодержавия на Северном Кавказе // Научная мысль Кавказа. 1999. № 4.

Бадерхан Ф. Северокавказская диаспора в Турции, Сирии и Иордании. М., 2001. Бадерхан Ф. Северокавказская диаспора на Ближнем Востоке как компонент геополитической игры // Западный Кавказ между прошлым и будущим. Научный семинар (г. Сухум, 28–29 ноября 2012 г.). Сухум–Москва, 2013.

Берже А.П. Выселение горцев с Кавказа // Русская старина. Т. 33. Кн. 2. СПб., 1882.

Блиев М. Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. М., 2004.

Блиев М.М. «Камень Барятинского» // Российский исторический журнал «Родина». 1995. № 10.

Блиев М.М. Рецензия // Отечественная история. 2001. № 6.

- Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М., 1994.
- Бородкин Л.И. «Надломы цивилизаций» в свете исторической синергетики // Россия в XX веке. Сб. науч. ст. М., 2003.
- Борьба империй («круглый стол») // Российский исторический журнал «Родина». 1995. № 3–4.
- Буркин Н.Г. Революция 1905 г. в нацобластях Северного Кавказа. Ростов н/Д, 1931.
- Великая Н.Н. К вопросу о горском традиционном укладе первой половины XIX в. // Интеграция народов Кавказа и России. Материалы международной научно-практической конференции (г. Махачкала, 15 мая 2013 г.). Махачкала, 2013.
- Великая Н.Н., Виноградов В.Б. Замеченные итоги // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 1997. № 1.
- Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М., 2002.
- Виноградов Б.В. 200 лет назад... // «Грузинский и русский народы, вы – братья!» (К 200-летию присоединения Грузии к России). Под ред. проф. В.Б. Виноградова. Армавир, 2001.
- Виноградов Б.В. Горские набеги в контексте российско-кавказских взаимоотношений периода правления Павла I // Вопросы северокавказской истории. Вып. 1. Армавир, 1996.
- Виноградов Б.В. Деятельность генерала П.Д. Цицианова в контексте основных тенденций российско-северокавказских отношений первой половины XIX в. // Проблемы истории Северного Кавказа: Сб. научных статей. Краснодар, 2000.
- Виноградов Б.В. Еще раз к проблеме оценивания характера и особенностей российско-горского взаимодействия в XVI – начале XIX века // Интеграция народов Кавказа и России. Материалы международной научно-практической конференции (г. Махачкала, 15 мая 2013 г.). Махачкала, 2013.
- Виноградов Б.В. Интегративные проекты и дезинтегрирующие факторы в российско-северокавказских взаимоотношениях конца XVIII – начала XIX в.: монография. Славянск-на-Кубани, 2009.
- Виноградов Б.В. Кавказ в политике государя Павла I (1796–1801 гг.). Армавир; Славянск-на-Кубани, 1999.
- Виноградов Б.В. Очерки этнополитической ситуации на Северном Кавказе в 1783–1816 гг. Под ред. проф. В.Н. Ратушняка. Краснодар; Армавир, 2004.

Виноградов Б.В., Виноградов В.Б. Присоединение к России глазами грузинских писателей XIX в. // «Грузинский и русский народы, вы – братья!» (К 200-летию присоединения Грузии к России). Под ред. проф. В.Б. Виноградова. Армавир, 2001.

Виноградов В.Б. «Мухаджирство» в историческом контексте (полемиические заметки) // Проблемы всеобщей истории. Сб. науч. тр. Вып. 6. Армавир, 2000.

Виноградов В.Б. «Совместничество», т. е. ненасильственная солидаризация – главный нерв российско-кавказского взаимодействия (вводная редактора) // Предисловие к брошюре: Матвеев В.А. Исторические особенности утверждения геополитических позиций России на Северном Кавказе. Армавир; Ростов н/Д, 2002.

Виноградов В.Б. Ближневосточная закулиса имама Шамиля // Проблемы всеобщей истории: Междунар. сб. науч. и науч.-метод. тр. Вып. 6. Армавир, 2000.

Виноградов В.Б. Н.С. Семенов и его очерк «День в ауле» 1869 г. Армавир, 2002.

Виноградов В.Б. Н.С. Семенов и его очерк «День в ауле» 1869 г. Армавир, 2002.

Виноградов В.Б. Россия и Северный Кавказ (обзор литературы за 1971–1975 гг.) // История СССР. 1977. № 3.

Виноградов В.Б. Россия и Северный Кавказ (обзор литературы за 1976–1985 гг.: итоги и перспективы изучения) // История СССР. 1987. № 3.

Виноградов В.Б. Тмутараканское княжество – исток русской государственности на Северном Кавказе (историографический этюд) // Вопросы северокавказской истории. Вып. 10. Науч. сб. Армавир, 2005.

Виноградов В.Б., Великая Н.Н., Нарожный Е.И. На Терских берегах. Армавир, 1997.

Виноградов В.Б., Гусева Н.А. Горский плен: люди и судьбы. Армавир, 2002.

Гаджиев В.Г. Введение: Об авторе и его книге // См. в кн.: Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2000.

Гаммер М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. М., 1998.

Ганич А.А. Черкесская диаспора в Иордании: генезис и современное состояние. Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 2003.

Гапуров Ш.А. К вопросу о «набеговой системе горцев» // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Общественные науки. 2003. № 4.

Гапуров Ш.А., Магамадов С.С., Черноус В.В. Российская политика в Чечне в период наместничества А.П. Тормасова // Научная мысль Кавказа. 2016. № 4.

Гарунова Н.Н. Развитие путей сообщения на южных рубежах России в XVIII в.: исторический экскурс по материалам Военно-исторического архива РФ // Интеграция народов Кавказа и России. Материалы международной научно-практической конференции (г. Махачкала, 15 мая 2013 г.). Махачкала, 2013.

Данилевский Н.Я. Россия и Европа / Сост., предистов. и коммент. С.А. Вайгачева. (Историко-литературный архив). М., 1991.

Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991.

Дегоев В. Кавказская война XIX в. и идеологические конъюнктуры советского и постсоветского времени // Россия. XXI век. 1997. № 9–10.

Дегоев В.В. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. М., 2001.

Денисова Г.С., Уланов В.П. Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. Ростов н/Д, 2003.

Джимов Б.М. Политика ведущих держав и ее отражение в ходе Кавказской войны (конец XVIII – первая половина XIX вв.) // Кавказская война: уроки истории и современность. Матер. науч. конф. г. Краснодар, 16–18 мая 1994 г. Краснодар, 1995.

Дзагуров Г.А. Переселение горцев в Турцию // Материалы по истории горских народов. Ростов н/Д, 1925.

Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. 2-е изд., доп. Сухуми, 1982.

Дзидзоев В.Д. Национальные отношения на Кавказе. Владикавказ, 1995.

Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 6. СПб., 1888.

Дударев Д.С., Дударев С.Л. Северный Кавказ глазами представителей российского общества первой половины – середины XIX века. Армавир; Ставрополь, 2017.

Думанов Х. М. Вдали от Родины. Нальчик, 1994.

Епифаецев А. Кавказский вызов: конференция по черкесскому вопросу // <http://www.apn.ru/publications/article23944.htm> (дата обращения: 24. 04. 2011).

Ермакова Т.В., Островская Е.П. Классический буддизм. СПб., 2009.

Заурбекова Г.В. Сепаратизм в Чечне // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 135. М., 2000.

Интеграция народов Кавказа и России. Материалы международной научно-практической конференции (г. Махачкала, 15 мая 2013 г.). Махачкала, 2013.

История Абхазии. Сухуми, 1991.

История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). М., 1988.

Кабузан В.М. Народы России в первой половине XIX в.: Численность и этнический состав. М., 1992.

Кавказская война: спорные вопросы и новые подходы: Тез. докл. Международ. науч. конф. / Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. Институт российской истории. Махачкала, 1998.

Кавказская война: уроки истории и современность. Матер. науч. конф. г. Краснодар, 16–18 мая 1994 г. Краснодар, 1995.

Кавтарадзе А.Г. Генерал А.П. Ермолов. Тула, 1977.

Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. Пер. с англ. М., 2004.

Калашников М., Бунтовский С. Независимая Украина. Крах проекта. М., 2009.

Карамзин Н.М. Записка о новой и древней России в ее политическом и гражданском отношениях // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. В 2 ч. Ч. 1. М., 1994.

Карамзин Н.М. История государства российского // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. В 2 ч. Ч. 1. М., 1994.

Касумов А.Х. Окончание Кавказской войны и выселение адыгов в Турцию // Кавказская война: уроки истории и современность. Матер. науч. конф. Краснодар, 16–18 мая, 1994 г. Краснодар, 1995.

Касумов А.Х., Касумов Х.А. Геноцид адыгов. Из истории борьбы адыгов за независимость в XIX в. Нальчик, 1992. Би-

жев А.Х. Адыги Северо-Западного Кавказа и кризис Восточного вопроса в конце 20-х – начале 30-х годов XIX в. Майкоп, 1994.

Керашев М.А., Ачмиз М.Я., Аминова В.М. Гибель Черкесии. Краснодар, 1994.

Кипкеева З.Б. Карачаево-балкарская диаспора в Турции. Ставрополь, 2000.

Кипкеева З.Б. Российский фактор в миграциях и расселении закубанских аулов XIX в. Армавир; Ставрополь, 2002.

Клычников Ю.Ю. Деятельность А.П. Ермолова на Северном Кавказе (1816–1827 гг.). Ессентуки, 1999.

Клычников Ю.Ю. Набеговая система горцев и ее влияние на северокавказскую политику России в первой половине XIX в. // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северо-Западного Кавказа за 2000 г. Дикаревские чтения (7). Краснодар, 2001.

Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.). Пятигорск, 2002.

Клычников Ю.Ю. Северный Кавказ: старые проблемы в новом измерении. (Историко-политологические очерки). Пятигорск, 2016.

Клычников Ю.Ю. Усилия российской администрации по ликвидации последствий горского «хищничества» // Казачество в социокультурном пространстве России: исторический опыт и перспективы развития. Тезисы Всероссийской науч. конф. (28–29 сентября 2010 г., Ростов-на-Дону). Ростов н/Д, 2010.

Клычников Ю.Ю., Лазарян С.С. Мозаика северокавказской жизни: события и процессы XIX – начала XX веков. (Исторические очерки). Пятигорск, 2012.

Клычникова М.В., Клычников Ю.Ю. Вхождение Северного Кавказа в культурное поле России (1777–1864 гг.): Монография. Пятигорск, 2006.

Ключевский В.О. Исторические портреты и этюды. Афоризмы. СПб., 2009.

Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. М., 1983.

Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т. 2. Курс русской истории. Ч. 2. М., 1987.

Кляшторный С.Г. Россия и тюркские народы Евразии // Цивилизации и культуры: научный альманах. Вып. 2. М., 1995.

Ковалевский П.И. История Малороссии. С.-Петербург, 1912.

Кокиев Г. Военно-колониционная политика царизма на Северном Кавказе // Революция и горец. 1929. № 6.

Кропоткин П.А. Великая Французская революция. М., 1979.

Кудаева С.Г. О некоторых стереотипах в оценке роли Османской империи в судьбе адыгов (черкесов) в период Кавказской войны // Кавказская война: уроки истории и современность. Матер. науч. конф. Краснодар, 16–18 мая, 1994 г. Краснодар, 1995.

Кумыков Т.Х. Выселение адыгов в Турцию-последствие Кавказской войны. Нальчик, 1994.

Куценко И.Я. Кавказская война и проблемы преемственности политики на Северном Кавказе // Кавказская война: уроки истории и современность. Матер. науч. конф. Краснодар, 16–18 мая, 1994 г. Краснодар, 1995.

Лавриненко Д.А. Конфликтные процессы в Карачаево-Черкесии (2008–2010 гг.) // Юг России: проблемы, прогнозы, решения. Сб. науч. ст. Ростов н/Д, 2010.

Лубский А.В. Методология социального исследования: учеб. пособие. М., 2017.

Любавский М.К. Русская колонизация. М., 2014.

Марков Л. На Кавказе после появления там России // Посев. 1993. № 2.

Матвеев В.А. Исторические особенности интеграционного процесса Северного Кавказа с Россией и его геополитические составляющие // Интеграция народов Кавказа и России. Материалы международной научно-практической конференции (г. Махачкала, 15 мая 2013 г.). Махачкала, 2013.

Матвеев В.А. К вопросу о последствиях Кавказской войны и вхождения северокавказских народов в состав России. (Новое концептуальное освещение проблемы) // Кавказская война: уроки истории и современность. Матер. науч. конф. г. Краснодар, 16–18 мая 1994 г. Краснодар, 1995.

Матвеев В.А. Кавказская война: незамеченные итоги // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 1995. № 4.

Матвеев В.А. Переселение горцев в Турцию: неучтенные детали трагедии и подлинные интересы России на Кавказе // Научная мысль Кавказа. 1999. № 4.

Матвеев В.А. Россия и Северный Кавказ: исторические особенности формирования государственного единства (вторая половина XIX – начало XX в.). (Монография). Ростов н/Д, 2006.

Матвеев В.А. Русская колонизация окраин в контексте государственной политики (историографические аспекты) // Российский Северный Кавказ: социокультурные, экономические и политические аспекты истории XVIII–XXI века, материалы к историко-археологическому изучению региона. Доклады и сообщения 21 межрегионального семинара Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова / под. ред. С.Л. Дударева, Армавир; Ставрополь, 2017.

Матвеев В.А. «Русские покушались строить мечети...» // Российский исторический иллюстрированный журнал «Родина». 2004. № 4.

Матвеев В.А. «Смотря по желанию...». Российский исторический иллюстрированный журнал «Родина». 2000. № 1–2.

Матвеев В.А. «Черкесский вопрос»: современные интерпретации и реалии эпохи. Российская Академия наук. Институт этнологии и антропологии. Исследование по прикладной и неотложной этнологии. № 226. М., 2011.

Матвеев В.А. Чеченский кризис: о чем говорят свидетельства прошлого? // Посев. 1995. № 1.

Матвеев О.В. Враги, союзники, соседи: этническая картина мира в исторических представлениях кубанских казаков. Краснодар, 2002.

Матвеев О.В. Кавказская война: от фронта к фронтиру. Историко-антропологические очерки. Краснодар, 2015.

Матвеев О.В. «Казачество высказали замечательное добродушие и человеколюбие...». К вопросу о последствиях Кавказской войны // Казачество России: прошлое и настоящее. Сб. науч. статей. Вып. 3. Ростов н/Д, 2010.

Матвеев О.В. На круги своя... // Вопросы северокавказской истории. Вып. 10. Армавир, 2005.

Матвеев О.В., Матющенко П.П. Историк В.Н. Ратушняк // Библиографический указатель. 70-летию посвящается. Краснодар, 2010.

Миронов И.А. Уголовно-правовые и криминологические аспекты похищения человека. Автореф. дисс. канд. юридических наук. Ростов н/Д, 2002.

Напсо Д.А., Чекменев С.А. Надежда и доверие. Из истории дружественных связей народов Карачаево-Черкесии с русским народом. Черкесск, 1993.

Наурызов Б.Б. История Кавказской войны. Майкоп, 1997.

Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства. Матер. Всесоюз. науч.-практ. конф. 24–26 октября 1990 г. Нальчик, 1994.

Никонов И.Н., Гальцев В.С. Ной Буачидзе. Орджоникидзе, 1957.

Омельченко О.А. Римское право: учебник. 3-е изд., испр. и доп. М., 2007. С. 21.

Основы политологии / Под ред. В.П. Пугачева. М., 1992.

Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т.1. Грозный, 1967.

Ошаев Х. Очерк начала революционного движения в Чечне. Грозный, 1927.

Пашков Б. Россия и «движение» ее территории. Как менялась карта нашей страны с 862 по 1917 г. // Российский исторический журнал «Родина». 1995. № 10.

Победоносцев А. Черкессия. М., 1940.

Покровский Н.И. Государственный строй и управление имамата // Северо-Кавказский юридический вестник. 1998. № 1.

Потто В.А. Кавказская война. В 5 т. Т. 3. Ставрополь, 1994.

Потто В.А. Первые добровольцы Карабаха в эпоху водворения русского владычества на Кавказе: Военно-исторический очерк. (Б/и: Тифлис, 1902). М., 1993.

Проблемы Кавказской войны и выселения черкесов в пределы Османской империи (20–70-е гг. XIX в.). Сб. архивных док. Нальчик, 2001.

Рамазанов А.Х. Социально-исторические особенности края в 20-х – начале 30-х гг. XIX в. // Газимухамед и начальный этап антифеодальной и антиколониальной борьбы народов Дагестана и Чечни. Матер. межд. науч. конф. 13–14 окт. 1993 г. Махачкала, 1997.

Ратушняк В.Н. Из истории русско-адыгских отношений // Из истории русско-северокавказских связей (К 1000-летию

первого упоминания в летописи Тмутаракани): тезисы докладов. Краснодар, 1988.

Ратушняк В.Н. Развитие капиталистического земледелия в Предкавказье в конце XIX – начале XX века. // Вопросы исторической науки / Краснодарский госпединститут. Краснодар, 1969.

Ратушняк В.Н. Социально-экономическое развитие северокавказских туркмен в конце XIX – начале XX в. // История горских и кочевых народов Северного Кавказа в XIX – начале XX в. (проблемы социально-экономического развития). Ставрополь, 1980.

Российский Северный Кавказ: социокультурные, экономические и политические аспекты истории XVIII – XXI века, материалы к историко-археологическому изучению региона. Доклады и сообщения 21 межрегионального семинара Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова / под. ред. С.Л. Дударева, Армавир; Ставрополь, 2017.

Россия: Опыт национально-государственной идеологии / Под ред. В.В. Ильина, А.С. Панарина и др. М., 1994.

Русская политика в восточном вопросе (Ее история в XVI–XIX вв., критическая оценка и будущие задачи). Историко-юридические очерки С. Жигарева // Ученые записки. Московский университет. Вып. 11. М., 1896.

Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. М., 1994.

Скибицкая И.М. «Рад видеть своими подданными...» (Еще раз о встрече Императора Александра II с горцами осенью 1861 г.) // Александровские чтения. Краснодар, 2004.

Спорные границы на Кавказе / Под. ред. Б. Коппитерса. М., 1996.

Сухоруков В.Д. Историческое описание Земли Войска Донского. Комментарии, дополнения, вступительная статья Н.С. Коршикова и В.Н. Королева. Ростов н/Д, 2001.

Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). М., 2001.

Трепалов В.В., Гагагова Л.С. Государственная национальная политика на Северном Кавказе до 1917 года: особенности, специфика // Проблемы истории народов Северного Кавказа: межнациональные отношения (XX – XXI вв.). М., 2009.

Тройно Ф.П. Кавказская война и судьбы горских народов // Кавказская война: уроки истории и современность: Матер. науч. конф. Краснодар, 16–18 мая 1994 г. Краснодар, 1995.

Троицкий Е. Русский народ в поисках правды и организованности (1988–1996). М., 1996.

Туманов Г.М. Земельные вопросы и преступность на Кавказе. СПб., 1901.

Турецкая империя. Сочинение Альфреда де Бессе. Издание книгопродавца Манухина. Пер. с фр. М., 1860.

Умаханов М.-С.К., Алиев Б.Г. Некоторые вопросы освещения борьбы горцев под руководством Шамиля: подходы и итоги изучения, перспективы // Кавказская война: Спорные вопросы и новые подходы. Тез. докл. Межд. науч. конф. Махачкала, 1998.

Утверждение русского владычества на Кавказе / Под ред. генерал-лейтенанта Потто. Т. 3. Тифлис, 1904.

Фадеев Р.А. Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис, 1860.

Халилов А.М. Национально-освободительное движение горцев Северного Кавказа под предводительством Шамиля. Махачкала, 1991.

Хачилаев Н.М. Предисловие к русскому изданию // См. в кн.: Гаммер М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. М., 1998.

Цветков О.М. Адыгейский (черкесский) вопрос на Кавказе // Юг России: проблемы, прогнозы, решения. Сб. науч. ст. Ростов н/Д, 2010.

Чекалин С.В. Завещание Шамиля: Кавказские войны в лицах. М., 1998.

Черноус В.В. Отечественная историография национально-освободительных движений на Северном Кавказе в 20–50-х годах XIX в.: наука в контексте политического процесса // Научная мысль Кавказа. 2003. № 3.

Шербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска: в 2 т. (Репринтное воспроизведение). Екатеринодар, б/и., 1910–1913. Т. 2: История войны казаков с закубанскими горцами. 1913. Краснодар, 1992.

Эрдниев У.Э. Калмыки: Историко-этнографические очерки. 3-е изд. Элиста, 1985.

Эшба Е. Асланбек Шерипов. Грозный, 1927.

Янчевский Н. От победы к победе. (Краткий очерк истории гражданской войны на Северном Кавказе). Ростов н/Д, 1931.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Центральный государственный исторический архив Республики Грузия (ЦГИА РГ, г. Тбилиси)¹

Ф. 12. Канцелярия главноначальствующего гражданской частью на Кавказе. 1883–1905 гг. Оп. 11.

Ф. 12-с. Канцелярия главноначальствующего гражданской частью на Кавказе. 1883–1905 гг. Оп. 13.

Ф. 13. Канцелярия наместника на Кавказе. 1905–1917 гг. Оп. 1, 2, 3, 11.

Ф. 13-с. Канцелярия наместника на Кавказе. 1905–1917 гг. Оп. 29.

Ф. 17. Канцелярия Тбилисского губернатора. 1860–1917 гг. Оп. 1, 2.

Ф. 83. Канцелярия заведующего полицией на Кавказе. 1905–1906 гг. Оп. 1.

Ф. 83-с. Канцелярия заведующего полицией на Кавказе. 1905–1906 гг. Оп.

Ф. 94. Кавказское районное охранное отделение (1907–1914 гг.). Оп. 1.

Ф. 94-с. Кавказское районное охранное отделение (1907–1914 гг.). Оп. 1.

Ф. 224. Наблюдающий за ликвидацией немецкого землевладения в Кавказском крае (1916 г.). Оп. 1.

Ф. 229. Канцелярия наместника на Кавказе по военно-народному управлению. Оп. 1.

Ф. 242. Заведующий переселенческой частью на Кавказе в 1903–1918 гг. Оп. 1.

Ф. 243. Уполномоченный министра земледелия на Кавказе в 1883–1917 гг. Оп. 1.

Ф. 416. Кавказская археографическая комиссия 1866–1885 гг. Оп. 1, 3.

¹ Работа в данном архиве производилась в конце советской эпохи. Поэтому используется именно то наименование, которое существовало в период обращения. Впоследствии архив неоднократно подвергался реорганизациям. Менялись и его названия. В перечне указаны лишь те фонды, которые вводились мной уже в научный оборот.

Ф. 493. Общество восстановления православного христианства на Кавказе 1860–1917 гг. Оп. 1.

Ф. 545. Кавказское военно-народное управление. Оп. 1.

Ф. 1087. Военно-исторический отдел Кавказского военного округа за 1876–1917 гг. Оп. 1.

Ф. 2080. Особый Закавказский комитет (ОЗАКОМ). (1917 г.). Оп. 1.

Ф. 2081. Закавказский комиссариат. 1917–1918 гг. Оп. 1.

Анализ фондов

Из центрального государственного исторического архива Республики Грузия (ЦГИА РГ, г. Тбилиси), ставшего после распада СССР, с 1991 г., зарубежным, в научный оборот для данного и других проводившихся мной исследований информационные ресурсы введены из 20 фондов, позволившие не только включить в систематизацию неучтенные ранее факты, но и документы, на основе которых можно выявить истинные цели российской политики на Кавказе в изучаемый промежуток времени, ее интеграционную направленность, способствовавшую формированию универсалистского синтеза и преодолению сепаратистской обособленности.

Необходимые для этого сведения выявлены в канцеляриях Главного начальствующего гражданской частью на Кавказе в 1883–1905 гг. фонды 12 (опись 11) и 12-с (опись 13), Наместника на Кавказе в 1905–1917 гг. – фонды 13 (описи 1, 2, 3, 11) и 13-с (опись 29), Тбилисского губернатора за 1860–1917 гг. – фонд 17 (описи 1, 2), Заведующего полицией на Кавказе в 1905–1906 гг. – фонд 83 (опись 1) и 83-с (опись 1), Кавказского районного охранного отделения в 1907–1914 гг. – фонд 94 (опись 1) и 94-с. (опись 1), Наместника на Кавказе по военно-народному управлению – фонд 229 (опись 1)².

Отраженные в них факты нередко имеют законодательные свойства, а следовательно, отличаются достоверностью. Распоряжения, постановления и даже проекты воплощались, как правило, в действительности. Обработаны и привлечены для исследования также ресурсы фондов 416 Кавказской

² ЦГИА РГ. Ф. 12. Оп. 11; Ф. 12-с. Оп. 13; Ф. 13. Оп. 1, 2, 3, 11; Ф. 13-с. Оп. 29; Ф. 17. Оп. 1, 2; Ф. 83. Оп. 1; Ф. 83-с. Оп. 1; Ф. 94. Оп. 1; Ф. 94-с. Оп. 1; Ф. 229. Оп. 1.

археографической комиссии 1866–1885 гг. (описи 1, 3), 545 – Кавказского военно-народного управления (опись 1), 1087 – Военно-исторического отдела Кавказского военного округа за 1876–1917 гг. (опись 1), 2081 – Закавказского комиссариата 1917–1918 гг. (опись 1)³.

Вместе с тем изучены документы, содержащиеся в фондах 224 – Наблюдающего за ликвидацией немецкого землевладения в Кавказском крае (1916 г.) (опись 1), 242 – Заведующего переселенческой частью на Кавказе в 1903–1918 гг. (опись 1), 243 – Уполномоченного министра земледелия на Кавказе в 1883–1917 гг. (опись 1), 493 – Общества восстановления православного христианства на Кавказе, действовавшего в 1860–1917 гг. (опись 1), 2080 – Особого Закавказского комитета (ОЗАКОМ) за 1917 г. (опись 1)⁴. Приходится сожалеть, что часть хранившихся ранее в архиве дел при попытке эвакуации из г. Тбилиси в период Великой Отечественной войны утрачена. Возвращено обратно не все, что имелось. Содержимым центральных архивов потери не возмещаются.

Как стало известно, грузинскими спецслужбами на рубеже XX–XXI вв. хранившиеся в архиве документы по имамату Шамиля, Горской республике и другим существовавшим когда-то в прошлом сепаратистским проектам использовались для обоснования необходимости отторжения Северного Кавказа от России. С содержащих одностороннюю информацию дел копии передавались тем, на кого возлагались надежды в разработке соответствующих идеологических технологий. При помощи вырванных из исторического контекста сведений насаждалось представление, что «Чеченская Республика Ичкерия является правопреемницей Кавказского Эмирата Узун Хаджи», признанного в свое время «некоторыми государствами Европы». Обсуждения на этот счет проходили как с представителями боевиков, так и «общественно-политических кругов Грузии»⁵.

³ ЦГИА РГ. Ф. 416. Оп. 1,3; Ф. 545. Оп. 1; Ф. 1087. Оп. 1; Ф. 2081. Оп. 1.

⁴ ЦГИА РГ. Ф. 224. Оп. 1; Ф. 242. Оп. 1; Ф. 243. Оп. 1; Ф. 493. Оп. 1; Ф. 2080. Оп. 1.

⁵ Сайдаев И. Убрать свидетеля. Книга о «времени, когда друзья становятся врагами, а враги – друзьями». Грозный, 2013. С. 53.

Архив, в котором хранились дела бывшего кавказского наместничества, как стало известно при реорганизациях подвергся разделению. Часть содержащихся в нем материалов была передана в МВД. Они как раз, видимо, и задействовались в антироссийских целях. Существует, на мой взгляд, угроза утраты тех документов, которые содержат информацию о происходившей интеграции населения Кавказа в российское согражданство. Отображение в них получал и соответствующий опыт проводившейся в крае политики. Между тем отраженные в материалах о деятельности русской администрации на Кавказе сведения до сих пор не восстановлены в полной мере для восстановления правды о прошлом.

Источник информации

Сайдаев И. Убрать свидетеля. Книга о «времени, когда друзья становятся врагами, а враги – друзьями». Грозный, 2013⁶.

⁶ Автор воспоминаний как журналист принимал участие в событиях на стороне боевиков и лично контактировал с влиятельными полевыми командирами, а также с представителями грузинских и иных зарубежных спецслужб.

СОДЕРЖАНИЕ

Вводное предисловие	3
Глава I. Набеги как вызов российской государственности	22
Южные направления	32
Критерий справедливости	
Глава II. Противоречивость процесса объединения	43
Противоречивость тенденций	43
Остаточный сепаратизм	60
Нравственное воздействие	72
Глава III. Переселение горцев в Турцию	87
Дискурсы восприятия	87
Феномен мухаджирства	101
Неучтенные детали трагедии	115
Заключение	140
Библиография	143
Приложение	159

Научное издание

Матвеев Владимир Александрович

**Кавказская война:
дискуссионные аспекты и реалии эпохи**

Монография

Оригинал-макет А.В. Стахеева
Дизайн обложки А.В. Киреев

Подписано в печать 14.12.2017.

Формат 60×84 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 9,53 Уч.-изд. л. 6,94.

Гарнитура Arial. Бумага офсетная. Тираж 500 экз. Заказ № 6098.

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной
и сувенирной продукции

Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1. Тел. (863) 247-80-51.